МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЭЖЕН ФРАНСУА ВИДОК

ЗАПИСКИ ВИДОКА, НАЧАЛЬНИКА ПАРИЖСКОЙ ТАЙНОЙ ПОЛИЦИИ. Т. 3

Эжен Франсуа Видок

Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции

В трех томах

Том третий

Москва
Берлин
2019

УДК 821.133
ББК 84(4=471.1)
В42

Видок, Эжен Франсуа

В42 Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции. В 3 т. Т. 3 / Э. Ф. Видок ; [пер. с фр.] — Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. — 274 с.

ISBN 978-5-4499-0353-2

Эжен Франсуа Видок (1775–1857) — основатель Главного управления национальной безопасности Франции.

Вниманию читателя предлагаются «Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции» — мемуары первого в Европе частного детектива и неоднозначной личности. Авантюрное прошлое и недюжинный талант к перевоплощению делают из французского злоумышленника грозу преступного мира. События, описанные в книге, изложены живо и красочно, что позволяет в полной мере насладиться колоритом и нравами криминальной Франции того времени.

Многолетний опыт Видока, нашедший свое отражение в воспоминаниях автора, послужил огромным толчком к развитию детективного жанра и стал источником вдохновения для других писателей.

УДК 821.133
ББК 84(4=471.1)

ISBN 978-5-4499-0353-2

Глава сороковая

Как опасно разговаривать ночью. — Убийство и следствие. — Каин. — Арест двух супругов. — Преступник. — Шинок. — Запретные песни. — Исповедь. — Сомнамбулическая сцена и упорное запирательство. — Очная ставка двух друзей-разбойников. — Ужин под замком. — Отъезд в Париж

В течение четырех месяцев по дорогам близ столицы совершено было множество преступлений вооруженной рукой, но виновников не могли найти; напрасно полиция следила за некоторыми личностями, пользовавшимися дурной репутацией; все поиски были тщетны, как вдруг новое преступление, сопровождаемое странными обстоятельствами, дало данные, по которым можно было надеяться напасть на след преступников. Некто Фонтен, мясник, поселившийся в Куртиле, отправился на ярмарку в округ Корбейль. С мешком, заключавшим в себе пятьсот франков, он шел пешком мимо Кур-де-Франс и приближался к Эсонну, когда в очень близком расстоянии от гостиницы, куда заходил поесть, он встретил двух человек, довольно опрятно одетых. Солнце склонялось к закату, и Фонтен не прочь был идти в компании; потому подошел к незнакомцам и заговорил с ними:

— Добрый вечер, господа! — начал он.

— Добрый вечер, приятель, — отвечали ему.

Разговор завязался.

— Вот как, — заметил мясник, — уж и ночь на дворе.

— Что делать? Такое время года.

— Так-то оно так, да только мне остается еще сделать порядочный конец.

— А куда вы направляетесь, если не будет нескромностью?

— Куда? Да в Милли, покупать быков.

— В таком случае, если позволите, мы пойдем вместе; мы сами идем в Корбейль, и это как раз по дороге.

— Правда, — сказал мясник, — совсем кстати, и я рад воспользоваться вашей компанией: знаете, когда есть с собой деньги, то больше всего боишься остаться один.

— А! С вами деньги!

— Еще бы, и даже порядочный куш.

— У нас тоже есть деньги, но, кажется, в Кантоне бояться нечего.

— Вы думаете?.. Впрочем, у меня есть чем и оборониться, — добавил он, показывая на палку. — И притом, как мы вместе, то воры, знаете ли, пожалуй, и поприздумаются.

— Они не тронут.

— Я думаю, черт возьми, не посмеют.

Беседуя таким образом, трио прибыло к дверям какого-то домишки, у которого ветка можжевельника означала, что это кабак. Фонтен предложил спутникам распить с ним бутылку. Вошли, спросили божанси, восемь су литр. Уселись. Дешевизна, представившийся случай угоститься, равно как и легкость напитка, заставляют гостей повторить и повторить порцию. Невольно пришлось засидеться, и каждый готов был заплатить свою долю. Прошло три четверти часа, и когда вздумали подняться с места, Фонтеп оказался более чем навеселе. В таком положении кто способен сохранять благоразумную предосторожность?

Добрый мясник искренне рад, что нашел хороших собутыльников; сознавая, что нет ничего лучше, как иметь их провожатыми, он вполне отдается в их распоряжение; и вот все направились по проселочной дороге. Фонтен шел впереди с одним из незнакомцев; другой следовал за ними. Было так темно, что в четырех шагах едва можно было различать предметы, но у преступленья рысьи глаза и наигустейший мрак ему нипочем. Спутник, шедший позади Фонтена, ничего не подозревавшего, вдруг хватил его по голове дубиной так, что тот пошатнулся. Изумленный мясник хочет обернуться, но другой удар опрокидывает его; в ту же минуту

второй разбойник, вооруженный ножом, устремляется на него и бьет его до тех пор, пока убедился, что он мертв. Несмотря на долгое сопротивление, Фонтен был уложен наповал. Убийцы взяли его мешок, вынули все и ушли, оставя его плавающим в крови.

В это время шел путник и услыхал стоны: свежий воздух возвратил Фонтена к жизни. Путник подошел, оказал несчастному первую помощь и побежал к окрестным жителям. Тотчас же донесли магистрату Корбейля; королевский прокурор прибыл на место преступления, сделал допрос свидетелю и разведал все мельчайшие обстоятельства; двадцать восемь более или менее глубоких ран свидетельствовали, как преступники страшились, чтобы их жертва не ожила. Но мясник мог еще произнести несколько слов; хотя слабость не дала ему возможности раскрыть все необходимое для хода правосудия. Его перенесли в госпиталь, где через два дня значительное улучшение здоровья подало надежду к возвращению жизни.

Тело было поднято со всевозможной предусмотрительностью, ничто не было упущено из виду, что могло бы послужить раскрытию убийц: следы шагов были сняты, пуговицы, окровавленные клочки бумаги тщательно собраны; на одном из клочков, послуживших, по-видимому, для обтиранья лезвия ножа, найденного невдалеке, заметны были буквы…

Они были без связи и, следовательно, не могли служить приметами, из которых было бы легко извлечь пользу. Но так как королевский прокурор придавал большое значение разъяснению этих знаков, то место, где был поднят Фонтен, было снова обыскано и найден в траве другой клочок бумаги, по-видимому, — разорванный адрес. После тщательного осмотра разобрали слова:

Г-ну Рау

в-и-н-о-т-о-р-г-о-в-ц-у зас

Роше

Кли

Этот клочок, как видно, был оторван от печатного листа; но что это был за листок, невозможно было дознаться. Как бы то ни было, так как в подобных обстоятельствах нет малейшей подробности, которую не было бы полезно изучить в ожидании более точных данных, то приняли к сведению все, что могло способствовать производству следствия.

Судьи, собиравшие эти первые данные, достойны всякой похвалы за свое усердие и искусство. Исполнивши первую часть задачи, они поспешили в Париж, чтобы сговориться с судебной и административной властью. По их просьбе меня тотчас же присоединили к ним, и, запасшись составленным ими протоколом, я отправился на поиски убийц.

Жертва преступления рассказала их приметы; но можно ли было полагаться на сведения из подобного источника? Немногие из людей могут иметь при большой опасности присутствие духа, чтобы хорошо все видеть; а на свидетельство Фонтена тем менее можно было полагаться, что оно отличалось точностью. Он рассказывал, что во время борьбы, довольно долгой, один из нападавших вдруг, упавши на колени, испустил болезненный крик и тогда же сказал своему сообщнику, что чувствует сильную боль. Другие его показания казались мне необыкновенными при том состоянии, в котором он находился; мне трудно было представить себе, чтобы он сам был в них уверен. Несмотря на то, я намеревался извлечь из них возможную пользу; но прежде необходимо было принять в руководство более положительную точку отправления.

По моему мнению, надо было начать с разъяснения загадочного адреса; я стал ломать голову и без особенных усилий пришел к убеждению, что, за исключением имени, адрес можно было восстановить так: «Господину виноторговцу, застава Рошешуар, шоссе Клипьянкур». Было очевидно, что убийцы находились в сношениях с виноторговцем той местности, может быть, даже сам виноторговец был одним из

убийц. Я принял все меры, чтобы скорее узнать истину, и еще до вечера уверился, что не ошибался, подозревая несколько Рауля. Эта личность была мне известна не с особенно хорошей стороны; он считался одним из самых неустрашимых контрабандистов на таможенной линии, и содержимый им кабак служил сборищем всевозможных негодяев, справлявших там свои оргии; кроме того, жена его была сестрою освобожденного каторжника, а сам он вел дружбу с людьми, про которых ходила дурная слава. Словом, репутация его была отвратительна, и когда совершалось в той местности какое-либо преступление, хотя он в нем и не участвовал, но ему справедливо можно было сказать: «Если это не ты, то твой брат или кто-нибудь из твоих же».

Рауль некоторым образом постоянно находился в подозрении или за себя, или за своих окружающих. Я учредил надзор вокруг кабака и велел полицейским не упускать никого, кто в него войдет, чтобы увидеть, не будет ли в числе посетителей кого-нибудь раненого в коленку. Пока отряженные мною находились у Поста наблюдения, мои собственные справки доставили мне сведение, что Рауль постоянно принимал у себя двух субъектов подозрительной наружности, с которыми вел тесную дружбу. Соседи утверждали, что всегда видели их вместе, что они часто отлучались, и, без сомнения, главная их торговля была контрабандная.

Один виноторговец, который поблизости мог легче наблюдать все, что делалось в жилище Рауля, сообщил, что собрат его часто отправлялся в сумерках и возвращался только уже на другой день, обыкновенно усталый донельзя и загрязненный по пояс. Мне рассказывали еще, что у Рауля в саду была устроена цель и что он упражнялся в стрельбе из пистолета. Таковы были сведения, получаемые со всех сторон.

В то же время полицейские донесли, что видели у Рауля человека, которого можно было заподозрить в означенном убийстве; хотя он не хромал, но ходил с трудом, и костюм его

вполне сходен был с тем, который описал Фонтен; они добавляли, что человек этот часто являлся в сопровождении жены и что оба супруга находились в тесной дружбе с Раулем. Жили они, как можно было догадаться, в первом этаже в улице Кокенар. Чтобы не возбудить подозрений относительно розысков, которые должны были производиться наивозможно секретно, мы нашли нужным не входить в дальнейшие расспросы.

Это донесение подтверждало мои догадки; я тотчас же решил стать на страже в окрестностях означенного дома и еще до рассвета уже находился в улице Кокенар. Я простоял там до четырех часов пополудни и поистине уже начинал терять терпение, когда полицейские показали мне личность, черты и имя которой тотчас же пришли мне на память. «Это он», — сказали они.

Действительно, только взглянувши на так называемого г-на Курта, я, основываясь на предыдущем, пришел к заключению, что он был одним из отыскиваемых мною убийц. Его нравственные правила весьма подозрительного свойства навлекали ему во многих случаях страшные неприятности; он выдержал шестимесячное тюремное заключение и был задержан по обвинению в контрабанде с оружием в руках. Это была одна из тех развратных личностей, которые, подобно Каину, носят на челе печать смерти. Не будучи пророком, можно было смело предсказать, что ему предназначено попасть на эшафот. Одно из предчувствий, никогда меня не обманывавших, говорило мне, что опасная карьера, на которую толкнула его судьба, приближалась к своему концу. Но, не желая действовать с излишней поспешностью, я сделал справку насчет его средств к жизни; оказалось, что средств никаких не было; всем было известно, что у него ничего не было и что вместе с тем он не работал. Соседи, к которым я обратился, единодушно заявили, что жизнь он вел весьма неправильную, что вообще Курт, равно как и Рауль, были

настоящими разбойниками и их стоило приговорить на работы в рудниках. Что касается до меня, имевшего основание считать их отъявленными злодеями, то виновность их была для меня несомненна, поэтому я поспешил выхлопотать приказ на право их задержания.

Приказ был дан, и на следующий же день, до восхода солнца, я появился у дверей Курта. Войдя в сени, я постучал.

— Кто там? — спросили изнутри.

— Отвори, это Рауль, — я старался подделаться под голос последнего.

Он поспешно отворил, спрашивая:

— Есть что-нибудь нового?

— Да, да, — ответил я, — есть новое.

Не успел я произнести эти слова, как при свете сумерек он увидел, что его обманули.

— Ах! — вскричал он в невольном ужасе. — Это г-н Жюль! (Так звали меня проститутки и воры).

— Г-н Жюль! — повторила жена его еще с большим отчаянием.

— А что ж такое? — сказал я супругам, огорченным моим ранним приходом. — Или вы боитесь? Не так страшен черт, как его малюют.

— Правда, — заметил муж, — г-н Жюль — человек добрый; он уже не раз засаживал меня, но я все-таки не в претензии на него за это.

— Я думаю, — возразил я, — моя ли вина, что ты занимаешься беспошлинной продажей (контрабандой)!

— Контрабанда! — возразил Курт тоном человека, внезапно облегченного от большой тяжести. — Контрабанда! Ах, г-н Жюль, вы хорошо знаете, если бы так было, то я не скрыл бы от вас; притом в вашей воле сделать обыск.

Пока он все более и более успокаивался, я принялся обыскивать дом и нашел два заряженных пистолета, ножи,

платья, только что вымытые, и некоторые другие вещи, которые я забрал.

Оставалось довершить розыск: если засадить мужа без жены, то, без сомнения, она предупредила бы Рауля обо всем случившемся. Я отправил обоих на гауптвахту крепости Каде. Курт, которого я велел связать, сделался мрачен и задумчив; принятые мною предосторожности опечалили его; жену его, по-видимому, тоже преследовали страшные мысли. Они пришли в ужас, когда на гауптвахте я отдал приказание их разлучить и не терять из виду. Я велел снабжать их всем необходимым, но они не чувствовали ни голода, ни жажды. Когда обращались к Курту с подобными предложениями, он отвечал только отрицательным покачиванием головы; восемнадцать часов провел он, не проронивши ни слова, с тупым взглядом и неподвижной физиономией. Это бесчувствие было явным признаком его виновности: в подобных случаях я почти всегда замечал две крайности — мертвое молчание или невыносимую болтливость.

Пока преступная чета находилась под крепким надзором, оставалось захватить Рауля. Я направился к нему, но не застал его дома. Мальчик, стерегший лавку, сказал, что он ночевал в Париже, но так как это было воскресенье, то должен был рано вернуться.

Это отсутствие было непредвиденным препятствием; я боялся, чтобы до возвращения он не вздумал повидаться со своим другом, в таком случае он узнал бы об его аресте и, по всей вероятности, принял бы меры ускользнуть от меня. Я даже со страхом предполагал, что он мог нас видеть проходившими через улицу Кокенар, и мои опасения удвоились, когда мальчик сказал, что хозяин его в городе имел постоянную квартиру в предместье Монмартр. Мальчик никогда там не был и не мог указать мне ее; но предполагал, что это было недалеко от крепости Каде; каждое из его показаний под-

тверждало мои опасения; Рауль мог опоздать именно потому, что заподозрил что-нибудь.

В десять часов его все еще не было; мальчик, в котором я старался ничем не возбудить подозрения, не мог понять, каким образом место хозяина за конторкой все еще не было занято, и начинал беспокоиться. Служанка, приготовляя завтрак, заказанный мною мне и моим спутникам, выразила также свое удивление, что хозяин и особенно хозяйка изменили своей обычной аккуратности; она боялась, не случилось ли с ними чего. «Кабы я знала адрес, — добавила она, — я послала бы посмотреть, уж живы ли они».

Я нимало не сомневался, что они были целы и невредимы; но где они находились? В полдень мы еще оставались при той же неизвестности, и я уже окончательно думал, что умысел мой открыт, когда мальчик, карауливший хозяина у двери, прибежал сказать: «Вот они».

— Кто меня спрашивает? — сказал Рауль. Но переступив порог, он узнал меня.

— А! Здравствуйте, г-н Жюль, — обратился он ко мне. — Что на этот раз привело вас к нам?

Он был далек от мысли, что дело касалось его самого, Чтобы не запугать, я решился обмануть его насчет цели своего визита.

— Так вы вздумали пуститься в либерализм?

— В либерализм?

— Да-да, и, кроме того, вас обвиняют… Но здесь не место объясняться. Мне надо поговорить с вами наедине.

— Охотно. Выйдите, я следую за вами.

Я вышел, сделавши знак своим полицейским следить за Раулем и схватить его при первом намерении бежать. Несчастный и не помышлял об этом и почти тотчас же вышел ко мне. Он имел отчасти даже веселый вид, и я рад был видеть его столь беззаботным.

— Теперь, — начал я, — когда мы одни, то и поговорим на свободе, я расскажу вам, зачем пришел. Вы не догадываетесь?

— Сказать правду, нет.

— Вам уже наделали хлопот гогеты[1], которых вы продолжаете упорно принимать в своем кабаке, несмотря на сделанное вам запрещение. Полиции известно, что здесь каждое воскресенье бывают собрания, что вы обыкновенно принимаете подозрительных людей, но нас предупредили, что даже сегодня вы ожидаете их в большом количестве от полудня до четырех часов: вы видите, что полиция, когда захочет, все знает. Это еще не все: подозревают, что у вас в руках куча соблазнительных или безнравственных песен, столь тщательно скрытых, что для разыскания их нам предписано явиться переодетыми и ничего не делать до тех пор, пока гогеты не откроют своего сеанса. Я весьма недоволен, что на меня возложили столь неприятное поручение; кабы я знал, что меня отправят к знакомому, то уклонился бы. С вами к чему мне послужит переодеванье?

— Правда, — отвечал Рауль, — это бесполезно…

---

[1] В 1815 и 1816 году в Париже было множество сборищ певчих, известных под именем гогетов (goguettes — ругателей). Это был род политических ловушек, образовавшихся сначала под покровительством полиции, которая наполнила эти собрания своими агентами. Последние за попойкой с рабочими подзадоривали их, стараясь вовлечь в ложные заговоры. Я был знаком со многими из этих мнимо-патриотических собраний; самые ярые из участников были всегда полицейские шпионы, которых легко было отличить. В своих песнях они ничего не щадили; ненависть и самые грубые оскорбления сыпались на королевскую фамилию… И эти песни, оплачиваемые секретными фондами Иерусалимской улицы, были произведением тех же авторов, как и гимн Святого Людовика и Святого Карла. Со времени покойного кавалера де Пии и Эсменара барды северной набережной, как известно, обладали привилегией противоречивых вдохновений. У полиции есть свои поэты, свои менестрели и свои трубадуры; она, как видит читатель, учреждение веселое; но, к несчастью, она не всегда расположена петь или побуждать к пению. Пало три головы: Шарбонно, Пленьо, Толлерока, и общества гогетов были прекращены, в них более не было нужды… Кровь была пролита.

— Все равно, — продолжал я, — даже лучше я, чем кто другой: вы знаете, что я не желаю вам худого. Поэтому самое лучшее, что вы можете сделать, это передать мне все песни, которые у вас находятся… Затем, во избежание новых неприятностей, я посоветовал бы вам не принимать более людей, мнения которых могут вас компрометировать.

— Я не думал, — заметил Рауль, — чтобы политика была вашим делом…

— Что делать, мой друг? Раз при должности, не приходится ни от чего отказываться. Ведь мы лошади, годные под всякую упряжь.

— Конечно, вы делаете то, что вам велят. Все равно, как верно то, что меня зовут Клер Рауль, так верно могу я вам побожиться, что на меня донесли ложно. Ну, не негодяи ли это? Меня-то оклеветать, человека, скромно зарабатывающего кусок хлеба! Правду говорят, что всегда есть завистники. Послушайте, г-н Жюль, у меня нет задних ходов. Самое лучшее, останьтесь здесь на целый день с вашими подчиненными, и вы увидите, солгал ли я.

— Согласен, но прошу без проказ, вы ведь новичок в истреблении песен. Особенно никаких сношений извне. Если вы предупредите гогетов…

— За кого вы меня принимаете? — возразил Рауль с живостью. — Коли я даю вам слово ничего не делать, то не способен его нарушить. Притом, чтобы убедиться, что у меня нет дурных намерений, вам стоит только не отходить от меня. Я даю слово никому ни о чем не заикаться, даже моей жене, когда она вернется. Таким образом, будьте вполне уверены… Но не позволите ли вы мне, между прочим, заготовлять мясо?

— С удовольствием. Разве я но знаю, что дело должно идти своим чередом? Я даже сам готов помочь вам.

— Вы слишком добры, г-н Жюль. Впрочем, я не откажусь.

— Ну, так за работу.

Мы сошли вместе. Рауль взял большой нож, и вскоре с засученными по локоть рукавами, с подвязанной салфеткой я помогал ему разрезать теленка, предназначавшегося в тот день услаждать вкус лукуллов кабачка. От телятины перешли к баранине и наделали несколько дюжин котлеток; приготовили лакомое жиго; я оторвал хвосты у двух-трех индеек, очистил потроха, а когда в кухне все было покончено, отправился на погреб и в качестве любителя присутствовал при приготовлении домашнего винца по шесть су литр.

При этой операции я был наедине с Раулем, перед которым я разыгрывал роль искреннего друга, не расставаясь с ним ни на минуту, подобно тени или его шинковальному ножу. Признаюсь, я не раз страшился, что он заподозрит повод, по которому я так неотступно наблюдал за ним; тогда он всенепременно зарезал бы меня, и мне бы пришлось пасть под ударами без всякой возможности защититься. Но он видел во мне обычного политического сыщика; а со стороны обвинения в возмущении и мятежных замыслах он был совершенно покоен.

Уже прошло часа четыре, как я исполнял должность помощника кухмистера, когда прибыл частный пристав (впоследствии начальник 2-го отделения), которому я дал знать. Я был в нижнем этаже; увидя его издали, я побежал к нему и, попросивши явиться не ранее, как через несколько минут, вернулся к Раулю.

— Черт их возьми, — сказал я ему, — не находят ли они, что мы должны бы быть не здесь, а в вашей квартире, в Париже?

— Если только это, то можно туда поехать.

— Поедемте, а после вернемся по Клиньянкурскому шоссе. О! За нами не замедлят следить. Знаете ли, если бы я был на вашем месте, то пока мы здесь, я попросил бы частного пристава сделать обыск в кабачке и тем показать, что вас ложно заподозрили.

Рауль, находя этот совет превосходным, последовал ему; пристав исполнил его желание, и обыск был произведен с наивозможным тщанием; он не привел ни к чему.

— Ну что! — воскликнул Рауль самодовольным тоном безупречного человека. — Много нашли, из-за безделицы… Столько беспокойства. Кабы я зарезал кого-нибудь, то и то не могло быть хуже.

Уверенность, с которой он произнес последнюю фразу, смутила меня; мне почти сделалось совестно, что я считал его виновным; а между тем он был виноват, и благоприятное впечатление быстро изгладилось. Тяжело подумать, что злодей, еще с дымящейся кровью жертвы на своих руках, может без содрогания говорить что-нибудь, напоминающее о его поступке. Рауль был спокоен и торжествующ. Когда мы сели в карету, чтобы ехать на его квартиру в Париж, можно было подумать, что он едет на свадьбу.

— Жена моя, — повторял он, — очень удивится, увидя меня в таком обществе.

Она вышла отпереть нам. При виде нас лицо ее нимало не изменилось; она предложила нам сесть; но так как времени некогда было терять, то пристав и я, не обращая внимания на ее вежливость, принялись за новый обыск. Рауль был тут же и указывал нам с необычайной любезностью.

Чтобы придать вероятие выдуманной мною истории, преимущественно должны были обращать внимание на бумаги. Он мне дал ключ от своего бюро. Я беру кипу бумаг, и первое, что бросается мне в глаза, это письменный вид, часть которого оторвана. Я тотчас же представил себе клочок, на котором написан адрес, приложенный к протоколу магистратов Корбейля… Клочок, очевидно, подходил. Пристав, которому я сообщил об этом, согласился со мной. Сначала Рауль равнодушно смотрел, как мы разглядывали вид; может, он не обратил на это внимания, но вдруг мускулы его передернуло, он побледнел и, бросаясь к комоду, в котором

лежали заряженные пистолеты, намеревался схватить их, когда не менее быстрым движением полицейские устремились на него и отняли у него возможность защищаться. Было около полуночи, когда Рауль и его жена отведены были в префектуру; Курт явился туда четверть часа спустя. Оба соучастника были заперты отдельно. До сих пор против них были только подозрения и темные улики. Я рассчитывал их выспросить, пока еще они ошеломлены. Сначала я испробовал свое красноречие над Куртом. Я заходил, что называется, со всех сторон, употреблял всевозможные аргументы, убеждая его признаться.

— Поверьте мне, — говорил я, — откройте всю истину; и к чему может послужить упорное утаиванье того, что и так всем известно? Не все ваши жертвы померли, и против вас подымутся страшные доказательства. Вы будете молчать, но, несмотря на то, вас осудят. Эшафот не есть еще самое ужасное; ужаснее то, что вы поплатитесь за ваше упрямство лишними мучениями, жестокостью обращения. Справедливо рассерженные судьи не дадут вам ни отдыха, ни покоя до самой казни, вас измучают неотступным приставаньем; тюрьма сделается для вас чистым адом. Если же вы, напротив, сознаетесь, выкажете раскаяние, то хотя и не избегнете своей участи, но все-таки, по крайней мере, вас будут жалеть и обойдутся с вами человечно.

Во время этого увещания, весьма продолжительного, Курт был сильно взволнован. Когда я сказал, что не все его жертвы померли, он изменился в лице и отвернулся; я заметил, что он был смущен, грудь его подымалась, он едва дышал. Наконец в половине пятого утра он бросился мне на шею, обливаясь слезами.

— Ах, г-н Жюль! — воскликнул он рыдая. — Я великий преступник. Выслушайте, я все расскажу вам.

Я не открыл Курту, в каком убийстве он обвинен; так как, по всей вероятности, их было много, то я избегал напомина-

ния, надеясь, что если я буду выражаться смутно и неопределенно, он, может, коснется не того преступления, в котором его обвиняли. Курт размышлял несколько мгновений.

— Да, я убил торговца живностью. Надо же, чтобы он был такой живучий! Бедняга, очнуться после таких ударов!.. Вот как все это было, г-н Жюль; умереть на месте, коли я лгу… Их было несколько норманнов, возвращавшихся из Парижа после распродажи товара; полагая, что они с деньгами, я стал ждать их по дороге и остановил двух первых, но почти ничего не нашел у них. Я тогда был в самой страшной нужде; меня вынуждала нищета, я знал, что у жены ничего нет, и сердце мое обливалось кровью. Пока я предавался отчаянию, послышался шум приближающейся повозки; то был продавец живности. Нахожу его полуспящим и требую кошелек; он начинает искать, я тоже обыскиваю его и нахожу только восемьдесят франков. Восемьдесят франков! Что это за сумма, когда всем должен; я был должен за два срока за квартиру, и хозяин грозил выгнать меня на улицу. В довершение всего меня преследовали другие кредиторы. Что можно было сделать с восемьюдесятью франками? Ярость овладела мною; беру оба свои пистолета и разряжаю их в грудь купца. Через две недели мне сказали, что он еще жив. Можете себе представить мое удивление! С той поры я не знал минуты покоя, и недаром мне казалось, что это примет дурной оборот.

— Ваши опасения были основательны, — заметил я. — Но продавец живности не один, которого вы убили. А мясник, которого вы изранили ножом, отнявши у него денежную сумку?

— Что до этого, — возразил злодей, — то упокой, Господи, его душу! Я уверен, что если он и покажет против меня, то не иначе, как на Страшном суде.

— Вы ошибаетесь, мясник не умрет.

— А… Ну, тем лучше! — воскликнул Курт.

— Нет, он не умрет, и я должен предупредить вас, что он описал вас и ваших соучастников так, что ошибиться нельзя.

Курт старался уверить, что у него не было соучастников, но не мог долго поддерживать эту ложь и в конце концов назвал Клера Рауля. Я настаивал назвать других, но тщетно; пришлось пока удовольствоваться сделанными им признаниями, и, боясь, чтобы он после от них не отрекся, я тотчас же призвал пристава, в присутствии которого он их повторил с полнейшими подробностями.

Довести Курта до сознания виновности и даже до подписи своих показаний — это, без сомнения, была победа, но только первая; необходимо было одержать вторую, а именно — вынудить Рауля последовать примеру друга. Я вошел тихонько в его тюрьму; он спал. Стараясь не разбудить его, я сел возле него и начал шептать ему на ухо. Он слегка пошевелился и зашевелил губами. Я подумал, что если предложить ему вопросы, то он будет отвечать. Не возвышая голоса, я стал спрашивать его о деле; он произнес несколько невнятных слов, но смысла невозможно было уловить, эта сомнамбулическая сцена продолжалась с четверть часа, до вопроса: что сделали вы с ножом? Он вдруг очнулся, произнес несколько отрывочных слов и обернулся в мою сторону.

Узнав меня, он вздрогнул от изумления и ужаса; можно было подумать, что внутри его происходила борьба и он страшился при мысли, не был ли я ее свидетелем. Беспокойство, с которым он смотрел на меня, обнаруживало желание прочесть в моих глазах, что происходило до его пробуждения: может быть, во сне он выдал себя? Лоб его был покрыт потом, бледность распространилась по лицу: он силился улыбнуться при невольном скрежете зубов. Лицо, бывшее передо мною, служило олицетворением злодея, терзаемого совестью… Это был Орест, преследуемый Эвменидами. Следы призраков ужасного сновидения еще не рассеялись, и я ухватился за это; не в первый раз я прибегал к помощи кошмара.

— Вы, должно быть, видели ужасный сон? — сказал я Раулю. — Вы так много говорили и, очевидно, страдали; я разбудил вас, чтобы избавить от мучения и преследовавших вас угрызений. Не сердитесь за правду — не к чему больше скрываться; признания вашего друга Курта все нам открыли; правосудию известны все подробности взводимого на вас преступления. Лучше не отрицайте свое соучастие; из слов вашего товарища очевидность его несомненна, и против нее вы ничего не в силах сделать. Если вы вздумаете отделаться запирательством, его голос пристыдит вас перед судьями, и если его свидетельства будет недостаточно, то мясник, которого вы резали при Милли, придет обвинить вас.

В эту минуту я заметил, что лицо Рауля исказилось, но, мало-помалу оправившись, он отвечал с твердостью:

— Г-н Жюль, вы хотите меня провести, но это не удастся; вы хитры, только я-то невинен. Что касается до Курта, то меня никто не уверит, что он виноват или меня обвиняет, особенно когда тому нет и тени вероятия.

Я снова принялся убеждать Рауля, что он бесполезно старался скрыть от меня истину.

— Вот я поставлю вас на очную ставку, — добавил я, — и тогда посмотрим, как вы станете ему противоречить.

— Зовите его, — возразил Рауль, — я ничего лучшего не желаю; я уверен, что Курт неспособен на дурное дело. Как вы хотите, чтоб он обвинил себя в преступлении, которого не делал, и впутывал бы меня туда же? Разве он с ума сойдет? Ступайте, г-н Жюль, я так уверен в том, что говорю, что если он скажет, что зарезал и что я был с ним, соглашаюсь считаться тогда за величайшего злодея, когда-либо бывшего на земле. Даю слово признать за правду все, что он покажет, хотя бы пришлось пойти с ним на эшафот. Умереть от того или другого, не все ли равно? Гильотина не страшит меня. Если Курт сказал, ну так значит все сказано, — капут, две головы упадут на помост.

Я оставил его в этом настроении и отправился предложить свидание с ним его товарищу. Этот отказался, ссылаясь на то, что, сознавшись во всем, он не в силах взглянуть на Рауля.

— Так как я подписал свое показание, — сказал он, — то пусть ему прочтут его, и этого будет достаточно, чтоб убедить его; притом он знает мою руку.

Это упрямство, которого я не ожидал, было весьма неприятно, тем более что мне часто случалось замечать, как иногда мысли подсудимого в одну минуту менялись с белого на черное; поэтому я старался его победить, и действительно мне довольно скоро удалось склонить Курта на то, чего я желал. Наконец я свел двух друзей; они поцеловались, и Курт, пустившись на хитрость, которой я ему не внушал, но которая отлично содействовала моим замыслам, сказал Раулю:

— Так ты сделал то же, что и я, ты сознался в нашем преступлении? Ты хорошо поступил, Рауль.

Тот, к кому относились эти слова, с минуту был как бы уничтожен; но вскоре, опомнившись, произнес;

— Поистине вы славную штуку с нами сыграли, г-н Жюль; вы в совершенстве провели нас. А так как я слову своему не изменяю, то и расскажу вам все, без утайки.

И тотчас же он изложил мне подробно все то, что показывал его сообщник. Когда эти новые показания были выслушаны приставом по всей форме, я остался беседовать с двумя разбойниками. Они предавались неистощимой веселости, что обыкновенно бывает с великими преступниками после сознания. Я ужинал вместе с ними, и они пили умеренно. Лица их были спокойны, не было и следа катастрофы, видно было, что это дело для них решенное, что, раз сознавшись, они решились заплатить свой долг правосудию. За десертом я сказал им, что ночью мы отправимся в Корбейль.

— В таком случае, — заметил Рауль, — не стоит и ложиться.

И он попросил меня принести колоду карт. Когда приехала за ними карета, они поигрывали в пикет, как самые мирные граждане.

Усаживанье в экипаж не отразилось на них никаким впечатлением. Мы еще не доехали до Итальянской заставы, как они уже безмятежно храпели; они все еще спали и в восемь часов утра, когда мы въезжали в город.

Глава сорок первая

Народные толки. — Ротозеи. — Знаменитый Пуляльe и капитан Пикар. — Поимка Пулялье. — Презрение вельможи. — Генерал Бофор. — Нож в руке убийцы на суде и панический страх. — Свидание преступников с их жертвой. — Важные признания

Слух о нашем приезде тотчас же распространился, и обыватели сбежались посмотреть на убийц мясника; я тоже был для них любопытным субъектом. При этом я не без удовольствия узнал, что думали обо мне за шесть миль от города. Я пробрался в толпу, собравшуюся перед тюрьмой, и до моих ушей стали беспрестанно долетать самые странные замечания: «Это он! Это он!» — шептали зрители, подымаясь на цыпочки всякий раз, как отворялись дверцы и выходил или входил кто-либо из полицейских.

— Вот он, видишь ты? — говорил один. — Этот черноватенький, ростом не более пяти футов.

— Э! Какой карлик!.. Его можно упрятать в карман.

— Карлик!.. Ну, однако, довольно высок, чтобы поднять на смех и твою фигуру; только он мягко стелет, да жестко спать.

— Ну, ты, молчи уж, и мы видали виды.

— Это вон тот худой верзила, — говорил другой. — Ишь какая злая рожа, с этими рыжими волосами!

— О, он словно спичка; кажись, одной рукой согну его вдвое!

— Ты?

— Да, я.

— А ты думаешь, он дастся? Как же, держи карман! Нет, он подойдет с любезными речами и, когда ты совсем того не ожидаешь, хватит тебя кулаком в бок, под самую ложечку, али угораздит по носу, так что искры посыплются из глаз.

— Что правда, то правда, — заметил толстый мещанин в очках, стоявший ко мне ближе всех, — Этот Видок — человек

необыкновенный: говорят, что когда ему надо задержать кого-нибудь, то у него такой кулак, который сразу передает того человека в его руки.

— Я слыхал, — начал извозчик, — что он всегда носит сапоги с большими гвоздями, и, подавая вам руку, того и гляди съездит вас каблуком.

— Ну, ты, смотри, куда лезешь, дурацкая башка! — закричала молодая девушка, которой извозчик наступил на ногу.

— Зато сколько удовольствия, красавица, — возразил извозчик. — Это ничего; вы и не то еще увидите на своем веку. Вот кабы Видок каблуком сапога наступил вам на большой палец…

— Как бы не так! Пусть-ка подойдет!..

— Да, он на ногу легок: ведь он еще мальчик…

При этом я вмешался в разговор.

— У барышни, — заметил я извозчику, — слишком хорошенькие глазки, чтобы Видок, как бы он ни был зол, захотел причинить ей зло.

— О, известно, что он не так груб с женщинами. Но я только хотел сказать, что когда человеку отдавят большой палец, то середины нет, ему придется упасть, как бы он ни был силен, и если его не подымут, то должен будет остаться на месте.

Начался сильный шум: «А! Ах! Ах!»

— Что такое?

— Долой шапки!

— А, человек в парике!

— Это убийцы?

— Вот он! Вот он! — слышалось с разных сторон.

— Да кто?

— Не толкайтесь же.

— Повеса, я задам тебе баловать руками.

— А вы ему пощечину дайте.

— И как эти женщины безрассудны! Лезут тоже в такую тесноту.

— Ай, ай!

— Станьте на мое плечо.

— Эй, вы там, вы ведь не стекло!

— Ну не с ума ли они сошли так орать!

— Ничего, ничего! Это для примера.

— И сколько этих шпионов-полицейских!

— Шпионов? Да их только четыре!

Когда крики поутихли, наплыв и оттиск толпы перенес меня к новой группе, где несколько зевак рассуждали обо мне.

Первый ротозей (с седыми волосами). Да, он был осужден на сто один год каторжных работ, а теперь воскрес, как из мертвых.

Второй ротозей. Сто один год! Ведь это больше столетия.

Старуха. Ах, Господи, что это вы изволили сказать? Сто один год! Ведь это не один день, как вот они заметили.

Третий ротозей. Да, это не один день, точно что немалый срок.

Четвертый ротозей. Так он зарезал кого-нибудь?

Пятый зевака. Как, вы этого не знаете! Это злодей, покрытый преступлениями; чего только он ни сделал: раз двадцать он заслуживал гильотину; но так как это ловкий плут, то ему дарили жизнь.

Старуха. Правда ли, что его наказывали плетьми, клеймили?

Первый ротозей. Конечно, матушка, горячим железом на оба плеча; ручаюсь, что если бы его раздеть донага, то увидали бы клейма.

Второй зевака (к какому сословию он принадлежал, точно не помню; могу сказать только, что он был в черном, с особенной прической; как кажется, это был приходской дьячок). Клейма? Нет, лучше того, он обязан носить кольцо на ноге; я это знаю от самого комиссара.

Я. Полно вам вздор-то молоть о каком-то кольце; да разве бы его не было видно?

Зевака в черном (сухо). Нет, братец, видеть его нельзя. Во-первых, не думай, что это какое-нибудь железное кольцо весом в четыре или пять фунтов; нет-с, это золотое колечко, легонькое и почти незаметное. Да тогда, черт возьми, кабы он попробовал, как я, носить коротенькие панталоны, так это прямо бросалось бы в глаза; но длинные все скрывают. Длинные панталоны, славная мода! Это нам наследство от революции; теперь и не отличишь честного человека от каторжника. Спрошу вас, господа, если бы этот Видок был между нами, приятно ли бы вам было находиться в обществе такого негодяя? Как вы об этом думаете, кавалер?

Кавалер ордена Святого Людовика. Что касается до меня, это мне было бы не особенно лестно. А вы как находите, господин понтонер?

Понтонер. По правде сказать, не особенная честь; каторжник! И еще хуже того, полицейский шпион. Еще если бы он останавливал только таких разбойников, как привезли сегодня, это бы куда ни шло; а то знаете ли вы, с каким условием выпустили его из острога? Чтобы получить свободу, он обязался доставлять сто преступников в месяц, и так или иначе, не разбирая правого от виноватого, он должен их доставить, чтобы самому не быть засаженным снова; если же ему случится доставить больше, то он получает премию. Водится это так в Англии, сэр Вильсон?

Сэр Вильсон. Нет, Великобритания пока еще не допускает подобного смягчения наказания. Я не знаю вашего Видока, но если он разбойник, то все-таки не такой, как те, кто держит над его головой меч, готовый постоянно опуститься, как только он не может выполнить отвратительное условие. Омеара, не больше меня приверженный министерству, скажет то же, что оно еще не унизилось до такой степени! Вы молчите, доктор; скажите же что-нибудь.

Доктор Омеара. После этого ему оставалось бы выбрать агентами безопасности Лондона героев Тибурна или Ботанибея. Когда поры охотятся за ворами, то всегда можно опасаться,

что они будут стоять друг за друга, и тогда какой толк может выйти из этого?

Кавалер Святого Людовика. Совершенно справедливо; и странно, право, почему правительство испокон века набирает на службу в полицию только людей с запятнанной репутацией; точно мало честных!

Я. Позвольте вас спросить, согласились бы вы занять место Видока?

Кавалер. Я? Боже меня сохрани!

Я. Ну так и не требуйте невозможного.

Сэр Вильсон. Невозможное! Да, до тех пор, пока французская полиция будет учреждением темным, действуя постоянно из-за угла, с помощью козней, пока она не будет силой, очевидной для поддержания порядка в общественной безопасности.

Англичанка (в обществе трех или четырех офицеров на половинном жалованьи, которые, по-видимому, ухаживали за ней; может, это была леди Овинсон). Генерал отлично понимает все эти вещи.

Один из офицеров. А, вот генерал Бофор с семьей Пикар.

Леди Овинсон. Ах, здравствуйте, генерал; я должна вам высказать свое искреннее сожаление по поводу пропавшей табакерки; у нас есть старая пословица: «Лучше проснуться под столом в таверне, нежели проспать во рву».

Генерал (едко). Это урок, который мог бы пригодиться мяснику.

Леди Овинсон. И вам, генерал; но, кстати, что вы не обратились к Видоку, чтобы разыскать вашу табакерку?

Генерал. К Видоку, к этому вору, поджигателю, к этому отъявленному негодяю? Если бы я увидал, что дышу с ним одним воздухом, то тотчас же бы повесился. Чтобы я обратился к Видоку!

Капитан Пикар. А почему бы и нет, если он может вам возвратить вашу пропажу?

Генерал. Вот вы каков, мой друг Пикар! (Тоном превосходства). Сейчас видно, что вы пошли по следам своего батюшки.

Капитан. Спасибо, генерал.

Генерал. Разве вы не сын капитана объездной команды? Не говорили ли вы мне раз сто, что ваш отец задержал знаменитого Пулялье?

Леди Овинсон. Известного Пулялье? Ах, г-н Пикар, расскажите нам это, о знаменитом Пулялье.

Г-н Пикар. Если прикажете, сударыня; но так как это длинная история, и притом все ее знают…

Леди Овинсон. Прошу вас, г-н Пикар.

Г-н Пикар. Пулялье чрезвычайно ловкий вор, со времен Картуша подобного еще не было. Я не кончил бы никогда, кабы вздумал рассказать вам хоть четверть того, что передавала мне мать. Старушке уже скоро восемьдесят лет; она помнит очень давнишние вещи.

Генерал Бофор. К делу, капитан, без отступлений.

Леди Овинсон. Не прерывайте же, генерал. Ну, г-н Пикар.

Г-н Пикар. Для сокращения скажу только, что двор находился тогда в Фонтенбло; там были празднества по случаю свадьбы. Отец мой, бывший капитаном объездной команды, узнал от подручного, что, воспользовавшись данным балом, несколько личностей, переодетых вельможами, внезапно исчезли, похитивши бриллиантовые уборы многих из танцующих дам. Дело было на значительную сумму. Похищение было совершено с такой смелостью и хитростью, что естественно было приписать его Пулялье. Его видели во главе шести человек в превосходных наезднических костюмах, направлявшихся к Парижу; подумали, что это и были именно воры и что они поедут в Эсонн. Отец мой немедленно поспешил туда и узнал там, что кавалькада остановилась в гостинице «Большой Олень», в настоящее время запустелой и превращенной в ферму. Они все спали, а лошади стояли

в конюшне, оседланные, взнузданные и подкованные навыворот, чтобы показать обратные следы.

Леди Овинсон. Подумайте, какая хитрость. Все-то знают эти разбойники!

Г-н Пикар. Отец, намереваясь прежде всего завладеть лошадьми, велел обрезать подпруги, а после того вошел к Пулялье. Но, будучи предупрежден одним из сообщников, стоявшим на страже, последний уже успел бежать, и все его спутники тоже рассеялись по деревне. Невозможно было терять времени в сомнительных поисках. Отец получил известие, что в какой-то кабачок вошел статный господин в изящном костюме, украшенном золотом и прекрасными перьями на шляпе. Без сомнения, это должен быть Пулялье. Отец прямо пошел в кабак и действительно нашел там указанного гостя.

— Именем короля арестую вас, — сказал он ему.

— Ах, сделайте милость, не останавливайте меня, я не тот, за кого вы меня принимаете; я просто бедный продавец индюшек. Я вел их в Париж, когда мне встретился знатный господин, купил их у меня и обменял свое платье на мое. Я не в убытке от обмена, не считая того, что он отлично заплатил за товар; пятнадцать луидоров чистыми денежками… Если вы его ищете, то не делайте ему ничего дурного!.. Это такой славный господин!.. Он сказал, что ему надоело жить со знатными и он хочет испытать жизнь бедняка… Если вы его встретите на дороге, ей-Богу, можно подумать, что он ничего другого не делал от рождения: надо видеть, как он подгоняет хлыстиком своих индюшек! Уж он не заблудится!..

Отец не успел выслушать всего этого, как поскакал за новым продавцом индеек и вскоре настиг его. Видя себя открытым, Пулялье намеревался бежать; но отец догнал его. Тогда разбойник выстрелил два раза из пистолета; но, нисколько не смущаясь, отец спрыгнул с лошади, схватил Пулялье за горло и, поваливши его на землю, связал по рукам и ногам. Руча-

юсь, что Пулялье был замечательно сильный человек, но и отец был не менее силен.

Генерал Бофор. Ну не правду ли я сказал, капитан Пикар, что вы достойный сын своего отца?

Я (генералу Бофору). Генерал, прошу извинить меня; но чем более я всматриваюсь в вас, тем более мне кажется, что я имею честь вас знать; не начальствовали ли вы над жандармами в Монсе?

Генерал. Да, мой друг, в 1793 году… Мы были вместе с Дюмурье и теперешним принцем Орлеанским.

Я. Точно так, генерал, и я был под вашим начальством.

Генерал (протягивая мне руку с восторгом). Ах, так дайте расцеловать вас, друг мой. Прошу ко мне сегодня на обед. Господа, рекомендую вам одного из моих старых жандармов; он богатырской силы и, надеюсь, сумел бы арестовать Пулялье. Не правда ли, Пикар?

Пока генерал жал мне руку, один из жандармов, увидав меня между зрителей, подошел и, тронув меня слегка за плечо, сказал: «Г-н Видок, королевский прокурор вас спрашивает». Мгновенно все лица вокруг меня страшно вытянулись. Как! Это Видок?.. И потом «Видок! Видок!» разнеслось в толпе; а самые любопытные принялись работать локтями, чтоб добраться до меня; становились один на другого, чтоб видеть меня вблизи или хоть издали. Очевидно было, что они вообразили, будто я и образа-то человеческого не имел; доказательством тому служат восклицания изумления, долетевший до меня; некоторые из них я не забыл. «Каково, он блондин… А я думал, брюнет! Его считают таким дурным, однако не похоже… Он превеселый толстяк!.. Вот тут и судите по наружности!»

Таковы были приблизительно рассуждения публики при разглядывании моей особы. Была такая теснота, что я с трудом добрался до королевского прокурора, отдавшего мне приказание отвести подсудимых к судебному следователю.

Курт, которого я привел первым, по-видимому, оробел в присутствии многих лиц. Я уговаривал его подтвердить свое признание, что он и сделал без труда относительно всего, что касалось мясника; но при допросе о продавце живности он отрекся от всего, сказанного мне, и невозможно было выпытать у него сознание, что, кроме Рауля, были еще сообщники. Рауль, не колеблясь, подтвердил все факты, внесенные в протокол допроса, сделанного ему после ареста. Он пространно и с непоколебимым хладнокровием рассказал все, что произошло между ними и несчастным Фонтеном до того момента, когда он его ударил, и добавил:

— Сначала он был только оглушен двумя палочными ударами; увидавши, что он все еще стоит, я подошел к нему, как бы с намерением поддержать его; в руках у меня был нож, который теперь лежит здесь на столе.

В эту минуту Рауль неожиданно кинулся к столу, порывисто схватил орудие своего преступления и, ворочая глазами с яростным выражением, принял угрожающую позу. Это движение, совершенно неожиданное, привело в ужас всех присутствующих; подпрефекту едва не сделалось дурно; на меня самого напал страх; но, размышляя, что благоразумнее было бы объяснить это движение Рауля в лучшую сторону, я сказал с улыбкой:

— Чего вы испугались? Рауль не способен на подлость, не захочет злоупотребить доверием, которое ему оказывают; он взял нож только затем, чтобы дать вам понятие о своем жесте при этом.

— Благодарю, г-н Жюль, — воскликнул Рауль, восхищенный моим объяснением, и, кладя спокойно ножик на стол, прибавил. — Я хотел только показать вам, как я им действовал.

Очная ставка подсудимых с Фонтеном была необходима для пополнения предварительного следствия; осведомились у доктора, позволяет ли состояние больного вынести столь

тяжелую сцену, и при утвердительном ответе отвели Курта и Рауля в госпиталь.

Будучи введены в покой, где находилась их жертва, они отыскивали ее глазами. Фонтен, закутанный с головы до ног, с обвязанной головой, был неузнаваем; но возле него лежала одежда и рубашка, бывшие на нем, когда он подвергся нападению злодеев.

— Ах, бедный Фонтен! — воскликнул Курт, падая на колени возле кровати, украшенной этими кровавыми трофеями. — Простите негодяев, повергших вас в такое состояние. Что вы спасены, на то была воля Божья; Он сохранил вас, чтобы мы понесли наказание за наши злодейства. Простите! Простите! — повторял он, закрывая лицо руками.

Пока он это высказывал, Рауль, также ставший на колени, хранил молчание и, по-видимому, погружен был в глубокую печаль.

— Вставайте и взгляните прямо в лицо больному, — сказал им судья, пришедший с нами вместе.

Они поднялись.

— Уведите с глаз моих этих убийц! — воскликнул Фонтен. — Я как нельзя более узнал их, как по лицу, так и по звукам голоса.

Факт признания виновных Фонтеном был вполне достаточен для подтверждения того, что они действительно совершили это преступление; но я, кроме того, был убежден, что у них было на душе много других преступлений и что для их совершения недостаточно было двух человек и должны были быть сообщники; это была тайна, которую необходимо мне было выпытать, и я решился не покидать их, пока они мне ее не откроют.

По возвращении с очной ставки я велел накрыть в тюрьме ужин для подсудимых и для себя; тюремщик спросил, можно ли положить и ножи.

«Да-да, — сказал я, — и ножи положите». Мои собеседники кушали с таким аппетитом, как бы самые честные люди. Когда они немного выпили, я ловко навел их на мысль об их преступлениях.

— Вы люди не с дурными задатками, — начал я. — Держу пари, что вас кто-нибудь натолкнул на эту дорогу, какой-нибудь злодей погубил вас. К чему скрывать это? Видя ваше раскаяние и жалость при свидании с Фонтеном, я думаю, что вы готовы своею кровью смыть ту, которую вы пролили. Теперь, если вы умолчите о своих сообщниках, то на вашей ответственности будет все зло, сделанное ими. Многие из тех, на кого вы нападали, показывали после, что вас было, по крайней мере, четверо при этом.

— Они ошибались, честное слово, г-н Жюль, — возразил Рауль. — Нас никогда не было более трех; третий из нас — бывший таможенный лейтенант Пон Жерар, живущий на границе, в маленькой деревушке между Капеллой и Гризоном, в Энском департаменте. Но если вы намереваетесь арестовать его, то могу вам сказать, что он не таков, чтобы поддаться.

— Нет, — прибавил Курт, — его нелегко захватить, и если вы не предпримете всех предосторожностей, то он вам наделает хлопот.

— О, это опасный противник, — возразил Рауль. — Хоть и вы, г-н Жюль, охулки на руку не положите, но ему и десяток таких нипочем. Во всяком случае мы вас предупредили. Во-первых, если он пронюхает, что вы его ищете, то ему недалеко до Бельгии и он задаст тягу; если же вы его захватите, он будет сопротивляться. Поэтому советую вам захватить его спящим.

— Да, но только он не спит, — заметил Курт.

Я осведомился о привычках Пон Жерара и расспросил его приметы. Разузнавши все, что считал необходимым для своих розысков, и находя нужным скрепить все эти показания, я предложил заключенным тотчас написать одному из судей,

уполномоченному принимать их признания. В час ночи Рауль окончил письмо, и, несмотря на позднее время, я тотчас же его отнес к королевскому прокурору. Оно приблизительно заключалось в следующем:

«Милостивый государь, проникнувшись чувствами, приличествующими нашему положению, и послушавшись ваших советов, мы решились сознаться во всех наших преступлениях и назвать вам нашего третьего сообщника. Поэтому просим вас пожаловать к нам, выслушать наши показания».

Судья поспешил в тюрьму, и Курт и Рауль повторили ему все сказанное мне о Пон Жераре. Мне оставалось приняться за последнего. Так как надо было, чтобы он не узнал о случившемся с его сотоварищами, то мне тотчас же отдан был приказ арестовать его.

Глава сорок вторая

Приезд на границу. — Указание маленькой девочки. — Я узнаю знаменитого разбойника. — Что за молодец! — Два сапога — пара. — Мнимый контрабандист. — Оцепеневший злодей. — Я избавляю страну от страшного бича

Я отправился, переодетый барышником лошадей, в сопровождении двух полицейских — Гури и Клемента — в качестве моих слуг. Мы так торопились, что, несмотря на суровое время и дурные дороги (дело было зимой), мы приехали в Капеллу на другой день вечером, накануне ярмарки. Я был знаком с местностью, потому весьма скоро попал, куда нужно, и навел справки. Все, кого я расспрашивал о Пон Жераре, называли его разбойником, жившим контрабандой и грабежом; все перед ним трепетало, и самое имя его было предметом ужаса; местные власти, которым на него ежедневно доносили, не решались его обуздывать. Словом, это была одна из тех грозных личностей, которые повелевают всем окружающим.

Несмотря на все это, привыкнувши никогда не отступать перед опасным предприятием, я ни минуты не колебался сделать попытку. Все рассказы о Пон Жераре подстрекали мое самолюбие; но как до него добраться?.. Я еще ничего не знал; в ожидании счастливого наития я завтракал со своими агентами, и, порядком подкрепившись, мы пустились в путь — на поиски за сообщником Рауля и Курта. Последние обозначили мне уединенную таверну, служившую притоном контрабандистов. Пон часто там бывал и хорошо был известен хозяину, который сильно им интересовался как одним из выгоднейших посетителей. Таверна была так точно определена, что мне не пришлось ни у кого спрашивать, и я прямо нашел ее. Я вошел в сопровождении двух своих помощников; сажусь без всяких прелюдий и церемоний, как человек, который бывал здесь и хорошо знаком с обычаями дома.

— Здравствуйте, матушка Барду, как поживаете?

— Здравствуйте, соколики, добро пожаловать; живем, как видите, помаленьку. Чего прикажете подать?

— Да пообедать; смерть проголодались.

— А вот сейчас. Пожалуйте в залу, обогрейтесь.

Пока она накрывает на стол, я стараюсь вовлечь ее в разговор.

— А вы, наверное, меня не узнаете?

— Постой, дайте-ка припомню.

— Вы раз двадцать видели меня в прошлую зиму с Поном, когда мы приходили ночью.

— Как, это вы?

— Конечно, я.

— Так теперь я отлично помню.

— А кум Жерар, как он? В добром здравии?

— О, что до этого, здоровехонек; он и сегодня зашел выпить перед отходом на работу в дом Ламар.

Я совсем не знал, где был этот дом, но так как выказывал свое знакомство с местностью, то и остерегся спросить; притом надеялся, не делая прямого вопроса, заставить указать его себе. Едва мы проглотили по первому куску, как Барду известила меня:

— Вы сейчас говорили о Жераре. Вот пришла его дочь!

— Которая?

— Самая младшая.

Я быстро встал, побежал к девочке, принялся целовать ее и прежде, чем она успела взглянуть на меня, сбил ее с толку градом непрерывных вопросов, то о том, то о другом члене ее семьи, после чего сказал ей:

— Ну, хорошо, ты славная девочка; на вот тебе яблоко, съешь его, а потом мы пойдем вместе к твоей матери.

Мы наскоро пообедали и вышли с девочкой. Она направилась было домой; но как только мы отдалились и трактирщик не мог нас видеть, я сказал ей:

— Послушай, малютка, ты знаешь, где дом Ламар?

— А вот там, — отвечала она, указывая пальцем по другую сторону Гирсона.

— Теперь ты скажешь матери, что видела трех друзей твоего отца и чтобы она приготовила ужин на четверых; мы придем с ним. До свидания, дитя мое.

Девочка пошла к себе, а мы скоро очутились возле дома Ламар. Но там не было рабочих; на мой вопрос об этом к крестьянину он сказал, что они немного подальше.

Мы продолжали путь, и, взойдя на возвышение, я увидел, что человек тридцать были заняты поправлением дороги. Жерар как смотритель должен был находиться между ними. Мы приблизились; шагов за десять я указал своим агентам того, который по лицу и осанке совершенно сходен был с данными мне приметами. Я уверен был, что это Жерар, и спутники мои разделяли то же мнение. Но Жерар был слишком окружен, чтобы можно было схватить его. Он и один был страшен своей храбростью; а если бы за него вступились другие рабочие, то, естественно, что нам не удалось бы выполнить приказ. Дело было затруднительно, при малейшей неловкости с нашей стороны он мог или одолеть нас, или бежать за близлежащую границу; поэтому я никогда не сознавал в такой степени необходимость осторожности и благоразумия. Я обратился за советом к своим двум спутникам, отличавшимся неустрашимостью.

— Поступайте, как вам заблагорассудится; мы готовы во всем вам содействовать, чего бы это ни стоило.

— Ну, так следуйте за мною и ничего не предпринимайте до тех пор, пока не настанет время. Если мы не возьмем силою, то, может быть, хитростью.

С этими словами я направился к тому, кого принимал за Жерара, а мои агенты остались в нескольких шагах. По мере приближения я все более убеждаюсь в своей догадке. Нако-

нец я подхожу и без всяких предисловий беру его обеими руками за голову и целую.

— Здравствуй, Пон, как твое здоровье? Что жена, дети здоровы ли? — говорю я.

Пон, как бы ошеломленный столь неожиданным здорованьем, с удивлением рассматривает меня.

— Черт возьми, я совсем тебя не знаю. Кто ты такой?

— Как, ты меня не знаешь? Стало быть, я очень изменился?

— Нет, по чести, совсем тебя не припомню. Назовись, я как будто видел где-то это лицо, но не могу вспомнить, где и когда.

Тогда я наклонился и сказал ему на ухо:

— Я друг Курта и Рауля, они меня прислали.

— А! — воскликнул он, дружески пожимая мне руку; и затем, обратись к рабочим, прибавил:

— И что у меня за память! Его ли не знать? Мой друг Д. Ах, дружище, дай же я тебя расцелую. — И он готов был задушить меня в своих объятиях.

Во все это время полицейские не теряли меня из виду, и Пон спросил:

— Что, они с тобой пришли?

— Это мои молодцы, — отвечал я.

— Я так и думал. А ведь ты, небось, хочешь подкрепиться, да и эти господа тоже? Пойдем выпьем.

— Это не мешает. Как не хотеть!

— Не досадно ли! В этом скверном волчьем крае ничего нельзя найти; только в Гирсоне, за добрую милю отсюда, можно достать вина, ты, верно, мимо проходил?

— Ну что ж, пойдем в Гирсон.

Пон простился со своими товарищами, и мы пошли вместе. По дороге я размышлял о том, что мне нисколько не преувеличили силу этого человека: он не был высок ростом, не более пяти футов четырех дюймов; но сложение его было квадратное; его смуглое лицо, если бы и не было загорелым

от солнца, отличалось энергией и резкими чертами. Плечи его, шея, бедра, руки были громадны; прибавьте к этому густые бакенбарды и густейшую бороду, короткие руки, очень широкие и покрытые волосами до самых пальцев. Его грубая, жестокая физиономия, хотя могла смеяться вследствие своей подвижности, никогда не освещалась улыбкой. Пока мы шли рядом, Пон оглядывал меня с ног до головы.

— Что за здоровяк, ей-Богу! — воскликнул он, несколько приостановившись, как бы для того, чтобы лучше рассмотреть меня. — Ты можешь похвастаться, что у тебя везде вплотную натянуто.

— Не правда ли? И складочки не найдешь.

— Я сам тоже не тонок, и, по правде сказать, мы стоим один другого. Не то, что этот карапуз, — добавил он, указывая на Клемана, самого маленького агента в моей бригаде. — Сколько таковских можно проглотить за одним завтраком!

— Ну не очень-то, брат…

— А может быть, правда, иногда эти поджарые очень сильны.

После подобного разговора, естественного между людьми, которым нечего сказать друг другу, Пон стал у меня расспрашивать про своих друзей. Я отвечал, что они здоровы; но что так как они его не видали после дела Авенсы, то сильно беспокоились на его счет. (Дело Авенсы было не что иное, как убийство; а Жерар даже и глазом не моргнул, когда я упомянул о нем).

— А ты зачем пришел сюда? — спросил он меня. — Ты, может, занимаешься беспошлинной продажей[2]?

— Почти так; я пришел, чтоб перепродать здесь тайком лошадей; мне сказали, что ты можешь мне помочь в этом.

— О, можешь вполне на меня рассчитывать, — отвечал Пон.

---

[2] Контрабандой.

Беседуя таким образом, мы прибыли в Гирсон, и Пон ввел нас к часовщику, торговавшему вином. Мы уселись все четверо, и за закуской я старался свести разговор на Курта и Рауля.

— В настоящее время они, может быть, в большом затруднении, — заметил я.

— Почему?

— Я давеча не хотел тебе прямо сказать, но с ними случилось несчастье: их арестовали, и, боюсь, что, может, даже теперь они в тюрьме.

— А по какому поводу?

— Вот этого уж не знаю; знаю только, что мы вместе завтракали, когда явилась полиция и всем нам сделала допрос. Меня тотчас же отпустили, а их задержали и посадили в секретную; ты и теперь не был бы предупрежден обо всем этом, если бы Рауль по выходе с допроса не имел возможность шепнуть мне два слова наедине. Он просил предупредить тебя быть настороже, потому что и о тебе также спрашивали. Вот все, что могу сказать тебе.

— Кто же их задержал? — спросил Пон, видимо, озадаченный этим известием.

— Видок.

— О, негодяй! И что это за Видок такой, о котором столько говорят? Я никогда не видел его в лицо; раз только видел мимоходом сзади, и уже после мне сказали, что это был он. Я охотно заплатил бы несколько бутылок хорошего вина тому, кто мне его показал бы.

— Его совсем не так трудно встретить, потому что он всегда рыскает по всем дорогам.

— Пусть он лучше мне не попадается; если бы он был здесь, плохую четверть часа заставил бы я его пережить.

— Полно, ты, как и другие, будь он здесь, сидел бы смирнехонько, да еще первый предложил бы ему выпить. (Говоря это, я протянул к нему стакан, и он налил).

— Я-то! Скорей бы я предложил ему…

— Предложил бы ты ему стакан вина, — повторяю тебе.

— Ну вот! Да лучше умереть.

— Ну так можешь умирать, коли хочешь. Я самый и есть Видок и арестую тебя.

— Что ты, что! Как так?

— Да так, арестую, вот тебе и сказ. — И затем, приблизивши свое лицо прямо к его лицу, прибавил. — Тебя, брат, выдали, и если ты что-нибудь затеешь, то я тебе нос откушу. Клемент, надень ему наручники!

Невозможно вообразить себе удивление Пона. Все черты его были искажены; глаза вышли из своих орбит, щеки тряслись, зубы стучали, волосы стали дыбом. Вскоре эти судорожные симптомы, обнаружившиеся на поверхности тела, исчезли и заменились другим состоянием. Когда ему связали руки, он двадцать пять минут оставался неподвижным и как бы остолбенелым, с открытым ртом и с языком, прилипшим к гортани. Только после значительных усилий удалось ему отделить язык, и он тщетно искал слюны, чтобы увлажнить свои засохшие губы. Словом, в продолжение получаса лицо этого злодея, попеременно бледное, желтое и багровое, представляло все оттенки разлагающегося трупа. Наконец, как бы выходя из летаргического оцепенения, Пон произнес:

— Так ты Видок! Знай я это, когда ты подошел ко мне, я очистил бы землю от такого… бездельника!

— Хорошо, хорошо, — сказал я, — благодарю покорно. А пока ты попал в ловушку и все-таки должен мне несколько бутылок хорошего вина. Впрочем, пожалуй, мы квиты; ты хотел видеть Видока, и я тебе показал его. В другой раз не пытайся искушать дьявола.

Жандармы, которых я велел позвать по взятии Пона, не верили глазам своим. Во время обыска его жилища мэр общины рассыпался перед нами в благодарностях. «Какую великую услугу оказали вы нашей стране! — повторял он. — Это было наше всеобщее страшилище. Вы нас избавили от истинного бича».

Действительно, все жители были чрезвычайно рады аресту Пона и все изумлялись, что он совершен был без всякого сопротивления.

По окончании обыска мы отправились ночевать в Капеллу. К Пону был приставлен один из агентов, не покидавший его ни днем, ни ночью. При первом роздыхе я велел его раздеть, чтобы посмотреть, не скрыто ли на нем какого оружия. При виде его голым я в первую минуту несколько усомнился, человек ли это: все тело его было покрыто черной шерстью, густой и лоснящейся; его можно было принять за Геркулеса Фарнесского, покрытого медвежьей шкурой. Пон был довольно спокоен; с ним не происходило ничего особенного; только на другой день я заметил, что ночью он проглотил более четверти фунта нюхательного табака.

Я уже имел случай видеть, что при сильном душевном беспокойстве люди, употребляющие табак в том или другом виде, истребляют его с большой неумеренностью. Я знал, что нет курильщика, который бы мог так скоро выкурить трубку, как приговоренный на смерть тотчас по произнесении смертного приговора или перед самой казнью; но мне никогда еще не случалось видеть, чтобы злодей в положении Пона вздумал спровадить в желудок такое огромное количество вещества, которое по своей едкости могло принести страшный вред. Я боялся, чтобы он не захворал; может, он даже имел намерение отравить себя. Как бы то ни было, я велел взять у него оставшийся табак и давать ему только понемногу и с тем условием, чтобы он удовольствовался одним жеваньем. Пон подчинился приказанию, не глотал более табаку, и ни по чему не было видно, чтобы проглоченный принес ему какой-либо вред.

Глава сорок третья

Свидание в Версале. — Большой рот и маленький кусок. — Раскаяние двух осужденных. — Отчаяние преступников. — Каждый сам устраивает свою судьбу. — Сон убийцы. — Новообращенные. — Убийцы приглашают меня на свою казнь. — Золотая табакерка. — Всемогущий Бог. — Роковой час. — Молитва и последняя просьба. — Мы свидимся там. — Гильотина. — Подарки на память. — Прощание. — Казнь. — Я целую две мертвые головы. — Дух мщения. — Последнее прости. — Вечность

Я вернулся прямо в Париж и поместил Пона в Версаль, где содержались Курт и Рауль. По приезде я пошел навестить их.

— Ну, наш молодец засажен, — сказал я им.

— А, уж он у вас? — воскликнул Курт. — Что ж, тем лучше!

— Поделом ему! — добавил Рауль. — Я уверен, что он дал себя знать!

— Он-то? — возразил я. — Да он был смирен, как баран.

— Как, он не защищался? Гм, видишь, Рауль, он не защищался!

— У этих чудовищ большой рот, но они глотают и маленькие кусочки.

— Данные вами сведения, — сказал я, — не пропали даром.

До отъезда из Версаля я, в знак благодарности, хотел доставить развлечение узникам и пригласил их на обед. Они согласились с большим удовольствием, и все время, проведенное нами вместе, я не видал на их лицах ни малейшей тени печали: они более чем покорились воле Божьей; я не удивился бы, если бы они превратились в честных людей; по крайней мере, их разговоры свидетельствовали о том.

— А надо сознаться, мой бедный Рауль, — говорил Курт, — что мы занимались плохим ремеслом.

— Уж и не говори! Ремесло, которое ведет на виселицу…

— И это еще не все: быть в постоянном страхе, не иметь минуты покоя, трепетать при виде каждого нового лица.

— Истинная правда, повсюду мне виделись полицейские шпионы и переодетые жандармы; малейший шум, даже собственная тень приводила меня в трепет.

— А я-то! Стоило только какому незнакомцу взглянуть на меня, как я уже думал, что он снимает мои приметы.

Меня всего бросало в жар, и я чувствовал, что краснел до ушей.

— Раз совратившись с пути, идешь очертя голову! Если бы пришлось опять приниматься за то же, то я готов лучше тысячу раз пустить себе пулю в лоб.

— У меня двое детей, но если им предстоит дурная дорога, то я лучше готов велеть матери сейчас же их удушить.

— Если бы мы употребили столько стараний на добро, сколько на зло, мы не были бы здесь, мы были бы счастливее.

— Что делать! Такова, видно, наша судьба.

— Не говори ты мне этого… Всякий сам себе устраивает судьбу… Назначение судьбы — это вздор; судьбы нет, и без дурных знакомств, я чувствую, что не был бы негодяем. Помнишь ли, после каждого нашего преступления сколько я должен был прибегать к утешению? Это потому, что на мне было точно 509 фунтов тяжести; выпей я хоть целую вельту[3], и та бы меня от нее не избавила.

— А мне так сердце жгло, точно раскаленным железом. Я ложился на левый бок и как только забывался, то будто пятьсот миллионов чертей гнались за мною. То мне чудилось, что меня застали в моем окровавленном платье, то закапывающим труп или несущим его на спине. Я просыпался точно окунутый в воду; пот лил со лба так, что его можно бы собирать ложками. После того уже невозможно было сомкнуть глаз; колпак мой мешал мне, и я его вертел и переворачивал на сто ладов; как будто железный обруч сжимал мне голову, упираясь двумя острыми концами в оба виска.

---

[3] Вельта — питейная мера в 6 пинт или кружек.

— А! И ты тоже испытал это… Точно колет иголками.

— Может быть, все это и называют угрызением совести.

— Угрызение или что другое, только это ужасное мучение. Верите ли, г-н Жюль, я не мог выносить долее; это должно было покончиться; честное слово, с меня было довольно. Может, кто другой был бы на вас сердит; но я считаю, что вы оказали нам услугу. Ты как находишь, Рауль?

— С тех пор, как мы во всем сознались, я точно в раю сравнительно с тем, что было прежде. Конечно, нам придется пережить дурную минуту; но ведь и те, которых мы убивали, были не в лучшем положении. Притом самое меньшее, что мы послужим примером.

При расставаньи Курт и Рауль умоляли навестить их тотчас после осуждения; я обещал им и сдержал слово; через два дня после произнесения смертного приговора я пришел к ним. При моем появлении они испустили радостный крик. Имя мое прозвучало под мрачными сводами тюрьмы как имя освободителя. Они сказали, что приход мой доставляет им большое удовольствие, и просили позволения поцеловать меня, в чем я не имел силы отказать им. Они были прикованы к нарам, со скованными руками и ногами. Я влез на нары, и они прижали меня к сердцу с таким жаром, точно самые лучшие друзья после долгой и тяжелой разлуки. Один мой знакомый, бывший свидетелем этого свидания, очень испугался, видя меня некоторым образом во власти злодеев.

— Ничего не бойтесь, — сказал я ему.

— Нет-нет, не бойтесь, — заговорил Рауль с живостью. — Чтобы мы сделали какое зло г-ну Жюлю!.. Никакой опасности нет.

— Г-н Жюль, — добавил Курт, — вот так человек! Он один только наш друг, и что мне особенно нравится, он не покинул нас.

Намереваясь удалиться, я заметил возле них две маленькие книжки, из которых одна была раскрыта (то были «Мысли христианина»).

— Кажется, вы занимаетесь чтением, — заметил я. — Уж вы не взялись ли за благочестие?

— Что делать? — отвечал Рауль. — Сюда пришел пастор исповедовать нас и оставил нам это. Во всяком случае, тут есть вещи, которым если бы следовали, то мир был бы лучше, чем теперь.

— Еще бы не лучше! Недаром говорят, что религия — не шутка; мы родились на свет не для того, чтобы околевать, как собаки.

Я поздравил новообращенных со счастливой переменой, происшедшей в них.

— Кто сказал бы два месяца тому назад, — произнес Курт, — что я дам себя дурачить какой-нибудь скуфье!

— А я-то, — заметил Рауль. — Ты знаешь, как я их в грош не ставил. Но при нашем положении совсем другое дело. И не смерть пугает меня; это для меня все равно, что воды напиться. Вот вы увидите, г-н Жюль, как я туда пойду.

— О да! — сказал Курт. — Вы должны прийти.

— Обещаюсь вам.

— Честное слово?

— Честное слово.

В день, назначенный для казни, я отправился в Версаль. Было десять часов утра, когда я вошел в тюрьму; заключенные разговаривали со своим духовником. Завидя меня, они быстро пошли мне навстречу.

Рауль (взяв меня за руку). Вы не знаете, сколько удовольствия доставляете нам. Видите, нас уже начали приготовлять к смерти.

Я. Я не хочу вам мешать.

Курт. Вы-то нам помешаете? Вы шутите, г-н Жюль.

Рауль. Разве у нас только десять минут осталось, чтобы мы не могли даже поговорить с вами? (Обращаясь к священникам). Вы нас извините, господа.

Духовник Рауля. Хорошо, хорошо, друзья мои.

Курт. Таких ведь немного, как г-н Жюль; а как видите, он нас засадил, но это ничего не значит.

Рауль. Коли не он, другой бы кто засадил.

Курт. И такой, который бы не обращался с нами так хорошо.

Рауль. Ах, г-н Жюль, я никогда не забуду, что вы для нас сделали.

Курт. И друг не сделал бы столько.

Рауль. И в довершение всего пришел посмотреть, как мы отправимся туда.

Я (предлагая им табаку в надежде переменить разговор). Ну-ка, щепотку; это хороший табак.

Рауль (сильно нюхнув). Недурен! (Он чихает несколько раз). Это пропускной билет, правда, г-н Жюль?

Я. Точно так.

Рауль. Однако я сильно болен. (Он взял табакерку и, раскрывши ее, стал рассматривать). А хороша вещичка! Ну-ка, Курт, ты знаешь, из чего она?

Курт (отворачиваясь). Это золото.

Рауль. Ты прав (отворачиваясь): золото — погибель людей. Видишь, куда это нас привело.

Курт. И подумать, что за такую дрянь можно себе наделать столько хлопот! Не лучше ли было работать? У тебя были честные родители, у меня тоже, и в настоящее время мы не опозорили бы их имя.

Рауль. О, не это заставляет меня особенно сожалеть, а те господа, которых мы спровадили… Несчастные!

Курт (обнимая его). Ты хорошо делаешь, что раскаиваешься. Кто убивает себе подобных, тот не должен жить. Это — чудовище.

Придворный духовник. Однако, дети мои, время идет да идет.

Рауль. Хорошо им говорить — Всевышнее Существо… Если Оно есть, то никогда не простит нам.

Придворный духовник. Милосердие Божие неистощимо… Спаситель, умирая на кресте, ходатайствовал перед Отцом за покаявшегося разбойника...

Курт. Кабы Он и за нас умолил!

Один из духовников. Вознесите ваши души к Господу, дети мои, падите ниц и молитесь.

Оба осужденные глядели на меня, как бы ожидая моего совета, что им делать; они как будто страшились, чтобы я не осудил их в слабости.

Я. В этом нет никакого стыда.

Рауль (своему товарищу). Ну, друг, поручим себя Богу.

Они стали на колени и около пятнадцати минут оставались в этом положении.

Часы пробили половину двенадцатого; они, взглянув друг на друга, произнесли вместе: «Через тридцать минут с нами будет покончено!» И с этими словами встали. Видя, что они желают говорить со мной, я, находясь несколько поодаль, приблизился.

— Г-н Жюль, — начал Курт, — если вы будете настолько добры, мы попросили бы вас об одном последнем одолжении.

— О каком? Я готов служить с удовольствием.

— У нас есть жены в Париже. У меня жена… Вот что разрывает мое сердце… Это сверх сил моих!

Глаза его наполнились слезами, голос оборвался, и он не мог продолжать далее.

— Что же это, Курт, — сказал Рауль, — что с тобою? Не будь же ребенком… Я не узнаю тебя; или ты не мужчина, потому что у тебя есть жена! А у меня разве ее нет? Будь же потверже.

— Теперь прошло… — перебил Курт. — Я хотел только сказать, г-н Жюль, что у нас есть жены, и мы желали бы дать вам некоторые поручения к ним, если это не особенно вас обеспокоит.

Я обещал исполнить все, что они желают, и, когда они высказались, я подтвердил уверения, что свято выполню их поручения.

Рауль. Я был уверен, что вы нам не откажете.

Курт. С хорошими людьми никогда не останешься без помощи. Ах, г-н Жюль, чем нам вас отблагодарить за все это?

Рауль. Если то, что говорит священник, не вранье, то когда-нибудь мы свидимся на том свете.

Я. Надо надеяться; может, это будет скорее, чем вы думаете.

Курт. Это путешествие делают как можно позднее, а мы уже готовы отправиться.

Рауль. Г-н Жюль, ваши часы верно идут?

Я. Мне кажется, они немного вперед. (Я вынимаю часы).

Рауль. Ну-ка, посмотри. Уж полдень.

Курт. Колючка-то (смерть), как она торопится!

Рауль. Большая стрелка заходит за маленькую. Нам с вами не скучно, г-н Жюль… Но надо расстаться. Вот возьмите эту болтовню, нам она не нужна больше (болтовней он назвал «Мысли христианина»).

Курт. А эти два распятия возьмите также, это вам, по крайней море, напомнит о нас.

Послышался стук кареты; осужденные побледнели.

Рауль. Раскаяние — хорошая вещь; но ужели в самом деле я иду умирать? Не станем хвастаться хладнокровием, как некоторые, а постараемся быть твердыми.

Курт. Да, будем твердыми и раскаивающимися.

Приехал палач. Садясь в тележку, осужденные стали прощаться со мной.

— А вы ведь поцеловали две мертвые головы, — сказал Рауль.

Поезд направился к месту казни. Преступники внимательно слушали увещания своих духовников, как вдруг они задрожали: до ушей их долетел голос Фонтена, который, излечившись от ран, появился в числе зрителей. Предаваясь

чувству мести, он выражал свирепую радость. Рауль узнал его и взглядом презрительной жалости дал мне понять, что присутствие этого человека ему тягостно. Так как Фонтен был возле меня, то я велел ему удалиться. Курт и Рауль наклонением головы изъявили мне свою благодарность за такое внимание.

Курт был казнен первым. Взойдя на эшафот, он еще раз взглянул на меня, как бы спрашивая, доволен ли я им. Рауль выказал не менее твердости. Он был в цвете жизни: два раза голова его подпрыгнула на роковом помосте, и кровь брызнула с такой силой, что попала на стоявших в двадцати шагах.

Таков был конец этих двух человек, злодейства которых были не столько следствием дурной натуры, сколько столкновения с развращенными личностями, составляющими в среде общества свое отдельное общество, со своими особенными правилами, добродетелями и пороками.

Раулю было не более тридцати восьми лет: он был высок, статен, ловок и силен; брови его были приподняты, глаза черные, блестящие, хотя маленькие, но живые; лоб, не будучи вдавленным, был слегка запрокинут назад, уши были несколько оттопырены и как бы приставлены к двум выпуклостям, подобно как у итальянцев, с которыми он имел общий цвет лица. Физиономия Курта представляла одну из трудно разрешимых загадок. Глаза его не были косые, но как бы тусклые, и общие черты, по правде сказать, не представляли ни хорошего, ни дурного значения; только выдающиеся костлявые выпуклости, как у основания лба, так и у обеих скул, указывали на свирепые инстинкты. Может быть, эти признаки кровожадности развились от привычки к убийству.

Другие подробности, относившиеся преимущественно к игре физиономии, имели не менее глубокий смысл; в них проглядывало что-то гнусное, что заставляло беспокоиться и содрогаться. Курт был сорока пяти лет и с самой молодости вступил на дорогу преступления! Чтобы наслаждаться столь

долгой безнаказанностью, ему необходимо было иметь достаточную дозу коварства и хитрости.

Поручения, данные мне этими двумя убийцами, доказывали, что их сердца еще были доступны добрым чувствам; я исполнил их с точностью. Что касается до подарков, то я тоже их сохранил, и до сих пор еще можно видеть у меня «Мысли христианина» и два распятия. Пон Жерар, которого не могли уличить в убийстве, был приговорен к вечной каторжной работе.

Глава сорок четвертая

Дело Прюно, или Неожиданное открытие. — Заявление эмигранта. — Домашняя кража. — Похищенная жена. — Г-н Беко и герцог Моденский на поисках за бежавшей супругой. — Птичка опять улетела! — Эпизод с тюремщиком Бальи. — Категории воров. — Комнатные воры

Вследствие опытности я дошел в своем ремесле до некоторого рода ясновидения, казавшегося чудом. Как часто я поражал удивлением лиц, приходивших жаловаться по поводу какой-нибудь кражи: стоило им только сообщить дватри обстоятельства, как я уже догадывался, в чем дело, доканчивал рассказ, или, не ожидая более подробных разъяснений, произносил пророческий приговор: виновный вот кто. Все удивлялись; но были ли благодарны?.. Не думаю, потому что обыкновенно жалующийся приходил к тому заключению, что или он обокраден с моего ведома, или я продал душу черту; так думали мои клиенты, не воображавшие, что можно получить сведения другими путями.

Самое популярное и распространенное мнение было то, что я был главной пружиной или потворствовал большей части краж: думали, что я был в прямых сношениях с ворами, был предупреждаем ими заранее насчет задуманных преступлений или, если иногда боялись предупредить, чтобы не упустить из рук благоприятной случайности, то после успеха непременно сообщали мне. Прибавляли, что они делились со мной своей добычей и что я выдавал их только тогда, когда деятельность их не приносила мне выгоды. Какие простачки должны они были быть, чтобы жертвовать собою человеку, который рано или поздно должен был продать их правосудию! Впрочем, нет нелепости на свете, которую бы не решились выдумать; но так как во всякой нелепости редко не бывает какого-нибудь зародыша истины, то вот на чем основывали и эти заключения.

По своей обязанности, интересуясь знать по возможности всех воров и воровок по профессии, я старался с помощью денег осведомляться о состоянии их финансов, и если замечал значительную перемену в их положении, то, естественно, заключал о приобретении ими добычи; когда это совпадало с заявлением о краже, то заключение делалось еще вернее, хотя оно было все еще не более, как предположение; но я старался выспросить малейшие подробности, служащие к раскрытию средств, употребленных для совершения преступления, отправлялся на место преступления и часто, еще не делая никаких розысков, говорил потерпевшему: «Доказательством этому служит следующий факт, единственный в своем роде».

Г-н Прюно, торговец новомодными изделиями в улице Сен-Дени, был обокраден ночью. В его магазин забрались посредством взлома и украли пятьдесят кусков ситца и несколько дорогих шалей. С раннего утра Прюно прибежал в мое бюро и не успел еще окончить рассказ о своем несчастье, как я ему уже назвал виновников его. «Кража совершена не кем иным, как Бертой, Монгодадом и их сообщниками».

Я тотчас же отправил по их следам своих агентов с приказанием удостовериться, делают ли они какие издержки. Через несколько часов мне пришли сообщить, что обе заподозренные личности встречены в дурном месте, в сообществе известных Тулуза и Реверана, прозванного Морозини. Те и другие были одеты в новое платье и по всей очевидности были при деньгах, потому что пировали с проститутками. Мне был известен их главный укрыватель, у которого я немедленно велел сделать обыск, и действительно вещи были найдены. Укрыватель не избег своей участи и был послан в каторжные работы; что касается до воров, то для их осуждения надо было выдумать очевидное доказательство, что и было сделано хитростью моего изобретения: они были пойманы и уличены.

Для более успешного выполнения своей обязанности мне необходимо было обладать чутьем и сметливостью: я часто так уверен был в каком-нибудь факте, что не только называл ex abrupto, имена и жилище воров, но даже точно определял их приметы и обозначал способ, какой они могли употребить для совершения преступления.

Профаны, незнакомые со средствами полиции, но могут представить себе, что, помимо бесчестных путей, можно обладать такой проницательностью; для не привыкших размышлять это казалось столь необычайным, что без малейшего недоброжелательства ко мне они подозревали стачку, которой не существовало; но большая часть парижских обывателей воображала, что я обладаю даром все видеть, все слышать и все знать; без преувеличения можно сказать, что в их глазах я был нечто вроде святого пустынника; ко мне обращались во всевозможных случаях и весьма часто в таких, которые нимало не относились к моей должности. Трудно вообразить себе, с какими странными заявлениями иногда являлись ко мне, для этого надо было побывать в моем бюро во время приема публики. Входит, например, крестьянин.

— Сударь, я, значит, пошел в Ботанический сад; хожу, гляжу это себе зверей, как вдруг подходит ко мне барин, разодетый, что твой принц, и спрашивает это меня, что я-де из Бургундии? Ну, мы в ответ, что, мол, так точно. Тут он говорит, что сам он из Жуаньи и торгует дровами, стало быть, мы земляки; слово за слово, позвал он меня смотреть мертвую голову. Он показался таким славным парнем, право слово! Ну, я без всякого, значит, сумления пошел с ним, и, как вышли это мы из сада, за решеткой встретились ему еще знакомые. Одни из них торгует холстом.

— Их было двое, не правда ли? Молодой и старый?

— Так точно.

— Старик еще вез вино в склад?

— Как есть.

— Вижу, в чем дело. Они вас обработали.

— Так, так, ваша милость, верите ли, две тысячи франков стащили! Сто талеров славными двадцатифранковыми монетками.

— А, так это было золото? Они не научали ли вас его прятать?

— Да, конечно, научили так хорошо, что я после уже никак не мог найти.

— Так, я знаю ваших приятелей. Как вы думаете, Гури (обратился я к одному из своих агентов), ведь это, верно, Гермель, Депланк и отец семейства?

Агент. Кажется, что так.

— Меж ними не был ли кто с длинным носом?

— О, да, и с очень длинным.

— Я вижу, что не ошибся.

— Конечно, нет. Как это вы сразу отгадали! Длинный нос! Ах, г-н Видок, какой вы милый человек! У меня и от сердца отлегло.

— Почему же?

— Да так как ваши друзья меня обворовали, то вам легко будет разыскать мои деньги! Только уж похлопочите, чтобы это было поскорее. Нельзя ли нынче?

— Мы так скоро не приступаем к делу.

— Дело в том, что мне непременно надо скорее вернуться на свою сторону. Я уж и так совсем отстал от дома; там жена одна-одинешенька, да, окромя того, через четыре дня у нас там ярмарка в Оксере.

— О, о, вы спешите, мой любезнейший!

— Да, очень спешу. Но послушайте, можно уладить: дайте мне только сейчас тысячу пятьсот франков, и я ничего не спрошу больше. Идет? Кажись, нельзя и быть податливей этого!

— Это правда; но только я не заключаю подобных сделок.

— А ведь оно как есть в ваших руках.

За бургундцем следовал мальтийский кавалер, вероятно, получивший позволение на брак, потому что с ним прибыла его достойная половина и даже в сопровождении няньки.

Кавалер. Милостивый государь, я маркиз Дюбуавеле, старый эмигрант, имевший случай дать несомненные доказательства моей преданности фамилии Бурбонов.

Я. Это делает вам честь; но что вам угодно в настоящую минуту?

Кавалер. Я пришел просить вас немедленно разыскать и задержать моего лакея, бежавшего от меня с тремя тысячами семьюстами пятьюдесятью франками и моими украшенными часами, которые для меня очень дороги.

Я. Больше ничего не было украдено?

Кавалер. Кажется, ничего.

Жена. Конечно, он таскал и еще многое; вы знаете, маркиз, что уже с давних пор почти не проходило дня, чтоб у нас не пропало то одно, то другое.

Кавалер. Это правда, маркиза; но в настоящую минуту я хочу разыскать хоть только наши три тысячи семьсот франков и часы. Главное — часы, мне их надобно во что бы то ни стало. Во-первых, они мне подарены покойницей M-me Веллербель, моей крестной матерью, и вообще, я ни за что не желаю их потерять.

Я. Очень может быть, что они и разыщутся; но сначала вы должны мне назвать имя, фамилию и описать приметы вашего слуги.

Кавалер. Имя его нетрудное: его зовут Лоран.

Я. Откуда он родом?

Кавалер. Кажется, из Нормандии.

Жена его. Ты ошибаешься, мой друг. Лоран, из Шампани. Я часто слышала, что он родился в Сен-Кентено. Да вот Кунигунда может нам это лучше разъяснить. (Обращаясь к няньке). Кунигунда, не правда ли, что Лоран из Шампани?

Кунигунда. Прошу извинить, сударыня, он, кажется, из Лотарингии. Ему приходили письма всегда из Дижона.

Я. Вы не согласны друг с другом насчет места его родины. Затем имя Лоран, вероятно, не более как крестное имя. Мало ли сколько Жанов да Мартинов! Необходимо, чтобы вы сказали его прозвище или, по крайней мере, описали бы его настолько подробно, чтобы его можно было узнать.

Кавалер. Его фамилию! Едва ли она у него была. Вы знаете, эти люди живут без фамилии и зовутся так, как их назовут. Я звал его Лораном, потому что так мне было удобнее и так звали его предшественника; имя передается вместе с ливреей. Что касается до его родины, то разве я вам не сказал? Он нормандец, шампанеец, пикардиец или лотарингец. Относительно его наружности — рост его обыкновенный, глаза… Господи! Глаза как у всех… Как у вас, как у меня, как вот у них… Нос его самый обыкновенный; рот — я никогда не обращал внимания на его рот. Известно, держишь лакея для того, чтобы он служил. На него и не смотришь. Сколько мне припомнится, он брюнет или темно-русый.

Жена. Друг мой, кажется, он блондин.

Кунигунда. Блондин египетский: он рыж, как морковь.

Кавалер. Очень может быть, но это неважно. Что нужно г-ну Видоку, это то, что до воровства я звал его Лораном, и он должен отзываться на это имя, если не взял себе другого.

Я. Совершенно справедливо; г-н де Ла-Палис не сказал бы лучше. Но вы согласитесь, что для начатия следствия мне необходимы сколько-нибудь более точные данные.

Кавалер. Больше я ничего не могу сказать вам; но, по моему мнению, этого совершенно достаточно. При некоторой ловкости ваши агенты скоро его разыщут и узнают, где он тратит мои деньги.

Я. С удовольствием готов бы служить вам; но как могу я начать действовать со столь слабыми указаниями?

Кавалер. А между тем я пришел сюда с такими положительными сведениями, что, по-моему, вам остается только захотеть. Я вам даю дело совсем подготовленное. Может, я забыл сказать, сколько ему лет; с виду от тридцати до сорока.

Кунигунда. Он не был так стар, г-н маркиз; ему года двадцать четыре и никак не более двадцати восьми.

Кавалер. Двадцать четыре, двадцать восемь, тридцать, сорок, не все ли это равно!

Я. Не настолько, как вы думаете. Но откуда вы его взяли? Вам, конечно, его кто-нибудь рекомендовал или доставил?

Кавалер. Никто не рекомендовал нам его; просто прислал наемный извозчик, вот и все.

Я. Была на нем ливрея?

Кавалер. Нет, не было.

Я. Был какой-нибудь аттестат, свидетельство?

Кавалер. Он мне показывал бумаги, но это ни к чему не нужно; я и не обратил на них внимания.

Я. В таком случае, как же вы желаете, чтобы я нашел вашего вора? Вы не даете мне ничего, решительно ничего, что могло бы навести на след.

Кавалер. Право, вы смешны… Я ничего не даю! Да я уж вот четверть часа стараюсь разъяснить вам. Я отвечал на все ваши вопросы; если вам прямо отдать воров в руки, то незачем и полиция. Да, это не г-н Сартин! Ему стоило сказать сотую часть того, что я передал вам, и мой лакей, и мои часы, и мои деньги были бы уже найдены.

Я. Г-н Сартин был великий человек. Что касается до меня, то я не могу совершать таких чудес.

Кавалер. Ну, в таком случае, милостивый государь, я тотчас же иду к г-ну префекту жаловаться на вашу беспечность. Когда вы отказываетесь действовать, то мои друзья узнают, что полиция никуда не годится, и скажут это с трибуны. Я пользуюсь кредитом, влиянием, пущу их в ход, и тогда мы посмотрим.

Я. Прошу покорно, г-н маркиз, счастливого пути.

Затем является личность в блузе, мальчик ведет ее.

— А што, тут старшой над полицейскими сыщиками, што ищо так знатно воров-то ловит?

— Войдите, что вам нужно?

— А вот что, барин, сичас на площади у меня, значит, выкрали серебряные часы.

— Ну как же это с вами случилось? Расскажите как можно подробнее.

— Надо вам сказать, сударь, что я прозываюсь Людвиг Вирлуэ, крестьянин-землепашец и виноградарь в Конфлан-Сен-Онорине, как следует, женатый и отец семейства, имею четверых деток и жену, значит, их мать. Прибыл это я в Париж за бочками, иду, значит, своей дорогой, как вдруг на площади недалече отсель, да во как, шагов десять каких-нибудь, у самой это стены меня останавливают и ударяют эдак по плечу. Оглянулся это я… Вижу, девушка говорит это мне: «Это мы, мой друг Федорушка?.. Так и есть, что ты; дай, я тебя поцелую». И не успел это я ничего сказать, она поцеловала и зовет распить бутылку вина. Я, известно, как виноградарь, выпить никогда не прочь; на что лучше! Тут говорит она, что у нее есть подруга и что она ее, значит, позовет. «Ладно, мол, только не замешкайся». Ну и остался я ждать-пождать. Соскучился это и хочу взглянуть на часы… Что, мол, долго нейдет. Глядь… Ан часов-то и нет, что-те корова языком слизала. Дело ясно, простись с часиками. Бегу сломя голову; ее и след простыл. А кого я, значит, спрашивал, указали идти сюда; что ваша партия разыщет мои серебряные часы, заплаченные пятьдесят пять франков, в Понтуазе; уж и шли же они верно, и числа месяца показывали. Еще на них волосяной шнурочек, который моя дочка сама связала.

— Заметили ли вы сколько-нибудь наружность этой женщины?

— Той, которая меня обокрала-то?

— Да.

— Она не оченно стара, ну и не совсем молода тоже; не оченно толста и не худа, середка на половине; она будет футов пяти без восьми али девяти дюймов, я так примерно говорю; кружевной чепец; нос вздернутый, довольно толстый. Как это вам дать примерно толщину ее носа? Да вот как эта груша на вашей бумаге, должно быть, чтоб не сносилась ветром; если это и не совсем так, то разве на лошадиный волосок. Юбка красная, глаза голубые, черепаховая табакерка с запахом розана.

— Вы передаете мне довольно странные подробности и просто морочите нас: я уверен, что вас не на дороге обокрали. Чтобы заметить все эти подробности, надо было видеть женщину долго и близко. Вместо того, чтобы рассказывать вещи, не имеющие смысла, сознайтесь, что вы пошли в публичный дом и, пока делали условие, ваши часы исчезли.

— Знать, от вас ничего не затаишь. Ну да, это так и было.

— Зачем же вы рассказываете сказку?

— Мне сказывали, что так нужно говорить, чтобы разыскались мои пятидесятипятифранковые часы.

— Можете вы назвать дом, куда пошли с этой женщиной?

— Почему нет! Это дом на углу улицы, сидели мы в комнате со столом.

— Вот поистине точные сведения для того, чтобы разыскивать!

— Ну, тем и лучше; так я увижу свои часы?

— Не говорю вам этого, потому что вы мне даете такие странные сведения.

— Как, разве я вам не сказал сейчас же, сию минуту, что у нее красные глаза, т. е. красная юбка, с голубыми глазами, кружевной чепец? Не ясно ли, кружева? Вот не припомню цвет ее чулок; но хорошо знаю, что у нее были подвязки со шнурками. После этого нечего вам разжевывать; вы сами

знаете остальное. Как только вы мне разыщете часы, я вам поставлю бутылку и дам десять франков угоститься с вашими приятелями.

— Благодарю нас, я не действую из корысти.

— Дело хорошее; только надо, чтоб каждый имел пользу от своего ремесла.

— Я у вас ничего не прошу.

— Это так, но вы велите, чтобы мне отдали мои часы с числами?

— Да, если нам их принесут, я вам перешлю.

— Надеюсь на вас; только, пожалуйста, не позабудьте.

— Будьте покойны.

— Прощенья просим, барин.

— До свидания.

— Да, до будущего случая.

По удалении виноградаря, озаренного надеждой, несмотря на свое супружеское вероломство, явился один из тех добродушных лавочников улицы Сен-Дени, которые, несмотря на ограниченность своих умственных способностей, приводят наизусть метаморфозу бедного Актеона.

— Милостивый государь, — говорит он, — я пришел просить вас немедленно разыскать мою жену, бежавшую сегодня вечером с моим приказчиком. Я не знаю, куда они отправились, но они не должны быть далеко потому, что пошли не с пустыми руками: деньги и товары они все с собой захватили, и их-то не поймать! О, если бы их поймали! А то придется даром потерять труд и время. Я уверен, что они еще в Париже, и если вы тотчас станете их разыскивать, то они будут в наших руках.

— Я должен вам заметить, что мы не можем начать так действовать самовольно; нам нужен приказ. Вы должны подать жалобу на вашу жену и на похитителя, уличить их в прелюбодеянии и похищении у вас денег и товаров.

— Да, хорошо это будет, нечего сказать! Я буду подавать жалобу, заниматься всякими пустяками, а они меж тем навострят лыжи!

— Очень может быть.

— Простительна ли подобная медленность, когда дело гибнет! Наконец, как бы то ни было, жена моя все-таки моя жена. Каждый день, каждую ночь преступление все увеличивается. Я муж, я оскорблен, я имею свои права. Ей стоит народить детей, и, спрашивается, кто будет им отец? Конечно, не настоящий отец, а я. Так как нет более развода, то закон должен бы был предусматривать…

— Ах, милостивый государь, закон ничего не предусматривает; у него есть предписанная форма, от которой нельзя отступать.

— Хороша форма! Коли так, то приходится сказать, что форма берет верх над сущностью. Бедные мужья!

— Я знаю, что вы достойны сочувствия, но со своей стороны ничего не могу; притом не вы один.

— Ах, г-н Жюль, вы так обязательны, сделайте одолжение, велите их арестовать сегодня же; возьмите это на себя, умоляю вас, не откажите мне; вы увидите, что не будете в этом раскаиваться!

— Повторяю вам, что для исполнения нашего желания мне необходимо предписание юридической власти.

— Ну, я вижу ясно, что у меня отнимают жену и имущество! Кому оказывают покровительство? Пороку. Делает ли это честь полиции! Если бы надо было арестовать бонапартиста, то вы бы все поднялись на ноги, а дело идет об обманутом муже — вы и не пошевельнетесь. Приятно видеть, как полиция себя держит; ну за то теперь ждите меня! Жена может вернуться, когда ей заблагорассудится, и если ее опять у меня украдут, то уж я, конечно, не к вам обращусь; Боже меня избави!

Обиженный муж удаляется, весьма недовольный, и мне объявляют, что какая-то странная личность просит меня на несколько минут разговора. Является длинная фигура, длинное платье, длинный жилет, длинные руки и ноги, лицо длинное, исхудалое, как бы приделанное к длинной, неуклюжей шее, вполне соответствовавшей всей остальной фигуре; все это как бы двигалось на пружинах. При виде этого автомата, с его узенькими фалдами, бившими по пятам, с толстым жабо, воротником с брыжами, с длиннейшими манжетами, огромным зонтом и крошечной шелковой шапочкой, я насилу удержался, чтобы не захохотать ему прямо в лицо: так вид его был комичен и наряд забавен.

— Сделайте одолжение, садитесь, — сказал я, — и объясните мне причину вашего посещения.

Он начал самым ломаным французским языком, с сильным английским акцентом[4].

— Милостивый государь, вам свидетельствует свое почтение г-н Ловендер, частный пристав улицы Боу, в столице Великобритании. Он мне рекомендовал вас для того, чтобы разыскать мою жену, которая строит мне теперь рога в Париже с г-ном Гавиани, офицером, проводящим жизнь в публичных домах.

— К несчастью, милостивый государь, я только что отказал в своем содействии относительно точно такого же дела. Если дело идет только о разыскании, то, из уважения к просьбе г-на Ловендера, я могу указать вам человека, который за известное вознаграждение согласится употребить все средства, требуемые обстоятельством.

— Да, да, именно разыскание… Я понимаю и очень вам благодарен.

---

[4] К сожалению, в переводе невозможно передать всю оригинальность речи этой оригинальной личности, так как весь разговор заключается в смешной неправильности французского языка. — (*Прим. пер.*)

— Скажите мне, пожалуйста, имя вашей супруги, опишите ее приметы и сообщите все подробности, которые сочтете нужными.

— Я вам сказываю, что жену мою зовут мадам Беко, потому что я сам мосье Беко, так же, как и брат мой близнец, как и отец наш, который тоже назывался Беко. Моя жена вышла за меня в 1815 году в Лондоне. Она была хороша собой, блондинка с черными глазами, с приличным носом; зубы у нее были маленькие, белые, груди большие; она говорила по-французски еще лучше меня. Если вы ее разыщете, я ее тотчас же возьму и отвезу в пакетбот в Лондон.

— Я, кажется, уже сказал, что не беру на себя этого дела, а укажу вам особу, которая вполне войдет в ваше положение. Живо! Позовите мне герцога Моденского, скажите, чтобы он сейчас же пришел с отцом Мартином.

Герцог Моденский было шутливое прозвище тайного агента, человека хорошего тона, который назначен был мною для наблюдения за игорными собраниями.

— О, о, вы мне рекомендуете герцога, я в восторге! Герцог, это отлично! Если он захватит мою жену с этим офицером, то развод, которого я желаю, поразит ее, как громом.

— Я ручаюсь, что он их захватит вместе; даже упорен, может застать их в постели, если вы этого пожелаете.

— О, о, лежащих в постели, ничего лучше не может быть для развода! Для очевидного доказательства постель, это прелестно… Я, милостивый государь, я вам чрезвычайно благодарен.

Герцог Моденский не заставил себя ждать. При появлении его Беко встал, отвесил троекратный поклон и начал так:

— Г-н герцог, мне нужно, чтобы вы оказали услугу несчастному мужу, которого жена привела в отчаянное положение.

Агент, видя ошибочное мнение о себе англичанина, тотчас же принял важный вид, соответствовавший пожалованному

ему титулу. С достоинством заключивши условие насчет своего гонорара и собравши сведения, которые только мог сообщить г-н Беко, он обещался тотчас же приступить к делу, чтобы достигнуть наискорейшего результата.

При окончании этих переговоров мне передали приглашение королевского прокурора немедленно к нему явиться. Мы расстались с г-ном Беко, назначивши аудиенцию на завтра. Я вообще не прочь от отступлений, и читателю, может быть, небезынтересно будет узнать, чем окончилось это дело.

Не прошло двух суток, как герцог Моденский пришел заявить мне, что он открыл убежище неверной. Она была со своим итальянцем, и хотя они приняли предосторожности, узнавши о приезде мужа, но агент был уверен, что представит их последнему на месте преступления и что со стороны улик не останется ничего желать более. Пока он мне объяснял задуманный им хитрый план, вошел г-н Беко, которого я велел предупредить. Он пришел в сопровождении своего братца, представлявшего другой экземпляр британской карикатуры. «Они как раз пара», — заметил тихонько агент.

— Здравствуйте, г-н Видок. А, вот и г-н герцог, свидетельствую ему свое почтение.

— Г-н герцог принес вам важную новость.

— А-а, важную новость! Вы их нашли? Вы можете говорить при этом господине, это тоже Беко, мой брат-близнец; вы нашли, действительно нашли?

— Расскажите им, г-н герцог.

— Да, да, расскажите, г-н герцог.

— Да, я нашел их и, если вы желаете, берусь вам показать их обоих на одной постели.

— На одной постели! — вскричал братец-близнец. — Да это было бы чудо; вы колдун, г-н герцог!

— Уверяю вас, что в этом нет ничего сверхъестественного.

— Да, да, естественно, вполне натурально; на одной постели, брачное сожительство, превосходно, превосходно! —

повторял, восторгаясь, шурин г-жи Беко, муж которой вне себя от радости выражал свой восторг самыми смешными кривляньями и гримасами.

Леди Беко и ее похититель несколько месяцев прожили в улице Фейдо, у одной из тех госпож, которые ради своей выгоды и удобства иностранцев держат в одно и то же время табльдот и экарте; но, предвидя преследование по приезде двух близнецов, преступная чета скрылась в Бельвилле, где один из друзей мадам Беко, генерал, принял их под свое покровительство. Предположено было накрыть их в этом убежище, и так как г-н Беко весьма торопился, то дело близилось к концу.

Следующий день было воскресенье, у генерала назначен был большой обед, а после обеда, по принятому в доме обычаю, садились за карты. Герцог Моденский, давно известный за ловкого флибустьера, имел таким образом достаточный предлог войти в общество, куда шулера охотно принимались. Он воспользовался случаем, при начале вечера отправился в Бельвилль и просидел в гостиной генерала до двух часов утра. Затем пошел к двум братьям, которые дожидались его недалеко оттуда, в наемной карете.

— Ну теперь, — сказал герцог, — парочка сошлась.

— Они вместе! — воскликнул г-н Беко.

— Да, и если вы чувствуете в себе достаточно храбрости, чтоб влезть на стену, то я берусь вас провести до алькова.

— Как вы сказали? Влезать? Что это значит?

— А надо перелезть через садовую стену.

— Черт возьми, перелезать!.. Вы хотите, чтобы я лез? А лакей кричит: «Караул, воры!..» Нет, нет, влезать не надо… А палка, а ружье, пиф-паф, бац, и я полечу вниз… И г-н Гавиани будет торжествовать. Нет, не надо влезать!

— Но если вы желаете, чтобы преступление было очевидно доказано…

— Мы, Беко, г-н герцог, все мы не любим опасности.

— В таком случае придется захватить виновных вне жилища генерала, тогда не будет никакого риска. Я знаю, что после завтрака они сядут в экипаж, чтобы отправиться и Париж. Вам желательно захватить их в карете?

— Да, да, в карете будет благоразумнее.

Герцог Моденский, его помощник, отец Мартин и оба островитянина стали на страже в ожидании отъезда. В это время г-н Беко делал тысячу вопросов и замечаний, одни нелепее других. Наконец, в два часа пополудни, наемная карета остановилась у подъезда, через минуту показалась мадам Беко со своим возлюбленным. Читатель, пожалуй, подумает, что при этом г-н Беко не мог удержаться, чтобы не выразить своего негодования, ничуть не бывало, он и бровью не моргнул. Мужья англичане удивительны.

— Видишь, — сказал он брату, — вот и жена моя с любовником.

— Да, да, вижу… Они сели и карету.

Известно было, что карета направится в улицу Фейдо. Англичане велели кучеру гнать, чтобы опередить ее, и когда они были у ворот Сен-Дени, в том месте, где возвышающийся всход ведет на бульвар «Приятная Новость», они вышли из экипажа. Вскоре показалась карета шагом. Полицейские ее останавливают, и Беко, растворивши дверцы, произносит с невообразимой флегмой:

— А, здравствуйте! Прошу извинить меня, милостивый государь, я пришел за своей женой, которую вы ласкаете вместо меня.

— Пожалуйте, сударыня, — добавил брат, — довольно вам строить рога то, пойдемте с нами.

Гавиани и г-жа Беко, приведенные в ужас, ни слова не говоря, вышли из кареты, и пока первый расплачивался с извозчиком, бедную леди безжалостно засадили в другую карету, между двумя Беко. Все молчали; вдруг мадам Беко,

как бы мало-помалу очнувшись от ужаса, бросилась к дверцам и закричала:

— Гавиани, Гавиани, друг мой, будь покоен, нас разлучит только смерть.

— Молчите, мадам Беко, — сказал ей холодно муж. — Я велю вам молчать, вы злая женщина, вы еще смеете звать Гавиани… Вероломная вы женщина, да, очень вероломная. Вот я вас засажу…

— Ничего вы не сделаете.

— Сделаю, сделаю… — повторял он, качая головой между ручками двух зонтов, которые, будучи из оленьего рога, составляли для его чела весьма соответствующее украшение.

— Г-н Беко, все, что вы ни сделаете, будет бесполезно… О, мой дорогой Гавиани!

— Опять Гавиани, все Гавиани!

— Да, все Гавиани. Я вас ненавижу, презираю.

— Вы моя жена.

— Да вы взгляните на себя, г-н Беко, ну годитесь ли вы в мужья кому бы то ни было? Во-первых, вы безобразны, во-вторых, стары, смешны и вдобавок ко всему, ревнивы.

— Я ревную законно.

— Вы хотите развода, а разве он уже не сделан, я от вас бегаю, что вам еще надо?

— Я хочу быть признан законным образом обманутым мужем.

— Вам угодно скандала!

— Вы хотите обманывать меня по своей фантазии; а я хочу по своей быть признанным публично и законно обманутым.

— Вы в моих глазах чудовище, тиран; никогда я с вами не останусь.

— А вот вы останетесь в тюрьме.

— Живою вы меня не получите, — и, говоря это, она сделала вид, что готова расцарапать себе лицо.

— Держи ей руки, брат.

И братец действительно принялся держать ее за руки. Она несколько времени боролась, потом как бы успокоилась; но блеск глаз выдавал всю силу гнева и ярости, которой она была проникнута.

Раскрасневшаяся, но прекрасная, как только может быть прекрасна страсть, она возле этих странных фигур, этих неподвижных, замороженных физиономий похожа была на царицу вакханок между двух уродов или на вулкан любви между двух ледяных гор. Как бы то ни было, возвращение г-на Беко в занимаемый им отель, в улице Мир, было торжеством. Первым его делом было запереть свою жену в комнату, ключ от которой он никому не доверил. Но когда муж становится тюремщиком жены, ей так приятно обмануть его бдительность! Известна песня: «Несмотря на замки и сторожей» и т. д. На третий день этого супружеского плена г-же Беко, очевидно, надоело сидеть в клетке. На четвертый день, около полудня, я зашел к г-ну Беко и застал его с братом перед пудингом и дюжиной бутылок шампанского, уже раскупоренных.

— А, здравствуйте, г-н Видок! С вашей стороны очень любезно было прийти. Вы выпьете с нами шампанского?

— Благодарю вас, натощак я никогда его не пью.

— То-то, вы не англичанин.

— Ну вот вы и в радости; герцог Моденский возвратил вам вашу супругу, поздравляю вас.

— Поздравляете! Да она уж опять убежала, мадам Беко.

— Как! Вы не сумели ее стеречь?

— Она убежала, говорю вам, разбойница!

— Когда так, не станем больше и поминать о ней.

— Да, лучше и не говорить, будем пить шампанское.

Эти господа опять настаивали, чтобы я выпил с ними за компанию; но так как мне нужно было сохранить хладнокровие, то я просил избавить меня от угощения и, пожелав им всего лучшего, простился с ними. Они без сомнения скоро очутились под столом.

Ни в одной европейской столице, исключая Лондон, нет столько воров, как в Париже; его мостовую гранят всевозможные плуты. Это и неудивительно, потому что легкость смешаться с толпой позволяет стекаться туда всему, что есть худшего, как во Франции, так и за границей. Большая часть совсем поселяется в этом громадном городе; а другие являются только как перелетные птицы, при больших торжествах или в суровое время года. Наряду с этими чужеземцами есть туземцы, составляющие в населении дробь, знаменатель которой довольно значителен!

Парижские воры вообще находятся в презрении у воров провинциальных: они справедливо пользуются плохой репутацией в том отношении, что способны без сожаления продать своих товарищей, лишь бы сохранить свободу. Поэтому если каким-либо обстоятельством они вытеснены из своей сферы, то им нелегко куда-нибудь приткнуться; кроме того, у них большое пристрастие к месту родины. Дети Парижа не могут расстаться со своей матерью, к которой чувствуют неистощимую нежность:

Сердцам всем благородным отчизна дорога!

Перенесенный в провинцию парижский вор совсем не на своем месте: если бы он свалился с луны, как аэролит, то он не мог бы быть чуждым более новичком; это совершенный разиня, в полном смысле слова; он то и дело боится принять куницу за лисицу. Ужасная вещь находиться в незнакомой почве! Он не знает, куда класть руку и ногу; может, он идет прямо по горячим угольям: Cineri doloso. Он не смеет сделать шага, потому что у него завязаны глаза, и он знает, что если наткнется, то никто ему не крикнет: «Смотри, сломишь шею!»; напротив, еще потешаются, когда он в опасности, потому что считают его трусом. Если он втянулся в неловкое дело, ему дают покончить, да еще наталкивают, и если на пути

он встретит жандармов, если с ним случится несчастье или поражение, то хитрецы над ним же издеваются.

В маленьком городе вор совсем не у места; это курица с одним цыпленком, он там, как рыба в масле или муха в молоке, словом, не в своем элементе. В маленьком городе слишком тихо и спокойно, жизнь слишком правильна, слишком видна; гораздо лучше тревога, смятение, беспорядок, беспокойное течение жизни. Все эти преимущества соединяются в Париже, маленьком, но густо населенном департаменте Сены, в окружности от пяти до шести миль, на пространстве, которого едва бы достало на устройство парка какого-нибудь вельможи. Париж есть не более как точка на глобусе; но эта точка представляет собою сток нечистот. На этой точке кружатся, проходят, переходят, скрещиваются мириады людей обеспеченных. Парижский вор привык к этой суматохе и без нее чувствует пустоту, утрачивает свою ловкость. Он это хорошо знает, и если ему удастся бежать из острога, то прямо стремится в столицу; его, конечно, не замедлят опять схватить, но что ему за дело, он все-таки поработает в свое удовольствие.

Провинциальные воры, напротив, довольно скоро свыкаются с Парижем, не потому чтобы климат был им особенно подходящим; это чистые космополиты, отечество которых там, где можно воровать. Ubi bene, ibi petria, таково их правило; они так же хорошо свыкнутся с Римом, как и с Пекином, лишь бы была добыча. У них нет ни приятной внешности, ни статной осанки, ни хвастливого гонора парижского вора; проживи они весь век в Париже, все они останутся мужиками. Их всегда будут упрекать в том, что они созданы из кучи нелепостей и ни на что не похожи. Неуменье держать себя, плохие манеры — вот их слабая сторона. У них нет учтивости, и как бы они ни старались, они никогда не пропитаются тем букетом аттицизма, тонкий запах которого очаровывает пустой и блестящий свет; а известно, что последний нельзя об-

мануть, не обольстивши сначала. Но если у них нет сметливости, которая в некоторых отношениях дает преимущество туземцам, то зато у них более способностей: под грубой оболочкой, под тяжелой внешностью они скрывают столько коварства и хитрости, что при каком-нибудь большом предприятии умеют устранить все препятствия и снискать доверие рассудительных лиц. Стоит заглянуть в уголовные архивы, чтобы убедиться, что все большие кражи, все кражи, смелые и обдуманные, — суть дело провинциальных воров. Они не отличаются слабостью, напротив, смелы, настойчивы и рассудительны: хорошо задумывают и хорошо выполняют.

Воры — столичные уроженцы — редко бывают убийцами: они имеют отвращение к крови, и если проливают ее, то всегда с сожалением, будучи вынуждены к тому непредвиденными обстоятельствами. Если у них и случается оружие, то они употребляют его, только чтобы спастись, в случае поимки на место преступления. Ужасные преступления, совершаемые иногда в Париже, почти всегда суть дело рук заезжих преступников. Замечательно, что к убийству прибегают обыкновенно новички на этом поприще; это положительная правда, что бы ни говорили непрактичные моралисты, повторяющие с поэтом: «Подобно добродетели, преступление имеет степени».

Приступая к дурному делу, опытные преступники взвешивают его последствия по отношению к себе; они рискуют, когда им нужно, рисковать; но если ставят на карту все, то действуют с большом осмотрительностью. Закон, изучаемый ими постоянно, гласит: до сих пор вы можете идти, дальше этого не пойдете; и многие отступают перед тюремным заключением, перед вечной каторжной работой и перед смертью. Я не без намерения ставлю в этом исчислении смерть на последнем плане: это малейший из ужасов, как я докажу читателю, и пусть он судит, насколько правильно распределены наказания в наших законах.

Провинциальные же воры, вообще менее образованные, чем парижские, не имеют никакого отвращения от убийства; они не ограничиваются защитой, а сами нападают и часто в своих предприятиях отличаются не только смелостью, но и жестокостью и крайней бесчеловечностью; в подтверждение итого может служить множество фактов в летописях юридических.

Народная мудрость давно изрекла истину, что волки не пожирают друг друга. В подтверждение этой пословицы воры относятся друг к другу с братским дружелюбием, смотрят на всех воров как на членов одной большой семьи, и хотя провинциальные и парижские воры мало расположены помогать друг другу, но все-таки антипатия и предубеждения никогда не доходят до того, чтобы прямо вредить товарищу по ремеслу. Всегда есть своего рода условие, соблюдаемое в некоторых из этих обществ: зверь чувствует зверя своей породы, собрат любит собрата; так и воры имеют свои особенные знаки, особенный язык. Владеть этим языком, быть посвященным в эти знаки, хотя и не принадлежать к их ремеслу, есть уже право на их благосклонность, доказательство или, по крайней мере, вероятность того, что знаешься с друзьями. Но эти познания, иногда более драгоценные, нежели познания франкмасонства, не суть непреложные гарантии безопасности. Хотя бы кто знал воровской язык в совершенстве, советую не полагаться на это. Вот, например, маленький случай, который, надеюсь, покажет, что я не ошибаюсь. Прошу извинения у читателя за новое отступление от предмета; но это не длинно.

Бальи, старый привратник тюрьмы в Сен-Пелажи, променял эту должность на должность сторожа при доме призрения нищих в Сен-Дени. Старик любил порядком выпить; да и какой тюремщик не выпьет с удовольствием, особенно когда его приглашают и когда самому платить не приходится? Проживши двадцать пять лет в тюрьмах, дедушка Бальи

видал много воров; он знал почти всех, и они его почитали, потому что он был малый добрый и не очень их огорчал. Тем, у кого был не пустой кошелек, он усердно прислуживал.

Раз он пришел в Париж взять свой маленький капиталец, скопленный экономией: это было subsidia senectitis, запас муравья, всего лишь на утреннюю рюмку водки и на дневной табак. Срок подошел, деньги выдали, двести франков. Ходя туда и сюда, он пропустил малую толику, так что при возвращении домой был несколько навеселе; это нисколько не худо; напротив, еще придает скорости ногам.

Так шел он в хорошем расположении духа, довольный тем, что все покончил в свое удовольствие, как вдруг у ворот Сен-Дени встречаются ему двое из его прежних пансионеров и, ударяя его по плечу, говорят:

— А, здравствуй, дедушка Бальи!

Бальи (оборачиваясь). Здравствуйте, братцы.

— Хочешь распить бутылочку стоя, на скорую руку?

— На скорую руку, пожалуй, а то мне некогда.

Вошли в гостиницу «Два Шара».

— Бутылку на троих, за восемь, скорей и хорошего.

— Ну, что, дети мои, что поделываете? Хорошо идет? Должно быть, хорошо, потому что вы, кажись, с форсом (вы в довольстве).

— Что до этого, нам не на что пожаловаться; с тех пор как мы не на запоре (на свободе), дела идут хорошо.

— Я очень рад и люблю вас видеть довольными; но смотрите, не попадите в улицу Ключа, это плохая гостиница (он допил свой стакан и протянул руку на прощанье).

— Как? Уже? Мы не так часто видимся; так как вы с нами, то надо повторить. Ну, еще бутылочку.

— Нет, нет, это в другой раз; я спешу, и притом на своих на двоих. Я уж столько исходил с утра, да еще остается отмахать, добрый конец до Сен-Дени.

— Минутой раньше или позже, — сказал один из товарищей, — это вас не задержит. Мы сядем в зале, не правда ли, дедушка Бальи?

— Вам невозможно отказать. Что делать, я уступаю, но только чтобы подавали скорее, одну бутылку, не более, и я ухожу. Покарай меня, Господи, да разразится тогда гром и молнии! Мы видите, я поклялся.

Распивают другую бутылку, затем третью, четвертую, пятую, шестую, а Бальи все не замечает, что он клятвопреступник. Теперь он пьян, совершенно пьян.

— Нечего и толковать, — твердит он беспрестанно. — Я должен идти, уже ночь; это бы еще ничто, но у меня в пакете двести франков. Что если меня обработают (ограбят) дорогой?

— Чего вы боитесь? Ни один сыч не захочет состроить над вами какую-нибудь глупость. Ваша храбрость слишком известна. Дедушка Бальи, да он везде может смело идти.

— Я знаю, что вы правы; старым друзьям я еще могу дать себя знать, но вновь отпущенным на волю (тем, которые в первый раз пускаются на это ремесло) напрасно я буду делать таинственный знак[5].

— Опасности никакой нет. За ваше здоровье, дедушка Бальи!

— И за ваше. Конечно, мне не скучно, но на этот раз я иду. Без всякого разговора. Прощайте, будьте здоровы.

— Коли хотите, мы вас не задерживаем.

Они помогают ему положить на плечо палку, на конце которой привешен пакет с деньгами, и тотчас же старик со своей ношей пускается в путь.

И вот он на дороге, подпрыгивающий, спотыкающийся, перекачивающийся, галопирующий, но все-таки подвигаю-

---

[5] Знак, соответствующий масонскому, обозначаемому словом «grippe» и состоящему в том, что по лицу проводят большим пальцем отвесную линию, спуская ее со стороны носа к губам; это движение сопровождается плеваньем.

щийся с помощью всевозможных зигзагов. Пока он таким образом выделывал S и Z и все кривые буквы азбуки, два его бывшие пансионера совещались, что им предпринять.

— Кабы ты был со мной заодно, — говорил один, — мы бы взяли у этой старой крысы его двести франков.

— Ты прав, ей-Богу, его деньги не хуже других.

— Конечно! Пойдем-ка за ним.

— Пойдем.

Несмотря на свое ковылянье, Бальи был уже за заставой, но они скоро его нагнали.

В борьбе с винными парами он все-таки настойчиво стремился к цели. Старик сильно раскачивался, отступал назад, в сторону, так что, видя его в таком положении, все извозчики из сострадания пытались ему предлагать место: «Пошел ты своей дорогой, болван! — отвечал вежливый привратник. — У деда Бальи хорошие ноги и хороший глаз».

Лучше бы ему было не гордиться так, потому что при вступлении и долину «Добродетели» он очутился и большом затруднении, попавши в руки к двум ворам. Схватить его за горло и отнять пакет — было делом одной минуты; напрасно он выбивался из сил, крича спасительный лозунг: «Постный! Постный!» и называя себя по имени — ни знаки, ни слова, ни имя не помогают.

— Нет ни постного, ни скоромного, — возражают разбойники не своим голосом. — Оставь-ка, брат, связку-то (пакет), — и с этими словами они исчезают.

«Он тяжел, — шепчет бедняк, — с ним они не дойдут в рай». Эта пророческая угроза могла бы исполниться; но мозг старика был омрачен антимнемоническими парами, а на нашем полушарии царил густой сумрак поздней ночи. Простимся с дедушкой Бальи и поведем продолжение нашей истории. Прошу внимания читателя.

Невозможно бы было подразделить воров, если бы они сами не подразделялись. Первым делом известный субъект

следует просто своей наклонности к воровству и таскает как-нибудь что попадется под руку. В принципе, как гласит пословица: «Случай образует вора»; но настоящий вор должен, напротив, сам создавать себе случаи и только в тюрьмах приобретает он то, чего ему недостает для подобного совершенства. Подвергшись раз или два наказанию, потому что нет никого начинающего, кто бы не перешел через известного рода школу, он узнает свою способность и на основании этого решается избрать себе род воровства, который уже не покидает, за исключением, если что-нибудь к тому вынудит.

Первостатейные воры по преимуществу евреи и цыгане; поощряемые родителями, они начинают практиковаться почти с колыбели; едва только станут на ноги, они уже изощряются в делах порока. Это маленькие спартанцы, которым с утра до вечера твердят о том, чтобы все прибирать к рукам не зевая. Призвание их отмечено заранее; они последуют псом погрешностям своего племени, а в руководителях и уроках недостатка не будет; но воры бывают разных родов, и, чтобы не оставаться в неведении насчет своих исключительных способностей, они пробуют себя во всех родах, и как только убедятся, в каком воровстве действуют с большим превосходством, на том и останавливаются; это уже дело решенное; избравши специальность, они из нее не выходят.

У воров, относительно одного рода к другому, существует пренебрежение и спесь; мошенник высшего разряда презирает мелкого жулика; жулик же, ограничивающийся ловким вытаскиванием часов и кошелька, обидится, если ему предложат обокрасть квартиру; а прибегающий к поддельным ключам для того, чтобы забраться в чужой дом, считает бесчестным ремесло разбойника по дорогам. Даже на ступени преступления, выше или ниже, повышаясь или понижаясь, человек заражен гордостью и презрением; везде, далее при самых низких условиях жизни, чтобы человеческое я не страдало от зависти и унижения, ему необходимо быть уверенным, что

оно выше того, что перед ним или за ним. Чтобы иметь возможность еще более гордиться, он представляет себе только самую низшую частичку внешнего мира, ту, которая не заставляет его стыдиться: он по ворот в грязи, но задерет голову перед лужей; если кого найдет ниже себя, то думает, что он уже парит и владычествует; это радует его.

Вот почему все негодяи, не переступившие ту среднюю черту развращенности, за которой честность существует только как воспоминание, гордятся, что преступны менее других; поэтому-то, переступившие эту черту, напротив, щеголяют друг перед другом большей степенью злодейства; вот почему, наконец, в каждом роде, даже там, где сколько-нибудь взвешивают степень бесчестия, нет плута, который бы не стремился быть первым в своем роде, т. е. самым ловким, самым счастливым, — иначе говоря, мошенником высшей категории.

Я здесь говорю о ворах по профессии, составляющей правильное казачество нашей цивилизации. Что касается до мужика, который крадет сноп, до ремесленника, делающего фальшивые деньги, до нотариуса, соглашающегося на фальшивую продажу или пишущего завещание под диктовку мертвого, то это неправильное казачество, отдельные случаи, которые не могут войти в классификацию. То же самое надо сказать о преступниках особого рода преступлений, порождаемых страстями, ненавистью, гневом, ревностью, любовью, скупостью и т. п. Описывая эту категорию, я должен заняться одними только убийцами по профессии; но прежде обращусь к родам преступников с более кроткими правами. Сеанс начался, перед нами — комнатные воры (cambrioleurs).

Глава сорок пятая

Наружные признаки комнатного вора: возраст, одежда, привычки. — Манера их приступать к делу и предохранительные предосторожности. — Особенная общая черта. — Вкус, манеры и обращение в обществе. — Любопытство жильцов. — Искатели акушерок. — Трофеи любви. — Новые лица. — Бойтесь воскресенья. — Платите вашим сторожам. — Небольшой список людей, которых нужно остерегаться. — Провожатые. — Средство сделать дворников исполнительнее в своих обязанностях. — Три разряда комнатных воров: бродячие, форточники и выжидатели. — Коварное соседство

Камбриолеры — суть комнатные воры посредством взлома или поддельных ключей. В городе, вне их обычных занятий, их нетрудно узнать; это по большей части молодые люди, из которых старшим — не более тридцати лет: от восемнадцати до тридцати лет — вот возраст комнатного вора. Почти всегда они довольно чисто одеты; но каков бы ни был их костюм — куртка, сюртук или фрак, они всегда имеют вульгарный вид и никогда их нельзя причислить к хорошей семье. Обыкновенно у них грязные руки, а постоянная жвачка во рту обезображивает их лицо самым странным образом. Редко бывает с ними палка, еще реже надевают они перчатки, хотя это иногда и случается.

Комнатные воры не осмеливаются обирать дом, не познакомившись с привычками его обитателей: им необходимо знать, когда они отлучаются и есть ли у них что взять. Дома без дворников особенно удобны для их предприятий. Замысливши дело, они отправляются втроем и вчетвером и входят или влезают поодиночке, а не вместе. Один из них стучит в дверь, чтобы убедиться, что никого нет. Если не отвечают, то это добрый знак и можно приступить к делу, а затем, чтобы не застигла врасплох какая нечаянность, пока ломают или

отпирают замки, один из участников становится на страже в верхнем этаже, а другой — в нижнем.

Пока отворяют, может случиться, что пройдет другой жилец и полюбопытствует узнать, что делают на лестнице незнакомые люди. Тогда ему обыкновенно говорят, что ищут отхожее место, или спросят какое-либо имя наудачу; часто являются под предлогом отыскивающих прачку, сиделку, башмачника или недавно поселившуюся акушерку. Надо заметить, что в таких случаях спрашиваемый вор почти шепчет, а не говорит; избегает взглянуть вам в лицо и, поспешно давая дорогу, старается оставить как можно больше места и прислоняется к стене спиною ко входу.

Довольно странная особенность та, что если один из комнатных воров, пользующийся известностью, вздумал носить известного фасона галстук и жилет, то его собратья непременно берут с него в этом пример; яркие цвета: красный, желтый и т. п. особенно предпочитаются ими. В 1814 году я поймал шайку из двадцати двух воров и двадцать из них имели жилеты одного и того же фасона и одной и той же материи, точно скроены по одной выкройке и из одного куска материи.

Вообще воры — все равно, что проститутки: у них всегда есть что-нибудь, что обнаруживает их профессию; они очень любят пестроту и, как бы ни старались скопировать человека хорошего тона, имеют вид не более приличный, как принарядившегося по-праздничному ремесленника. У большей части уши проткнуты; почти непременные украшения их туалета составляют маленькие колечки и волосяные цепочки в золотой оправе; цепочка всегда находится на видном месте на жилете; это всегда любовный трофей, которым они гордятся. Им очень нравится косматая шапка, одна часть шерсти которой приподнята, а другая гладкая. Я говорю здесь только о ворах, верно придерживающихся преданий своего ремесла; что же касается до тех, которые от них отступают, то их можно

узнать по особенной принужденности манер, не замечающейся у честных людей: это не замешательство застенчивости, а неловкость вследствие опасения выдать себя; заметно, что они сами настороже и не любят, чтобы над ними делали наблюдения. Заговорят они — в и речи слышится поспешность, сбивчивость, изысканность выражений, часто смешная, как по избытку бессвязности в речи, так и по неуместным словам, значение которых им неизвестно; они не разговаривают, а болтают, беспрестанно меняя предмет разговора, беспрестанно прерывая речь и пользуясь всеми случаями для отвода внимания слушателя.

Иные отправляются на добычу в сопровождении женщин с корзинами для белья, куда кладут краденые вещи; поэтому присутствие женщины с подобной ношей на лестнице или в коридоре не следует оставлять без внимания, особенно если видят ее в первый раз. Частый приход и выход личностей, которых обыкновенно не замечали в доме, почти всегда предвещает дурные намерения.

Самые благоприятные дни для комнатных воров суть — светлые летние воскресенья, когда трудящийся люд отправляется за город подышать воздухом. Разрушить их козни можно всегда, как только кто пожелает: лица, живущие в домах без дворника, не должны уходить, никого не оставивши дома; жильцы должны оставить свою отчужденность друг от друга, столь благоприятную для недоброжелательных целей, должны соблюдать общие интересы, и сосед должен надзирать за соседней квартирой; на всякое неизвестное лицо надо смотреть как на подозрительное, немедленно выспрашивать о цели посещения и, если оно выкажет малейшее замешательство, держать до тех пор, пока удостоверятся, что нигде ничего не пропало; каждый жилец, возымевший подозрение насчет незнакомой личности, должен тотчас же предупредить о том всех других жильцов, чтобы они поостереглись; тот, у кого позвонились или постучались, спрашивая какое-

нибудь имя, не должен ограничиваться тем, чтобы с досадой запереть дверь, а должен следить глазами за пришедшим и не терять его из вида, пока он не выйдет; вошедший без стука или звонка или не дождавшись, чтобы ему отворили, должен всегда быть принят за вора и беспощадно вытолкнут; при этом весьма кстати употребление палки.

Чтобы отвадить комнатных воров, надо ключ класть всегда в верное место, не оставлять на двери ни внутри, ни снаружи; при выходе нигде его не вешать, не вручать никому ни под каким предлогом. Если вы отлучаетесь на несколько времени, выберите место, где бы положить все самое дорогое, место на виду и более такое, где не подумали бы искать. Я желал бы наставить читателя, но боюсь вместе с тем просветить воров. Во всяком случае, благоразумнее менять место, куда прячем вещи. Взявши указанные предосторожности, самое лучшее оставить все ключи на виду. Если придут воры, вы их таким образом избавите от труда взлома, а себя — от значительных издержек; если в ваших столах и шкафах есть секретные запоры, отоприте их, а то все равно страшным воровским отмычкам и клещам не воспротивится никакой запор. Отворите, отоприте, но только припрячьте — вот главное искусство не быть обворованным.

Дома, имеющие дворников, совершенно были бы ограждены от подобного воровства, если бы последние заняты были более своими обязанностями, а не сплетнями о своих господах. Но дворники — народ ужасный: они обладают громадной дозой бесполезного и даже вредного любопытства; всегда готовы протрубить какую угодно клевету, любят делать смелые заключения и догадки; сплетники и болтуны, они только и заняты ложными или правдивыми пересудами, лишь бы удовлетворить своей страсти чернить других. Поэтому имеющий намерение отстранить их дозор весьма легко сумеет отвлечь их внимание или даже совсем удалить. Я долго

размышлял о средстве сделать дворников исполнительнее в своей должности и, кажется, нашел его: во-первых, назначить им большее жалованье и затем брать налог, который бы мог, до некоторой степени, обеспечивать кражи, совершаемые во вверенных им домах, за исключением нападения приступом и т. п.

Комнатных воров существует три весьма отличительные категории: первая воры бродячие, ворующие наудачу, т. е. входящие в дом случайно, не обдумывая об этом предварительно. Эти импровизаторы идут из двери в дверь, не будучи ни в чем уверены; где что есть, они стащат, где нет ничего — проходят мимо. Ремесло их весьма шаткое и невыгодное, большая часть времени пропадает, игра не стоит свеч. Они живут на счет любителей воскресных развлечений, всевозможных празднеств и удовольствий. И пока, желая отдохнуть от недельной работы, честный ремесленник, окруженный своей семьей, наслаждается сражением на воде, или раздачей съестного, или чудными пьесами: «Каторжный», «Фальшивый ключ», «Сорока-воровка», пока искусственные воры возбуждают его восторг, воры настоящие обделывают у него свои маленькие делишки, и дома ожидает его настоящий букет удовольствия.

Вторая категория называется форточниками. Эти не пускаются на риск, а заводят сношения с лакеями, прислугой, полотерами, трубочистами, стекольщиками, с малярами, наклейщиками обоев, мебельщиками; и, таким образом отлично познакомившись с местом, они прямо идут к цели. Запасшись самыми точными сведениями и самыми верными указаниями, они никогда не ошибаются. Большей частью они действуют с помощью поддельных ключей, сделанных ими по оттискам, снятым соучастниками.

Третья категория носит название выжидателей, потому что они, так сказать, выжидают дела; задолго имея его в виду,

они терпеливо ждут благоприятного случая для выполнения; все обсуждают основательно и не срывают плода, пока он не созрел; на всякое дело, задуманное самими или переданное кем другим, они идут наверняка, а не очертя голову. Вознамерившись, например, ограбить капиталиста, они уже знают, когда он получает свой доход; если это торговец, то выбирают конец месяца или первые дни после нового года, когда касса его наиболее полна. О состоянии каждого они имеют положительные данные.

Воры этого разряда большею частью зрелого возраста; костюм их, не будучи особенно изящным, всегда богат. Они весьма вкрадчиво и ловко умеют приобрести доступ в дом, где намерены поживиться; где много жильцов, там они стараются познакомиться с башмачником, прачкой или кем другим и ходят к ним вести беседу. Ремесленник обыкновенно ничего и не подозревает и думает, что единственная причина частых посещений есть желание его видеть.

Иные, задумавши произнести воровство в доме, нанимают там квартиру; тогда они действуют не спеша, и если даже представляется случаи, ничего не предпринимают, пока не приобретут у соседа необходимого уважения, чтобы отвратить всякие подозрения. Они чрезвычайно обязательны и учтивы, ничего не берут в кредит, платят в срок до копейки. Если случится шум, то никогда не у них, они приходят и ложатся рано, поведение их самое правильное; при надобности и даже почти всегда они стараются выказать свою набожность; мать и дети, если они есть, ходят в церковь. Во всех странах благочестие служит маской, а в Париже более, чем где-либо: за ним скрываются дурные намерения.

Проходит несколько месяцев, репутация прочно утвердилась, и злоумышленник имел полную возможность принять все необходимые меры. И вот в один прекрасный день оказывается, что один из жильцов, а иногда и сам хозяин, обокраден самым ловким образом. Происходит переполох, всякий

дивится, негодует, рассуждает, что вор непременно должен был знать хозяев, и настоящий вор сам первый это заявляет. Так как он позаботился удалить ворованные вещи и уверен, что их не найдут, то советует и настаивает произвести всеобщий обыск. При следующем сроке платежа за квартиру он съезжает, и все об нем жалеют. Такой славный человек был!

Глава сорок шестая

Цель стремления. — Две знаменитости. — «Отдается квартира». — Опасно быть болтливым. — Юридическая ошибка. — Г-н Делаво и г-н Беллейм, или Гений зла и гений добра. — Ужасные последствия. — Одно стоит другого. — Существует середина

Судя по многочисленности преступлений, которых невозможно открыть, невольно думается, что число таких жильцов, как описано в предыдущей главе, должно быть значительно и что весьма трудно их уличить. Но необличенный сегодня может быть обличен завтра, и рано или поздно безнаказанность кончается. Я мог бы принести тысячу фактов в доказательство этого, но ограничусь следующим.

Г-н Тардив, нотариус на углу улицы Старых Драпри, давно был предметом замыслов целой шайки воров, в числе которых были Бодри и Робе, знаменитые комнатные воры. Последние, проходя раз утром мимо квартиры нотариуса, увидали записочку и прочли: «Отдается комната». Но им необходимо обновить ее. Кому поручить эту необходимую поправку? Молодой маляр отделывал квартиру нотариуса; за ним и отправились, и пока он наклеивал обои или красил окна, с ним старались беседовать. К несчастью, у него память относительно места самая замечательная: он в совершенстве помнил расположение всей мебели у нотариуса, назначение каждого уголка, заметил помещение и употребление каждой вещи. Не мудрствуя лукаво, он охотно сообщил все свои сведения. Через шесть недель г-н Тардив был обворован. Кто виновные? Никто не ведал, едва осмеливались делать предположения. Но свои же собратья, как и водится, выдали: один из них, получивши свою долю, продал соучастников — все были забраны и осуждены. Они заслужили свою участь, и приговор, произнесенный против них, был бы вполне справедлив, если бы он не осудил также молодого маляра, вся вина которого заключалась в неразумной болтливости. Его

приговорили на четырнадцать лет заключения в оковах, и он высидел их в Брестском остроге.

Освобожденный затем, господин этот, которого я не хочу назвать, хотя его следует признать невинным, живет теперь в Париже. Содержатель большого заведения, превосходный гражданин, муж и отец, он теперь счастлив, а между тем несправедливость, жертвой которой он сделался, могла бы быть продолжена надзором, противным тому уложению, по которому он был осужден. Я тоже получил приказ соблюдать над ним надзор, но я не доходил до такого злоупотребления власти, как это было при моем последователе. Такой произвол приличен был только г-ну Делаво, которому так приятно было преувеличивать строгость законов…

При г-не Беллейме, вступление которого в префектуру было столь благотворно, подобному закону следовало быть отмененным, и он был отменен. Я готов повторять при всяком удобном случае, что полицейский надзор — одна из самых прискорбных жестокостей, потому что он ложится вечным пятном бесчестия. Положим, что освобожденный, о котором идет речь, не был бы от него избавлен, какой бы результат получился от этого? Во-первых, он обязательно должен бы был от времени до времени являться в мою канцелярию, затем раз в месяц — к частному приставу, который ему сосед. Те, кто не думал бы, что он бывший каторжник, принимали бы его за полицейского шпиона; одна репутация стоит другой. Обесчещенный, презираемый, оставленный всеми, он принужден бы был или умирать с голоду, или избрать для своего существования преступную дорогу. Таковы для осужденного, виновного или невинного, последствия полицейского надзора; они неизбежны; впрочем, я ошибся: между голодом и эшафотом есть еще середина… Это самоубийство.

Глава сорок седьмая

Я приезжаю из Бреста. — Добрая женщина. — Жалость — не есть любовь. — Незавидное ложе и такое же угощение. — Арлекин и аппетитное рагу. — Ужины в улице Гренет. — Меня приглашают обобрать ростовщика. — Аннетта появляется на горизонте. — Страшная неудача. — Я болен. — Воровство для лекарства. — Генриетта расплачивается за неудачу. — Я опять ее встречаю. — Беглый. — Ловкий обман. — Бомон обворовывает Центральное хранилище сокровищ Парижа. — Он обокрал полицию! — Несправедливые подозрения. — Арест и предательство. — Замечательные изречения. — Веря мошенничества. — Повесься, смелый Грильен! — Отправляйся в Англию — там тебя повесят

Любовница одного вора по имени Шарпантье, но более известного под двумя прозвищами — Винное пятно и Трюмо, была захвачена с ним вместе как обвиненная в воровстве с поддельными ключами. Хотя возлюбленный ее и приговорен был к каторжным работам, но она, по недостатку улик, была освобождена. Генриетта, так ее звали, была дружна с Розалией Дюбюст; не успела она выйти из неволи, как уже согласилась с ней вместе на комнатное воровство. Несколько заявлений в полицию не замедлили обратить наше внимание на двух подруг. Генриетта жила в улице Гранд-Урлер, я получил приказание надзирать за нею и для большего удобства старался сначала завести с ней знакомство. С этой целью, раз, встретив ее и остановив на дороге, я прямо заговорил:

— Отлично, вот вы и сами, как нельзя удачнее; я только что шел к вам!

— Да я вас не знаю.

— А не помните, как я вас видел с Шарпантье на «Острове Любви»?

— Может быть.

— Ну так я приехал из Бреста. Шарпантье вам кланяется; он очень бы желал к нам присоединиться, но бедняк числится подозрительным и теперь труднее, чем когда-либо, убежать.

— А! Так теперь я вас хорошо припоминаю; я отлично помню, что мы также были вместе в Капелле у Дюшен, где пировали с друзьями.

После того я спросил у Генриетты, есть ли у нее что в виду; она обещала золотые горы и в доказательство, насколько желает быть мне полезной, просила настоятельно поселиться у нее. Предложение это было сделано так радушно, что мне оставалось только принять его.

Она жила в маленькой комнатке, вся меблировка которой состояла из единственного стула и кровати на тесьмах с матрасом, не обещавшим покойного ложа. Приведя меня туда, она сказала: «Сядьте здесь, я ненадолго отлучусь. Если кто постучит, не отворяйте». Она действительно не замедлила явиться с бутылкой в одной руке, свиной кожей и фунтом хлеба в другой. То было скудное угощение, но я сделал вид, что ем с аппетитом. По окончании трапезы она сказала, что идет к отцу своего любезного, и предложила мне выспаться до ее прихода. Так как спать было самое время, то пришлось возлечь на этот одр, который был до того жесток, что показался мне мешком с гвоздями.

Через два часа пришел старик Шарпантье; он расцеловал меня, плакал и расспрашивал о сыне. «Когда я с ним увижусь?» — восклицал он со слезами. Но рано или поздно надо же перестать; он настолько успокоился, что предложил мне идти ужинать к заставе Виллет, в гостиницу «Дикарь». «Я пойду принесу денег, и мы отправимся».

Но не всегда есть под руками деньги, которые намерены взять. Шарпантье, очевидно, ошибся насчет своего капитала и явился только к вечеру с ничтожными 3 франками 50 сантимами и с арлекином[6], купленным на рынке Св. Иоанна.

[6] Арлекином называют маленькие кусочки мясной смеси, которые продают на рынке для кошек, собак и бедных. Это остатки с тарелок в гостиницах и богатых домах.

Этот отвратительный винегрет был завернут в табачном платке, который он положил на кровать, говоря Генриетте: «Вот на, дочка; воды сегодня убыло, мы не пойдем к заставе; но ступай, принеси нам два литра в шестнадцать, хлеб, масла на два су и на два су уксуса, чтобы сделать рагу (и он с наслаждением посматривал на своего арлекина), тут есть отличные куски говядины; ну ступай, моя милая, и скорее приходи». Генриетта отличалась проворством и не заставила себя ждать. Винегрет скоро был сготовлен, и я делал вид, что облизываю пальчики. По возвращении оттуда, не должны быть очень разборчивы, и поэтому за ужином Шарпантье приговаривал: «Ну, друзья, кабы это было там, то всегда были бы праздники».

Между мошенниками в четверть часа устанавливается дружба; мы еще не дошли до второго литра, как были с Шарпантье и Генриеттой так, как если бы неразлучно жили лет десять. Шарпантье был негодяй на все руки, если бы он только был еще в состоянии действовать. Мы условились, что он познакомит меня с друзьями, и на другой же день он привел мне некоего Мартино, прозванного Куриным желудком. Этот тотчас же приступил к делу и предложил мне маленькое упражнение, которое бы несколько подняло меня в глазах других.

— Ну, — сказал я, — из-за таких пустяков я не стану подвергаться опасности; надо, чтобы дело того стоило.

— В таком случае, — продолжал Мартино, — я могу тебе достать и это, только надо подождать несколько дней, пока сделаем ключи. Будь уверен, что мы тебя примем в свою компанию.

Я поблагодарил его, и он свел меня с тремя другими ворами, тоже сообщниками. Я довольно хорошо играл свою роль и, страшась встречи, которая могла бы разрушить мои планы, никогда не выходил со своими новыми знакомыми. Большую часть дня я проводил с Генриеттой, а вечером мы

ходили вместе в улицу Гренет, к виноторговцу, где тратили тридцать су, зарабатываемые ею на перчатках.

Аннетта могла мне помочь в затеянной интриге. Решившись при надобности дать ей роль, я ее тайком предупредил о том, и вечером, придя в кабак, мы застали женщину, одиноко собиравшуюся поужинать. То была Аннетта; я смотрю на нее с видом любопытства, она тоже; спрашиваю у Генриетты, не знает ли она эту женщину, так внимательно на нас поглядывающую?

— Не думаю, — ответила она.

— Стало быть, ее любопытство касается меня. Я как будто ее где-то видел, но не могу вспомнить где.

Для объяснения я обращаюсь к незнакомке:

— Извините, сударыня, я как будто имею удовольствие вас знать?

— Ей-Богу, милостивый государь, я тоже только что припомнила… Вот, думаю себе, лицо, которое я где-то видела. Живали вы в Руане?

— Господи, — вскричал я, — это вы, Жозефина! А ваш муж? Этот славный Роман?

— Увы, — сказала она рыдая, — он болен в Капелле (заключен в Каене).

— Давно?

— Три марки (три месяца); я боюсь, что он не встанет скоро; у него горячка (он сильно скомпрометирован), а вы? По-видимому, вы выздоровели? (на свободе?)

— Да, — выздоровел, — но кто знает, не свалюсь ли опять скоро?

— Будем надеяться, что нет.

Генриетта в восторге от новой знакомой и желает с ней вступить в дружбу. Наконец мы так понравились друг другу, что намерены сойтись, как пальцы на руке: это будут три головы в одном чепце или три тела в одной рубашке. Мнимая Жозефина растрогала Генриетту своей историей и сказала,

что живет в меблированных комнатах в улице Герен-Буассо. Когда мы обменялись адресами, она вдруг обратилась ко мне: «Послушайте, помните, вы как-то ссудили мужу двадцать франков? Позвольте вам их возвратить». Я отнекивался брать долг, однако уступил. Генриетта, еще более растроганная этим поступком, вступила с Жозефиной в пространный разговор, предметом которого был я. «Вот такой, каким вы его видите, — говорила, указывая на меня, бывшая супруга Шарпантье, — я его не променяю ни на кого другого, будь он вдесятеро красивее. Это мой бедный птенчик. И вот мы десять лет вместе; поверите ли, между нами никогда худого слова не было».

Аннетта отлично подлаживалась под эту комедию. Каждый вечер она аккуратно являлась, и мы ужинали вместе. Наконец наступило время совершения кражи, в которой я должен был участвовать. Все приспособлено, Мартино и его друзья были готовы. Положено было ограбить закладчика, бравшего огромные проценты. Мне указали его жилище в улице Монторгейль, и я знал, в котором часу туда заберутся. Наставив Аннетту, как известить полицию, я сам, чтобы ничего без меня не делалось, не отходил от своих новых друзей.

Отправляемся в экспедицию. Мартино входит, отпирает дверь и возвращается. «Остается только войти», — говорит он, и пока мы с ним сторожим, товарищи его отправляются на поживу к ростовщику. Но полицейские близко следят за ними, я их вижу и, улучивши минуту, отвлекаю внимание Мартино, который поворачивает голову в другую сторону. Три вора, застигнутые на месте преступления, закричали, и мы пустились бежать. Так как Мартино унес с собой ключи, то они избегли кандалов, представляя по обыкновению в извинение то, что дверь была отперта. Стало быть, надо было не только задержать Мартино с ключами, но и доказать его сообщество с пойманными ворами. В этом Аннетта оказала мне большую услугу.

Мартино был взят со всеми необходимыми уликами; а Генриетта, все еще ничего не подозревавшая, решила только, что я был очень счастлив, и это давало новое право на ее любовь. Когда чувство ее достигло наибольшей силы, я, для испытания, притворился больным. Мое здоровье могло быть восстановлено только с помощью лекарств, стоивших слишком дорого для наших финансовых средств. Она, желая мне их непременно доставить, задумала с этой целью маленькую кражу и сказала мне о том. Розалия Дюбюст была соучастницей. Кража состоялась; но я обнаружил их умысел, и они были наказаны как пойманные на месте преступлении: обе были приговорены на десять лет в каторжные работы. По истечении срока Генриетта была под моим надзором, она имела право упрекать меня, но никогда этого не делала.

Генриетта, Розалия и Мартино были плохенькие комнатные воры, но были в этом роде люди, обладавшие наглостью, превосходившею всякое вероятие; подвиги некоего Бомона доходили до сверхъестественного. Бежавши из Рошфордского острога, где должен был высидеть двенадцать лет, он появился в Париже; чтобы набить руку, он сделал несколько ничтожных краж и, подготовившись таким образом к подвигам, более достойным своей прежней славы, замыслил обокрасть казну, и что именно, как бы вы думали?.. Центральное хранилище драгоценностей, и настоящее время — полицейскую префектуру!..

Довольно трудно было запастись оттиском ключей; он преодолел эту первую трудность и скоро имел в руках все запоры; но этого слишком мало: надо было отпереть незамеченным, войти туда, когда никто не мог помешать, и выйти благополучно. Бомон взвесил все трудности препятствий и не устрашился. Он заметил, что около того места, откуда намеревался забраться, находится кабинет начальника охранной полиции, г-на Анри. Пришлось ожидать благоприятного

случая, когда этот опасный сосед удалится; случай не замедлил представиться.

Однажды утром г-ну Анри необходимо было выехать; Бомон, зная, что он не вернется весь день, оделся в черный фрак и таким образом, имея вид судьи или вообще должностного человека, явился к охранному посту Центрального бюро. Начальник, к которому он обратился, принял его, по меньшей мере, за комиссара и по его требованию дал ему солдата; последний был поставлен на караул у входа в сокровищницу с приказом никого не впускать. Лучшего средства невозможно было выдумать для ограждения себя от неожиданности. И вот Бомон, посреди всевозможных сокровищ, мог с полнейшей безопасностью выбирать все, что ему было угодно: часы, бриллианты и всевозможные драгоценные камни. Он взял все, что можно было нести, отправил солдата и исчез.

Воровство не могло долго не быть замеченным и открылось на другой же день. Никакой гром не поразил бы так полицию, как это известие: как, проникнуть в самое святилище! Это было так необычайно, что не хотели верить. Но воровству тем не менее несомненно; кому его приписать? Подозревали чиновников, то того, то другого, пока какой-то приятель не выдал Бомона, который был осужден во второй раз. Кража была на несколько сот тысяч франков; большую часть вещей нашли у него. «Тут столько, что можно было сделаться честным человеком, — сказал он, — и я сделался бы честным. Это так легко богатому! А между тем сколько богатых, которые хуже мошенников!» То были его единственные слова, когда его арестовали. Этот удивительный вор был отвезен в Брест и вследствие нескольких побегов, послуживших только к тому, что его еще крепче содержали, умер от страшного истощения.

Бомон пользовался у воров колоссальной репутацией, и еще теперь, если какой-нибудь хвастун вздумает выставлять

свой подвиги, ему замечают: «Молчи ты, ты не достоин развязать ремень у сапог Бомона». В самом деле, обокрасть полицию — не верх ли это искусства? Подобного рода воровство не есть ли образец совершенства, и возможно ли, чтобы его виновник не был героем в глазах ему подобных? Кто осмелится сравниться с ним? Бомон обокрал полицию! Повесься, отважный Грильен, повесьтесь, Куаньяр, Пертрюизер, Колле, вы перед ним не более как пигмеи! Что такое украсть документы, завладеть сокровищами Рейнской армии или кассой миссии? Бомон обокрал самую полицию; повесьтесь или ступайте в Англию — там вас повесят.

Глава сорок восьмая

Градоначальник, или Г-н Протей. — Ложный откупщик. — Прекрасный жилец. — Сохранившаяся вдовушка. — Прогулка. — Любовник природы. — Счастливая страна! — Лекарство против всех болезней (универсальная панацея). — Чудодейственный напиток против равнодушия в любви, или Источник молодости и девственности. — Способ употребления. — Чудесная сила травы под названием «для всего хороша». — Знаменитый натуралист. — Дураки находятся! — С.-Жерменская Цирцея. — «Воры! Разбойники! Караул!» — Пролом в стене. — Ужасное открытие. — Отчаяние мебельщика. — Осматривайте ваши кресла

Один из искуснейших комнатных воров был Годе Младший, прозванный Маркизом, а также Дюраном и Градоначальником.

Если бы я стал перечислять все имена и звания, носимые им в продолжение его длинной карьеры, то и конца бы не было: он был купцом, судохозяином, эмигрантом, капиталистом и т. д. Бывши одним из главных предводителей шаек, опустошавших Южную Францию, он скрылся было в Руан, когда, обвиненный в воровстве, был — узнан и осужден пожизненно. Это уж в седьмой или восьмой раз его уличали. Годе имел главными поверенными трех воров: Дельсука, Фиансета и Колонжа, имена которых также знамениты в истории воровства.

Годе начал свое ремесло весьма рано и уже шестидесяти лет все еще отправлял его. Он тогда имел почтенный вид: толстое брюхо, доброе лицо, светские манеры — все соединялось в нем, чтобы внушить доверие с первого взгляда; кроме того, он обладал тактом и знал всю силу костюма; чтобы сравнить его костюм с костюмом откупщика казенных доходов или бывшего подрядчика, надо было, чтобы я не видал знаменитого г-на Сегуина во всей простоте ею одежды. Поэтому, не желая вводить никого в заблуждение, отказываюсь

от всяких сравнений и надеюсь, меня поймут, если скажу коротко, что этот хитрый негодяй имел внушительную наружность людей, богатая одежда которых свидетельствует о туго набитом кармане.

Немногие из комнатных воров были более предприимчивы и одарены большей твердостью и настойчивостью; раз ему пришла фантазия обокрасть богатую вдову, жившую в Сен-Жермен-Лайе, в улице «Пото-Жюре». Сначала он стал исследовать доступ к дому и тщетно старался в него проникнуть. Он превосходно делал фальшивые ключи; но ключ нельзя сделать наобум, а в настоящем случае даже тени оттиска невозможно было достать. Два месяца прошли в бесплодных попытках; всякий другой отказался бы от столь трудного предприятия; Маркиз же, сказавши себе раз: «Я достигну», не хочет изменить своему слову.

Дом, примыкавший к дому вдовы, занят жильцом; ничего не остается, как выжить этого жильца, и вот Годе вскоре поселяется на его место под именем г-на Фьерваля. «Черт возьми! — говорят соседи. — Этот не похож на прежнего жильца; какая великолепная у него мебель и вся обстановка, сейчас видно человека порядочного!»

Прошло уже около трех недель, как он переехал, когда соседка, долго не пользовавшаяся свежим воздухом, вздумала сделать маленькую прогулку: она отправилась в парк, в сопровождении Маши, своей верной служанки. Уже под конец прогулки подходит к ней незнакомец, с ученым видом усердного последователя Линнея и Турнефора, держа в одной руке шляпу, а в другой какое-то растение.

— Перед вами, сударыня, любитель природы, той прекрасной природы, в которую влюбляются все благородные и нежные сердца; ботаника — вот моя страсть; она была также страстью чувствительного Жан-Жака, добродетельного Бернардена де Сен-Пьерр. По примеру этих великих философов, я отыскиваю лекарственные травы, и, если не ошибаюсь, буду

иметь счастье встретить в этой местности весьма драгоценные. Ах, сударыня, желательно для счастья человечества, чтобы все знали свойства вот этой. Вам известна эта трава?

— По правде сказать, милостивый государь, она не редкость в здешних окрестностях; но сознаюсь в своем невежестве: не знаю ни ее имени, ни свойств.

— Она не редкая, говорите вы? О, счастливая страна, где она не редкость! Можете ли вы быть настолько добры, чтобы указать мне места, где она растет в наибольшем изобилии?

— Охотно, милостивый государь, но позвольте узнать, на что она годна?

— На что! Да на все, сударыня! Это истинное сокровище, всецелебное лекарство; с этой травой совсем не надо и медиков: корень ее, употребляемый в виде декокта, очищает кровь, прогоняет дурное расположение духа, содействует кровообращению, рассеивает меланхолию, придает гибкость членам, силу мускулам и исцеляет все болезни до ста лет… Настоянный стебель делает чудеса; если класть его по одному пакету в ванну и постоянно употреблять, то вы откроете источник вечной молодости; листок, положенный на рану, тотчас же ее вылечивает.

— А цветок?

— Ах, что касается до цветка, то тут мы должны благословлять Провидение; если бы женщины только знали… Этот цветок… С ним нет более вдовства.

— Как, он мне дал бы возможность возвратить мужа?

— Лучше того, сударыня: он сделал бы, как будто вы его никогда не имели. Одна щепотка, две щепотки, три щепотки — и ничего не будет заметно.

— О, чудный цветок!

— Вы совершенно справедливо называете его чудным. Прибавьте к этому, что из него можно составить один из самых чудодейственных любовных напитков против равнодушия в браке.

— И вы не шутите?

— Боже меня сохрани, сударыня! Умыванье, с одной стороны, питье, с другой; весь секрет в способе приготовления и употребления.

— Может быть, нескромно будет спросить у вас рецепт?

— Нисколько; я готов с удовольствием сообщить вам его.

— Сначала скажите мне название этой замечательной травы.

— Название, сударыня, просто: полевой шалфей.

— Маша, слышишь, полевой шалфей. Если мы отведем господина в глубину парка, кажется, там его много?

— Если бы не было так далеко, я повела бы вас туда, где его гораздо больше. Столько, столько! Все равно что палочной травы, я там иногда собирала большими охапками. Вот что значит, когда чего не знаешь… Может быть, поэтому-то кролики… Но вы, барин, не захотите пойти так далеко!

— Я готов идти на край света, только боюсь слишком злоупотребить вашей любезностью.

— Не бойтесь, милостивый государь, не бойтесь; я буду достаточно вознаграждена, потому что вы согласны.

— Ах, да, в самом деле; я об этом и не подумал.

Маша ведет собирателя лекарственных трав, который дорогой объясняет, как делаются настои, декокты, прикладывания, умыванья и чудная любовная эссенция. Наконец пришли. Никогда еще ботанику не приходилось видеть в таком огромном количестве растение, достоинства которого он описал; выразивши свою несказанную радость и энтузиазм, он принялся собирать… Вдова тоже делает запас. Собирали так усердно, что минут через двадцать бедная Маша насилу могла нести; но она не жалуется, она намерена даже снова возвратиться, потому что со своей стороны ни слова не пропустила из фармацевтического урока и не менее своей госпожи жаждет им воспользоваться; обманутая один за другим

двумя гвардейскими конюхами, она посещает третьего; и притом в будущий храмовый праздник предполагается избирать девицу для удостоения ее розовым венком; кабы выбор пал на нее! Во всяком случае, если ее и не увенчают, то, по крайней мере, ей можно будет, не краснея, надеть венок невесты и осчастливить свой идеал брачным ложем без предшественников. Эта надежда придает ей силу. Вскоре сбор покончился, и ботаник расстался со вдовой, обменявшись обоюдной благодарностью. Он отправился за новыми открытиями, а Сен-Жерменская Цирцея со своей служанкой пошли домой, гордясь, что несут с собой источник красоты, здоровья, разума, всех прелестей и очарований.

Пришли. Длинная прогулка возбудила аппетит.

— Скорей, скорей. Маша! Накрывай на стол и будем обедать.

— Но, сударыня, ничего не готово.

— Все равно, поедим вчерашнее. Давай вчерашнего цыпленка с нынешними мерланами.

Маша, голодная не менее хозяйки, спешит исполнить приказание.

— Ах, Боже мой. Боже мой!

— Не кричи так, Маша, ты меня перепугала.

— Ах, сударыня!

— Да что ты, Маша? Ногу что ли сломала?

— Серебро…

— Ну что ж серебро?

— Нас обокрали!

— Что ты говоришь, ветреная голова!

— Божусь вам.

— Молчи ты, беспечная! Как мыла посуду, куда-нибудь забросила. Я уверена, что если встану, сейчас же найду.

— Ах, сударыня, все обобрали!

— Что ты говоришь?

— Возможно ли! Серебра совсем нет.

— Совсем нет? Что она хочет этим сказать?.. Какая ты глупая, Маша!

Говоря это, она нетерпеливо встает и, подойдя к шкафу, отталкивает горничную.

— Пошла ты, дура!.. О небо, какое несчастье! Ах, злодеи, мошенники! Разбойники! Да пошевельнись же, Маша, что ты стоишь, как какая мумия! Или молоко течет в твоих жилах?

— Да что же мне делать, сударыня?

— Это все твоя небрежность. Сколько мне твердить, чтобы ты запирала двери; пока ты вышла, успели войти в столовую. Это непременно так; когда мы вернулись, запор разве не был на своем месте, как и прежде? Вот я, если меня и обокрадут, то уверена, что не по моей вине: ухожу, прихожу, выйду на минутку, ключи всегда со мной; а ты на 6000 франков серебра… Хорош ты праздник мне сделала… Я не знаю, как тебя не… Ступай с глаз моих — уйди, говорю тебе!

Маша в отчаянии бежит в соседнюю комнату, но тотчас же возвращается с криком:

— Господи! Ваша комната взломана, письменный стол раскрыт, все там вверх дном.

Вдова спешит удостовериться, действительно ли так. Несчастье слишком очевидно; с одного взгляда она сообразила всю его громадность.

— Чудовище! — произнесла она, — Я разорена! — и она лишилась чувств.

Маша бросилась к окну звать на помощь.

— Воры! Убийцы! Караул! Пожар! — раздалось по улице.

Жители, жандармы, частный пристав сбежались в дом. Весь нижний этаж тщательно обыскали и не нашли никого. Один из присутствующих предложил сойти в погреб. «В погреб! В погреб!» — повторили единогласно. Зажгли свечи, и пока Маша хлопотала около барыни, приходившей в себя, пристав с другими лицами отправились в погреб. В первом

ничего не нашли, во втором — тоже, третий примыкает к погребу соседа: на земле набросана штукатурка, осматривают и в средине стены замечают отверстие, достаточное для прохода человека. С этой минуты все объяснилось: два часа тому назад у дверей толстого парижского барина, как звали Годе, стояла карета, в которую он сел с большим, тяжелым чемоданом. В нем находились деньги, золото, драгоценные вещи и серебро вдовы на весьма значительную сумму. Годе более не показывался, и не было возможности его разыскать. Только через несколько дней явились в его квартиру за мебелью. Кто же? Посланный от г-на Годе?.. Как бы не так, мебельщик, продавший ему мебель в кредит. Ему рассказали историю с полевым шалфеем. Вдова показала свою вязанку набранного в поле сена.

— Ах, — сказал он, глядя на этот предмет жестокой мистификации, — мне только жаль одного.

— Чего же?

— Что я не положил такого же сена вчетверо больше в эти кресла; но в канапе попробуйте найти хоть один лошадиный волос…

В этом сожалении просвечивает глубокая истина, что не все собиратели лекарственных трав находятся в парке Сен-Жерменском. Если у наших лошадей коротки хвосты, то мебельщики улицы Клери ни мало в том не виноваты; что касается до длинных зубов, то это другое дело, потому что они возвысили цены на корм.

Глава сорок девятая

Возвращение в Руан, — Отвращение от светской жизни. — Фантазия мизантропа. — Выбор уединенной местности. — Поэты и пустынники. — Проект поездки. — Странная разборчивость. — Любовь к родовому имению. — Опасность обедать в Париже. — Слепки и поддельные ключи. — Кому же верить?

Годе, обокравший вдову, отправился в Руан, но он не замедлил приблизиться к Парижу, хотя все-таки не поселился в нем; снедаемый семейными огорчениями, разочарованный светским обществом, недовольный его непостоянством и своим здоровьем, собою и другими, Градоначальник превратился в мизантропа, жаждущего деревенской жизни. С этой целью он отправился осматривать окрестности столицы и в Бельвилле нашел дом, вполне соответствующий его настроению; под сенью этих мест он будет предаваться своей меланхолии и облегчать вздохами свою страждущую душу. Годе нанимает квартиру в избранном им доме; но мизантроп не может долго вынести присутствия близ себя других человеческих существ; ему нужно жилище, где он мог бы позабыть, что он не один на свете, и он выражает желание приобрести его во что бы то ни стало, лишь бы только не видать и тени ненавистного ему общества; он готов удовлетвориться всем — как замком, так и хижиной. Он высказывает во всеуслышание свое намерение отправиться на поиски за жилищем, где должны пройти его старые годы; осведомляется о всех сельских домах, предназначенных к продаже на расстоянии десяти миль в окрестности.

Вскоре стало общеизвестным, что он намерен сделать покупку; знают, какие имения могли бы ему подойти, но ему хочется не иначе, как родовое имение. «Ну, коли он так разборчив, пусть ищет». Мизантроп действительно порешил искать и стал делать приготовления к отъезду; он намерен отлучиться не более, как на три-четыре дня, и очень рад,

узнавши, что нимало не опасно оставить в своем бюро какой-нибудь десяток тысяч франков, который ему совсем не хочется таскать с собою. Его совершенно успокаивают на этот счет, и он, не колеблясь, пускается в путь.

Путь этот недалек: во время своего пребывания в доме он имел возможность снять все слепки с замков, необходимые ему для того, чтобы забраться к хозяину; он заметил также, что последний имеет привычку обедать в Париже и возвращается только поздно ночью. Следовательно, придя в сумерки. Годе уверен, что еще будет иметь достаточно времени обделать свое дело. По захождении солнца пробирается он незамеченный в Бельвилль и, проникнув в дом с помощью фальшивых ключей, уносит у хозяина все, даже до белья.

В исходе пятого дня стали беспокоиться, что мизантроп не возвращается; на следующий день уже родилось подозрение, а затем и убеждение, что вор никто другой, как он. Подите после этого, полагайтесь на мизантропов! И на кого положиться? На филантропов, что ли? Да и они не лучше.

Глава пятидесятая

Адель д'Эскар. — Первый шаг падшей женщины. — Фальшивое имя, внесенное в роковой список. — Бюро благонравия, живущее доходами с безнравственности. — Хозяйка и дом терпимости. — Возможно ли возвращение на честный путь? — Полицейская инспекция и когти сатаны. — Уменьшает ли инспекция проституцию? — Право вступления в проститутки. — Содержательницы домов терпимости и их жертвы. — Вечный позор. — Отчаяние родителей. — Сыщики и воры — султаны домов терпимости. — Адель — начальница воров. — Умная голова и хорошее сердце

Одна из самых неустрашимых комнатных воровок была Адель д'Эскар. Я никогда не видал более красивой женщины. Она, казалось, создана была по образцу одной из божественных мадонн, порожденных воображением Рафаэля. Великолепные белокурые косы, большие голубые глаза с выражением кротости и нежности, божественный лоб, восхитительный ротик, все черты, дышащие непорочностью, стройный, почти воздушный стан — таково было редкое соединение прелестей, доставшихся на долю Адели. В физическом отношении она была совершеннейшим существом; в нравственном же, по велению судьбы, или вследствие дурных наклонностей от природы, она не отличалась такими качествами.

Она принадлежала к честной, но бедной фамилии. С четырнадцати лет отнятая от родителей одною из тех развратниц, которыми так изобилует Париж, она была помещена в дом терпимости. Судя по грациозной законченности форм, ее можно было принять за взрослую девицу, между тем это был ребенок относительно полнейшей наивности, не ведавший ни греха, ни добродетели, поэтому ее легко было увлечь в пропасть. Чтобы скрыться от розысков своих близких, она согласилась сначала переменить имя, а чтобы чрезмерная

юность не была препятствием видам подлой твари, взявшейся торговать ее прелестями, несчастная девушка выдавала себя старше, чем была.

Приведенная в полицейскую префектуру, она по тогдашнему обычаю была там записана, не без того чтобы блюстители нравов не сделали какого-либо замечания, которые свойственны бесстыдным распутникам. С помощью маленькой платы, а также возлияния Бахусу, которое в те времена никогда не упускалось, Адель получила право посвятить себя проституции.

Поверит ли читатель, что это полицейское бюро находилось в доме магистрата, уполномоченного обуздывать нравы; и в этом-то бюро молодая девушка, которую часто малейшим увещанием можно было обратить на путь истины, получала право отправлять худшее из ремесел. Бюро благонравия, в котором позволялось совсем не иметь его, префект, под покровительством которого давалось позволение на разврат, — какая нравственность! А между тем этот префект отличался благочестием. Молодая девушка, сбившаяся с пути под влиянием ложных советов, досады или временного отчаяния, тут уже шла бесповоротно на гибельное решение. Это был не более как безрассудный поступок, дьявольское внушение; размышление, время, препятствия, может быть, изменили бы направление ее мыслей. Но тут замешалось бюро! Для содержательниц домов терпимости было необходимым, с согласия полицейских агентов, их покровителей и тиранов, приобретать для разврата уголок в деревне и быть достаточно богатыми, чтобы принимать их и покупать их благосклонность богатыми подарками.

Как только девушка являлась в полицейскую префектуру, открывался реестр и без всяких предварительных вопросов ее вносили туда под именем и с возрастом, которые ей вздумается принять; отмеченная, осмотренная с головы до ног, с этой минуты она безвозвратно была приобретена проституцией,

и каково бы ни было впоследствии ее раскаяние, ей не позволялось отказаться от своего заблуждения, расстаться со своим позором, Блюстители нравов, инспектора, предоставляя право разврата, нисколько не заботились об исправлении несчастных жертв позора; толкнуть на путь разврата — было их делом, но чтобы вырваться из этих когтей сатаны, они требовали выполнения тысячи различных формальностей. Для этого необходимы свидетели, аттестации, поручители, собственное раскаяние — словом, возвратиться на честный путь почти было невозможно.

Раз внесенная в список, бедная девушка не могла освободиться иначе, как окруживши себя поверенными своего стыда; ежеминутно, на каждом шагу в обществе, куда вступала, она подвергалась напоминанию о покинутом ею позорном занятии. Включение было так легко, скрытно: ни родителям, ни воспитателям не давали знать; выключение же делалось публично, уполномоченными на то гражданами, после многих испытаний. Произвол не переставал угрожать проститутке, хотя она по собственному желанию отказалась от прежней жизни; между тем, достаточно бы было простого заявления об этом от нее самой, так как для снискания пропитания работой необходимо было, чтобы не знали ее прошлого; полиции, напротив, нужно, чтобы его знали, чтобы позор был вечный, пятно неизгладимо: она покровительствует развращению, не естественно ли ей после того сопротивляться всей своей властью исправлению заблудших, сокращающему число подвластных ей жертв? Это сатана, не выпускающий добычи; я видел, с какой яростью инспекция разыскивала проституток, даже по мастерским, тех, которые без установленных формальностей осмеливались ускользать от них; чем красивее и моложе они были, тем упорнее их задерживали. Я видел, с какой поспешностью приняли одну дебютантку в этом отвратительном бюро, где родительская власть была наименее признаваема.

Случалось, что в то время, как перед молодой девушкой, приводимой хозяйкой, произносились самые нескромные речи, отец или мать этой девушки, терзаясь от горя, были тут же, во втором отделении, умоляя начальника разыскать их пропавшее дитя.

Г-н Беллейм произвел много реформ, и благодаря ему такса на девушек перестала быть доходом полиции; но после него многие из прежних злоупотреблений возвратились.

Перехожу к Адели д'Эскар.

Раз брошенная на этот путь погибели, она быстро его проходила, переиспытавши все его превратности. Первые любовники ее были полицейские сыщики. В те времена сыщики и знаменитые воры были султанами публичных гаремов и пользовались возможностью проявлять там свою волю. Каковы бы ни были их требования, содержательница не могла им ни в чем отказывать: в полицейском агенте она видела свою законную силу, в воре — силу материальную.

Адель постоянно была предметом домогательства членов полиции, равно как Гильома, Леружа, Виктора Дебуа, Коко-Лакура, Пуаллье и т. п., удостаивавших ее брать себе в любовницы. В их обществе она свыклась с идеей о воровстве; они уничтожили в ней последние остатки совести и показали всю выгоду отправляемого ими ремесла, которое потом сделалось и ее ремеслом. Дебюты ее были блистательны: она не начинала, подобно другим, с вытаскиванья кошельков и часов, что считалось пустячным препровождением времени, а простирала свои виды гораздо дальше. Некоторые из ее возлюбленных отличались искусством делания поддельных ключей; она усвоила себе это опасное искусство и вскоре сделала столь большие успехи, что получила право подавать голос в обществе комнатных грабителей, принявших ее в свое общество.

Она заслужила себе репутацию умной головы; случаи более или менее важные, с ее задушевными друзьями дали ей

также возможность доказать, что у нее и сердце было доброе. Все признали за ней добродетель их сословия, называемую ими честностью. Никогда она не покидала того, кого поражала злая участь вора. Если одного из ее возлюбленных осуждали, то она всегда заменяла его одним из лучших его товарищей, который становился ее любовником, с тем только условием, чтобы не препятствовать ей оказывать помощь заключенному. Таким образом, у нее было множество привязанностей, предметы которых находились в острогах или тюрьмах. Для облегчения их участи ее отвага и ловкость усиливались; но число ее пансионеров до такой степени умножилось, что для того, чтобы не лишить их высшего оклада, а это пошатнуло бы ее репутацию честности, она принуждена была подвергать себя весьма большим лишениям, Любовник есть сообщник, который при разделе барышей обыкновенно присваивает себе львиную долю, и она решилась не иметь более любовников. Адель была достаточно опытна, чтобы не иметь сотрудника, и воровала одна в продолжение двух лет с невообразимым счастьем; все ей удавалось, наконец настала минута, когда изобилие добычи, превзошедши все ее ожидания, заставило ее в первый раз почувствовать затруднение.

Глава пятьдесят первая

Тяжесть одиночества. — Брак по воровству. — Первый опыт. — Где же деньги, черт возьми? — Утешение найдено. — Восторженная сцена. — Мир исполнен наслаждений. — Предательские занавески. — Волшебные тени. — Решетчатые ставни. — На шестнадцать лет в оковы!

Адель, взобравшись на высоту, вдруг почувствовала всю тяжесть одиночества. Она ощутила пустоту, которую не могла определить, или, лучше сказать, так хорошо ее определяла, что решилась склониться на речи первого влюбленного, лишь бы он ей пришелся по вкусу. Кому она понравилась и кто ей понравился, был известный бильярдный мошенник, по имени Риготье. Вышедши победителем из одной ставки, он на радостях преподнес ей любовное письмо, где любовь его выражалась самым пламенным образом, потому что Риготье был действительно влюблен. Адель, прежде страшно боявшаяся этого, теперь приняла его объяснение и в опьянении победы не заставила его вздыхать понапрасну.

Она знала, что женщина в незаконном браке не должна ничего скрывать от своего любовника, поэтому тотчас же сообщила Риготье о своих талантах и выгоде, доставляемой ими. Он восхищался быстротой, с которой она владела подпилком. Она хотела испробовать и его способности, открыла их, развила, и так как уроки любимого человека особенно успешно воспринимаются, то вскоре Риготье мог смастерить ключ с таким же совершенством, как самый опытный слесарь. Но Адель не хотела, чтобы он рисковал, не усовершенствовавшись вполне; сначала она брала его с собой только для того, чтобы сторожить: но когда он стал жаловаться на сидение сложа руки, то решено было и ему пуститься в дело.

В улице Фероннери проживала дама, которая, благодаря сплетням своей экономки, слыла за богатую и скупую. Адель вознамерилась ее ограбить; уже ключи были готовы; экономка

обещалась дать знать, когда отлучится госпожа. И вот однажды она оповестила, что хозяйка ушла на вечер. Стали обсуждать, как приняться за дело.

— Ну, — сказала Адель своему ученику, — отступать нечего, ты пойдешь со мною, я посмотрю, как ты будешь действовать. А дело отличное! Для начала нельзя лучше выбрать.

Риготье не отказывался. Они пошли вместе и, как только уверились, что хозяйки нет, без труда вошли. Чтобы быть как у себя, они заперлись на задвижку и безотлагательно принялись взламывать все, что предполагалось с деньгами: взломали бюро, два комода, шкаф, шифоньерку, два несессера и нигде не нашли денег, о которых рассказывала экономка. Где же деньги? Попавшееся письменное обязательство показало, что накануне они были помещены к нотариусу. Было от чего рвать на себе волосы! Но вместо того, чтобы предаваться бесполезному отчаянию, обманувшаяся чета, оглядевши множество предметов, решила, что из груды найдется чем утешиться, и, не теряя времени, стала прибирать к рукам серебро, драгоценные вещи, кружева и белье. Сортировка наскоро сделана; самые драгоценные вещи собраны в узел, отперли дверь и уже совсем намеревались выйти, как вдруг заметили в шкафу четыре почтенные бутылки. Это десятилетний шамбертен[7]! Чтобы отпраздновать успех предприятия, невозможно не выпить по стакану. Что за божественный нектар! За стаканом незаметно проскочил другой, а там опустела и вся бутылка, за ней другая, третья и, наконец, четвертая.

Наступило опьянение. Море по колено, все забывается; два друга не на земле, а на небе, где нет ни жандармов, ни шпионов, ни законов, ни судов, ни воспоминаний, ни предусмотрительности. Риготье отлично поет; Адель тоже не без голоса; и вот они затягивают во всю глотку знаменитый дуэт: Le Gouepeur et le Voleur.

---

[7] Шамбертен — лучшее бургундское вино.

За пением последовала непозволительная качуча. Гром может грянуть, пол проломиться, дом обрушиться, мир исчезнуть, но счастливая парочка ничего не видит и не слышит; они не от мира сего: для них нет более терний, ни препятствий, ни горестей; мир для них исполнен наслаждений. Они танцуют с неистовством.

Но в Париже улицы иногда имеют две стороны и не мешает подумать о том, что есть визави. Дама, отсутствие которой делало наших танцоров вполне беззаботными, недалеко ушла; прямо напротив и даже в соответственном этаже жила ее подруга; у нее она и сидела за бостоном, как вдруг, пока сдавали карты, взгляд ее машинально упал на одно из окон жилища.

— Ах, Боже — мой: взгляните-ка, медам, — вскричала она, — в моей спальне происходит что-то совсем необыкновенное.

— Что такое? Что такое?

— Видите, там свет.

— Вы ошибаетесь, это отражение лучей.

— Какое отражение! Я, слава Богу, еще не ослепла; я даже вижу движение.

— Ну вот, движение! Вы всегда так.

— Ей-Богу, на этот раз вы не скажете, что это вообразилось… Взгляните, взгляните, г-н Планар, присмотритесь; видите ли, как движется занавеска у окна возле моей постели?

— Вы правы, я, кажется, тоже замечаю какое-то особенное движение.

— Оно усиливается… Бахрома, кисточки, все колеблется, движется. Если это продлится, прут из занавески непременно выпадет.

— Да, не прекращается. Что это может значить? Вдруг, это воры!

— Воры, так и есть! Ах, милейший г-н Планар, вы меня как раз надоумили. Господи, это воры! Скорее, скорее пойдем туда!

— Идем, идем! — повторило все общество.

И каждый, смотря по своему проворству, принялся перепрыгивать через две, три, четыре ступени.

Дама, квартиру которой посетили без ее ведома, была сильно взволнована и дрожала больше своих занавесок. Вне себя она отворяет форточку дворника.

— Фонарь! Скорее мой фонарь! — кричит она в смятении, — Да поворачивайтесь же! Вы поправите светильню после.

— Вы хотите, чтобы свеча отекла…

— Когда вам говорят, что в доме воры!

— Воры?

— Ну да!

— А где же они?

— Да у меня.

— У вас, сударыня, у вас?.. Вы шутить изволите.

— Да, я шучу; бегите скорее сказать управляющему.

— Г-ну Делуайе? Иду.

— Попросите его прийти сейчас же.

Дворник поспешил исполнить приказание и тотчас же явился в сопровождении г-на Делуайе, который при слове «воры» уже принял некоторые меры к атаке. Оставшись в халате и ночном колпаке, он, однако, заменил глазной зонтик из зеленой тафты очками, поправил чулки, подвязал подвязки и, проходя через свою кухню, успел вооружиться вертелом.

— Ну, друзья, — сказал он, — как можно осторожнее, особенно без шума! Мы войдем, не правда ли? Тс… Тс… Мне послышалось… Нет, это карета. Погодите, не надо спешить… Во-первых, все чтобы разулись… Тс…

— Вы, Трипо (обратился он к дворнику), так как они могут быть сильны, возьмите топор, жена ваша пусть идет с метлой, а дочь — с лопатой; у каждой должно быть по стулу, чтобы отразить неприятеля. Ну, вперед! Я беру на себя защищать отступление, а если встретим сопротивление, то

вмешаюсь сам везде, где будет нужно. Сказано — сделано, понятно? Ступайте вперед меня; я иду за вами.

И толпа зашевелилась, подымаясь по лестнице. Взойдя на второй этаж, они остановились.

— Тише!.. Тут!..

Дворник, изображающий собою авангард, кладет тихонько ключ в замочную скважину. Дверь отворилась…

Последовал всеобщий крик удивления, негодования и стыда. Адель и Риготье, усталые и опьяневшие, попадали на пол, на матрас, и уснули среди переломанной мебели, разлитого вина и разбросанных узлов.

— Вот так молодцы, отлично! — вскричал дворник, — Надо позвать частного пристава, пускай полюбуется!

Пристав, полицейские, стража, за которой тоже бегал сосед, не заставили себя ждать и забрали на месте двух влюбленных. Адель, спрошенная первой, не смутилась и объявила, что присутствие ее в комнате, где ее захватили, было совершенно случайно; что она совсем не знает человека, с которым была, и даже никогда его прежде не видала; он пристал к ней на улице, и они с ним вместе вошли в дом, думая, что это увеселительное заведение; дверь на лестнице была отперта, и они вошли… Что касается до связанных узлов, то об них она и подавно знать ничего не знает, и если произведено какое воровство, то это ее нимало не касается.

Выдумка была очень ловка и сплетена недурно, но Риготье, с которым Адель не могла сговориться, давал совсем другое показание, и на этом противоречии основан был приговор, осудивший их на шестнадцать лет в кандалы. Риготье отправлен был с партией в 1802 году; десять лет спустя я встретил его на набережной; он бежал; я задержал его, и позже он умер в остроге.

Глава пятьдесят вторая

Плоды экономии. — Проект исправления. — Неудачи. — Непрочность существования. — Последствия предрассудков. — Касса ссуд. — Отчаяние. — Надо умереть! — Орудия преступления. — Борьба и искушение

По истечении срока наказания Адель вышла из Сен-Лазара с получением 900 франков, оставшихся от ее заработка. Она совершенно исправилась и намеревалась начать безупречную жизнь.

Первой ее заботой было запастись приличной одеждой и кое-какой мебелью. После этих покупок осталось у нее 150 франков, сумма, достаточная для минутного устранения нищеты; поэтому, не теряя времени, она отправилась на поиски за работой и, будучи искусной портнихой, легко ею раздобылась. Проработавши несколько месяцев на один магазин, она могла быть довольна своей судьбой; но существование освобожденного, мужчины или женщины, так шатко! Узнали, что она была заключена в Сен-Лазаре, и с той поры начались для нее те несчастья, которых так трудно, а в ту эпоху было почти невозможно избежать, коль скоро попал в руки правосудия.

Адели, не подавшей никакого повода, было безжалостно отказано от работы; она переменила квартиру и успела снова найти место. Приставленная над бельем в гостинице, она, чтобы избавиться от нескромных толков, решилась иметь сношения только с лицами, которые сами были с ней откровенны; но, несмотря на эту предосторожность, не могла укрыться от следов прошлого и снова была лишена работы; с того дня ее всюду преследовало осуждение, неразлучное с бесчестием, неизгладимым общественными предрассудками.

У Адели был один только источник существования — работа иглой, и ее-то она не могла достать; прошло три месяца, и она не встретила сострадательной души, которая, восполь-

зовавшись ее работой, приняла бы участие в ее положении, Настала минута, когда для того, чтобы просуществовать, пришлось пожертвовать нарядами, и вскоре, вследствие маленьких займов, весь ее гардероб поглотился бездной ссудной кассы.

Доведенная до крайней бедности, она раз вечером намеревалась броситься в Сену, но встретясь на Новом Мосту с Сузанной Болье, одной из товарок по заключению, она рассказала ей свое горе.

— Полно! Полно! — сказала Сузанна. — Разве от этого топятся. Пойдем к нам; я с сестрой завела швейную мастерскую. Работа кое-что приносит; ты нам будешь помогать, и мы станем жить вместе. Коли будет один хлеб — что делать! — будем есть один хлеб.

Предложение пришло как нельзя более вовремя, и Адель согласилась.

Было начало зимы. Вышиванье шло довольно хорошо; но после масленицы настала глухая пора; через шесть недель Адель с товарками очутилась в самой крайней нужде. Фридрих, муж одной из них, занимался слесарством, и если бы у него была работа, он мог бы им помочь, но, к несчастью, ему из заработка недоставало даже на плату за квартиру и за патент. Большей нищеты не могло быть. Раз Адель была в его мастерской; уже двое суток ни он, ни она ни крошки не ели.

— Ну, — сказал слесарь, как бы в шутку, хотя тон его был самый зловещий, — приходится умирать, мои поросятки; ячменя нет больше… Да, надо умереть, — повторил он. И от усилия улыбнуться черты его искажались и холодный пот выступал на лбу.

Адель, безмолвная, с лицом, покрытым смертельной бледностью, стояла, наклонившись над станком. Вдруг она приподнялась и вся задрожала.

— Надо умереть… Надо бы было… — прошептала она, глядя с неописанным чувством на окружавшие ее инструменты.

Ей блеснул луч страшной надежды. Адель ужасается, волнуется! Она выносит жесточайшую борьбу между муками голода и угрызениями совести: во время этой пытки рука ее опирается на связку ключей; но она их отталкивает.

— Господи! — восклицает она, — удали от меня эти орудия преступлений. Я так близка к ним; ужели это мое единственное прибежище?

И чтобы не поддаться искушению, несчастная спешит уйти.

Уже сказано, что во всем последующем, равно как и предыдущем рассказе, типы, характеры и нравы относятся исключительно к той эпохе, которую я описываю с натуры. Если же читатели последующего поколения найдут, что вещи изменились, то, надеюсь, они не будут в претензии за мои открытия, потому что для истребления злоупотреблений необходимо познакомиться с ними.

Глава пятьдесят третья

Благотворительный комитет. — Член благотворительности не принимает голодных во время обеда. — Припадок голода. — Голодная под колесами благотворительницы. — Вези меня к министру! — Черты народного сочувствия. — Сбор подаяний. — Неумолимый домовладелец. — Подвиги полиции

Адель слышала, что существует где-то благотворительный комитет: там, если благотворительность не есть пустое слово, бедные должны быть приняты и тотчас же получить помощь. Желание остаться добродетельной придает ей бодрости; она собирает остаток сил и тащится до дверей филантропа, на которого ей указали как на раздавателя милостыни в их округе. Адель изъявляет желание с ним переговорить.

— Барин не принимает…

— Но я умираю с голоду…

— Он теперь за столом и не велит, чтобы его беспокоили во время обеда.

— Боже мой! Может, он скоро кончит… Когда могу я прийти?

— Завтра.

— Завтра!

— Не прежде полудня, слышите ли? Раньше этого барин никого не принимает.

— Ах, сделайте, чтоб я могла его увидать сегодня вечером, Вы возвратили бы меня к жизни.

— Вам уже сказано, что это невозможно. Ступайте и не приставайте больше.

Адель вышла. Не успела она переступить порог двери, захлопнутой с сердцем, как ноги ее подкосились. Она попробовала сделать несколько шагов, но в глазах ее помутилось; она пошатнулась, упала и при падении ударилась головой об тумбу.

— Стой, кучер, не задави ее!

— Погоняй же! Что ты слушаешься приказаний этой сволочи? Погоняй, говорю! — раздавался резкий голос барыни, экипаж которой мчался во весь дух по мостовой.

— Сволочь сидит в твоей карете! — возразил угольщик. — Остановишься ли ты, старая собака?..

Он бросился к лошадям и остановил их сильной рукой, тогда как другие прохожие, сбежавшиеся на шум, стали вытаскивать из-под колес окровавленную женщину.

А вдовушка мечет громы и молнии против этих негодяев, осмелившихся задержать ее: она опоздает в благотворительный комитет, это ни на что не похоже… Заседание уже началось… В Париже невозможно жить спокойно честным людям… Проезду не дают.

— Ландау, исполняй свое дело, разгони этих нахалов!.. Да ты меня не слушаешь?.. Заставлять меня терять драгоценное время, и из-за кого? Из-за какой-нибудь дряни, из-за пьяницы!

— Графиня, видите, что я не могу проехать.

— Скажи моему егерю, чтобы он взял номер этого человека, я пожалуюсь полиции, он сгниет в тюрьме. Вези меня прямо к министру!

При этих словах испуганный угольщик бросил вожжи, и карета графини пронеслась, как молния, посреди свистков и проклятий.

Адель положили на скамью, прямо возле той двери, откуда за несколько мгновений до того ее вытолкали с такой жестокостью. Обморок все продолжается; ее поддерживают двое рабочих.

Из зрителей каждый старается чем-нибудь помочь. Одна торговка пробралась сквозь толпу, разорвала рубашку, чтобы унять кровь и перевязать рану; другая торговка фруктами прибежала с бульоном, рассыльный пошел за вином, а молоденькая модистка дала ей понюхать спирту. Стечение народа было значительное.

— Что такое? Что случилось?

— С какой-то женщиной дурно.

— Да раздвиньтесь же! — слышно в центре круга, — Или вы хотите ее задушить?

Круг расширился. Адель не показывала признаков жизни; она была неподвижна. Ей раскрыли глаза.

— Глаза хороши.

— Это только ослабление.

— Пульс бьется?

— Нет.

— Значит, умерла. Приложите руку к сердцу.

— Ничего не слышно.

— Может, что-нибудь ее теснит; развяжите-ка шнурки.

— Она не холодна.

— Кабы был доктор, знали бы, что с ней делать.

— За доктором пошли.

— Да, за г-ном Дюпюитреном; но он не захочет пожаловать, хоть и на этаж не всходи. О, кабы для богача, так он побеспокоился бы.

— Если бы попробовать дать ей бульону.

— Постарайся-ка, чтоб она проглотила несколько капель.

— Брызните ей водой в лицо!

— Ничего нет опаснее, лучше дайте ей вина; это ее оживит.

Поднесли ложку к губам Адели; она проглотила.

— Ну вот, хорошо, она спасена! — повторяет публика с заметным участием.

Адель опустила одну руку на колени и глубоко вздохнула, как будто спасенная от смерти; затем широко раскрыла глаза, не выносящие света; блуждающие и неподвижные попеременно, они ничего не различали; наконец крупные слезы покатились по ее бледным щекам.

— Что с вами, бедняжка?

Она не отвечает, а, бросившись на предлагаемую ей чашку, с жадностью подносит ее к губам; она готова бы ее проглотить разом; но толчок о зубы пошатнул ее слабую руку, и чашка выпала.

— Видите, это голод!

— Бедная, она умирала от истощения.

— И подумать, что на этом свете есть такие несчастные люди, тогда как другим всего по горло!

Мало-помалу Адель оправилась; она старалась отламывать понемногу хлеба, поданного ей водовозом; но рот у нее пересох; после тщетных усилий ее дрожащая голова падает на грудь, она сгибается, чувствуя необычайный упадок сил.

— Ну, добрые люди, соберемте-ка для нее сколько-нибудь! — сказала одна старушка. И, забывая тяжесть своей корзины, она пошла обносить в толпе свою норковую шапку; подавая первая пример, она сама положила в нее двухфранковую монету.

По внешности каждого она разнообразит манеру, с которой взывает к благотворительности.

— Сударь, сколько можете.

— Ну-ка, паренек, поищи что-нибудь у себя.

— Солдатик, что-нибудь, пожалуйста, это принесет вам счастье.

— Ну, старина, опускай сюда остатки, в конце концов, ты не будешь ни богаче, ни беднее.

— А вы, почтеннейший, нет ли у вас нескольких залежавшихся луидоров, которые вас только отягощают?

— Кажется, барынька еще не давала. (Кланяясь). Благодарим покорно; вот не напрасная милостыня.

Круг обойден, и никто из этих честных людей не упустил случая сделать доброе дело; многие подвергли себя через то лишениям.

— Господи! — сказала гладильщица, опуская полфранка, предназначавшиеся на ужин. — Уж очень жалко смотреть; лучше останусь сегодня без порции.

Простой народ обыкновенно выражает вслух движения сердца, охотно скажет, чего стоит ему его жертва, но это не

для хвастовства; он об ней никогда не жалеет. Сколько добродетели и самоотвержения в подобных фразах:

— Лишняя четверть суток, и это наверстается.

— Я из-за этого только в воскресенье не пойду за город.

— Я было думал употребить эти деньги в лотерею; ну, все равно, им нашлось место.

— Нешто можно не помогать друг другу!

— Вот! Каким-нибудь полштофом меньше. Ну, ты, сборщица, сюда!

— И чего только можно натерпеться!

— Я завербую этим какого-нибудь мужичка; и притом, если я не сделаю нынче почину, тем хуже. Не всегда праздник.

— Прости-прощай моя косыночка! Куплю ее когда-нибудь после.

— Вы правы, красавица, голый хоть на улице может пройти, а умирающий с голоду и того не может; Господь наградит вас.

— А я-то, Франциска, думала было выкупить свою шаль!

— А я свои кольца. Ну, с Богом! Выкупите, когда будет можно.

— Эй, вы, не толкайтесь. Коли не хотите ничего давать, ступайте своей дорогой!

Кто ни подойдет, смелая сборщица тотчас же обращается за приношением.

— А, вот барыни в шляпках!

Она бежит к ним. Но эти госпожи вышли из того дома, около которого собралась толпа, и, глядя в сторону, пошли скорым шагом.

— Скажите пожалуйста, да скоро ли же вы отойдете от дверей! — кричит толстяк с напудренными полосами и в коротких панталонах, небрежно подходя с метлой в руках.

— Что такое он говорит?

— Говорю, чтоб вы убирались.

— Скажите пожалуйста! Улица-то разве твоя?

— Ну, чему удивляться, что какая-то мамзель тут притворяется?

— Молчи ты, скверная харя; она получше тебя, мамзель-то! Притом мы на таком месте, откуда никто не смеет прогонять.

— А вот прежде всего я стащу ее со скамьи.

Он теснится сквозь толпу, его отталкивают.

— Ай, ай! Ах! У-у! И-и!

— Хорошо, хорошо, а я все-таки протурю эту дрянь отсюда.

— Сам ты дрянь, вот что!

— Так вы не хотите? Хорошо же, увидим, кто над кем посмеется.

Он отступает на два шага и слегка приотворяет дверь.

— Маня, принеси-ка мне ведро воды; я живо смою эту грязь отсюда.

— Ах ты негодяй! Ты хочешь нас водой облить; ты думаешь, мы не слыхали. Поди-ка, я сам тебя окачу.

— Бездельник, вот я тебя!

— Так, так, окуни-ка ему рыло-то в ручей.

— Пустите меня, пустите!

Ведя переговоры, дворник благоразумно стал отступать; он, казалось, сдавался; но, дойдя до дверей, быстрым движением освободился от врагов и вошел, оставя рукав от своей рубашки.

Толпа восторжествовала; но вдруг набежали господа, узкие сюртуки которых, черные воротники, длинные камышовые трости и гнусная наружность не предвещали ничего доброго. Глядя на их поспешность, можно было подумать, что они идут на пожар.

— Сюда, господа, сюда! — показывал жест высокой фигуры хозяина, в ватном пальто шедшего во главе. В сорока шагах от толпы он отвесил им грациозный поклон и, указавши рукой по тому же направлению, исчез у поворота улицы или скорее из приличия скрылся, чтобы наблюдать, что дальше будет.

— Это полицейские.

— Прочь, сторонись! — кричат они, толкаясь, ругаясь, махая палками, и с угрожающими движениями, парализующими языки и удерживавшими всякое возмущение, направляются прямо к Адели и, грубо таща ее за локоть, говорят:

— Ну-ка, подымайся и ступай за нами.

— Так скверно обращаться с бедняками! — кричит женщина, собиравшая деньги. — Это гнусно, гадко; что вам сделала эта девушка?

— Ступайте, вас не спрашивают.

— Нешто вы не видите, что она еле дышит!

— А вам, видно, хочется попасть в тюрьму?

— Нет.

— Ну так убирайся, да попроворней!

— Сжальтесь, — сказала Адель, — дайте мне отдохнуть!

— Ты отдохнешь в арестантской.

Адель старается встать на ноги, но, одолеваемая головокружением, снова падает.

— Да она просто смеется над нами! — сказал один из полицейских, бросаясь на нее. — Ты пойдешь, пойдешь, негодяйка!

Сильным толчком он обрывает ей передник, и собранные деньги рассыпаются по грязи; дети подобрали несколько монет, но прежде чем большая часть была найдена, проезжал извозчик и его позвали. Полумертвую Адель тотчас же втащили в фиакр. Можно сказать, что это был труп, который убийцы, скрывая преступление, спешат закопать в могилу.

— Что вы зеваете? — говорят они любопытным. — Пьяная баба, больше ничего.

— Это ужасно, чудовищно, гнусно! — шепчут свидетели, не доверяя подобной клевете.

Дверцы затворились, кучер сел на место. «В депо, в префектуру, коли вам это понятнее!» И фиакр двинулся…

Глава пятьдесят четвёртая

Внутри кареты. — Двое убийц. — Морг и гауптвахта. — Ложная гуманность. — Сострадательные солдаты Беспардонного 18-го полка. — Добрый капитан. — Кто дает, сколько может, тот дает все. — Возвращение домой. — Чердак. — Припадок помешательства. — Огарок свечи. — Копейка дороже рубля. — Благодарность

Адель снова лишилась чувств. Полицейские, посадившие ее в фиакр, сильно трясут ее в надежде оживить. До кучера долетают несколько фраз, выражающих опасность положения несчастной.

— Что она, притворяется, что ли?

— Ну, ты, тормоши ее хорошенько.

— Держи ее покрепче.

— А кажется, что она не притворяется.

— Ты ее ущипни.

— Да уж я щипал, словно деревянная.

— Посмотри-ка! Она уж и глаза, кажется, закатила! Неужели она умерла?

— Да, кажется, так. (Смеясь). Ай, ай, ай! На этот раз шутка скверная.

— Неужто она сыграла с нами такую штуку?

— Смеяться нечего, черт возьми, мы ловко из-за нее попадем впросак.

— Ничего не будет… Ты видишь беду, где ее нет; сдадим ее в дом мертвых, вот и все. Эй, кучер!

— Нет, нет, свезем куда-нибудь поближе.

— Пожалуй, скажем, что подняли на улице, из сострадания; а там пусть справляются, как знают, не наше дело.

— Так-то так, да кто заплатит извозчику?

— В самом деле, черт возьми, я не подумал об этом.

— Уж никак не я!

— И не я.

— Ах, да она сама заплатит. Я видел у нее сорок сантимов.

— Ну, марш! (Подымая штору). Кучер, на гауптвахту!

Приехали. Обменявшись с офицером несколькими словами, полицейские распрощались с ним, приведя его в восхищение своим великодушным поступком. Из фиакра Адель перенесли на носилках в комнату и положили возле печи.

Сержант. Капитан, что нам делать с этой женщиной?

Офицер. Надо дать знать частному приставу, потому что не может быть, чтобы она очнулась.

Сержант. Может быть, она в летаргическом сне?

Другой солдат. Поди ты! Нешто не видишь рану на ее голове?

Капитан. Она ранена? Нам надо бы удостовериться насчет этих людей. Как теперь вижу их разбойничьи рожи.

Первый солдат. Какая большая рана! Унтер, посмотри-ка, опять кровь пошла.

Сержант. Да, и очень красная.

Офицер. В таком случае она жива; теплота восстановила кровообращение. Кто здесь курит? Капрал, пусти-ка ей немного табачного дыму в нос.

Капрал. Ей от этого станет хуже.

Капитан. Не бойся.

Капрал (подходит к носилкам и курит). Я говорил, что это отлично.

Капитан. Хорошо, хорошо, продолжайте.

Возвращение к жизни обозначилось легкими подергиваниями лица, конвульсивным движением членов; Адель зашевелилась, закашляла и вдруг приподнялась.

Капитан (тихо сержанту). Я точно вижу мертвеца перед собой.

Сержант. Она похожа на выкопанную из могилы.

Рекрут. Кабы я был здесь один, я испугался бы, подумав, что это мертвец.

Адель осматривается кругом и через несколько мгновений восклицает сильно взволнованным голосом: «Где я?.. Стража! Тюрьма!.. О Господи!.. Тюрьма!»

Офицер. Успокойтесь, вы с добрыми людьми.

Сержант. Пока вы с нами, нечего опасаться, не будь мы Беспардонный восемнадцатый (Он подает ей бутылку с водкой). Выпейте, это вас подкрепит.

Адель. Г-н сержант, благодарю вас; увольте меня.

Сержант. Нет, нет, выпейте, это придаст вам силы.

Просьбы сержанта были неотступны, так что Адель не может отказать. Она собрала остаток сил, чтобы отвечать на вопросы капитана. Адель не обвиняет, а рассказывает, и в речах ее правда столь трогательна, что старый солдат, негодовавший сначала на жестокость полицейских, под конец стал отирать влажные глаза.

Капитан. Что это, сержант, что с вами? Я вас считал твердым, как кремень.

Сержант. Я-то! Но меня возмущает несправедливость, а притом, если хотите знать, капитан?.. Это не во власти нашей.

Капрал. Я не больно чувствителен; но я не могу выносить, когда женщина плачет, это мне так тяжело, что я готов ей отдать все свои деньги… (Вынимая из панталон старую перчатку, служащую кошельком). У меня двадцать два су с половиной… Ну их, отдам ей. Кто нынче это сделает! На нашем солдатском хлебе… Эй, товарищи, кто из вас копит деньги!.. Я все принимаю, маленькие и большие монетки, от лиарда до шести франков.

Сержант. Я хотел набрать сорок, не тут-то было, тридцать пять, вот мой капитал. Хоть бы меня обобрали, то и сантима больше не нашлось бы.

Один солдат. Вот мои двадцать пять сантимов и мой паек. Эй, приятели, поищите-ка, не найдется ли еще у кого! Кто там на нарах? (Одного тащит за ноги). Это Лоррен, держу пари.

Лоррен. Я сплю.

Солдат. Пять су!

Лоррен. Оставишь ты меня в покое?

Солдат. Эх ты, соня, после выспишься.

Лоррен. Когда у меня их нет.

Капитан (вынимая десять франков из кошелька). Оставьте его, я кладу за него и за часовых.

Адель. Капитан, вы слишком добры.

Капитан. Ваше положение требует попечений; если хотите, я вас перевезу в больницу.

Капрал. Есть ближе госпиталь Pitie, в двух шагах от нас.

Сержант. Да вдруг-то не примут, как туда, так и во всякое другое место.

Капитан. Однако могут быть случаи ночью, так же как и днем; и чтобы госпиталь исполнял свое назначение, там должны принимать во всякий час.

Сержант. Извините, капитан, но вы ошибаетесь.

Капитан. Коли так, надо ее отвезти домой. (Адели). У вас есть квартира?

Адель. Да, есть; в настоящее время я живу со своими друзьями, которые теперь, может быть, в большом беспокойстве обо мне.

Капитан. Чувствуете ли вы себя в силах, чтоб идти?

Адель (встает, пошатываясь). О, да, я не так слаба.

Капитан. Ну, так вас проводят. Номер седьмой и восьмой, оставьте свои сумки, возьмите фонарь и ступайте с ней. Ведите ее тихонько, останавливайтесь, если устанет, и главное — смотрите, чтобы она не потеряла свои деньги. Сержант, пересчитай, сколько у нее денег.

Сержант. Смотрите, мадам, и хорошенько запомните: десять, одиннадцать, двенадцать, четырнадцать, семнадцать, семь франков одиннадцать су, которые нашли при вас. Обратите внимание, я завяжу их в ваш передник… Двадцать четыре франка одиннадцать су… Все они завязаны… Пусть-ка

теперь скажут, что солдаты хуже людей и что нет добрых молодцев между Беспардонными!

Адель рассыпалась в изъявлениях благодарности.

— Хорошо, хорошо, в другой раз поблагодарите, — сказал капитан. — Ступайте спать, вам нужен покой.

— Я думаю, — воскликнул седьмой номер, — после всего, чего она натерпелась, ей-Богу!.. Держитесь-ка за нас, голубушка… Не бойтесь… Я крепок, и товарищ тоже.

— Да, да, держитесь-ка!

Было около двух часов утра, когда Адель довели до дому. Фридрих отворил. При входе в каморку солдаты испугались. Ни малейшей мебели; четыре голых стены, немного набросанной соломы, и на этой подстилке валялись две женщины, без простыни, без одеяла, без малейшего лоскутка, который бы их прикрывал.

— Куда это положить? — спросил один из солдат.

— Давайте, давайте, — отвечал Фридрих, вырывая у него из рук хлеб, в который тотчас же вцепился зубами.

— Словно собака! Как он голоден-то, братец мой! Ну, вставайте, мы принесли вам провизии. Раздели-ка им порцию: есть у тебя нож?

Другой солдат. Нешто мы ножи употребляем?

Разломивши хлеб, он подходит к одной из женщин и берет ее за руку.

— Ну, никак померла?..

Она поворачивается к нему.

— Это ты! Спаситель милосердный!

Затем, увидя кусок, она хватает его и ест с жадностью.

Сузанна, которую позвала Адель, поднялась молча и, посмотрев на свет с ужасной улыбкой, протянула руки.

— Как прекрасны ангелы!.. Видишь, сестра, они меня не обманули… Это Адель! Она с ними! Я съем крылышко. Я знала, что они меня попросят на свадьбу. Она вся в белом!

Какая шляпа у нее! Нет, милостивый государь, я не танцую; после стола уж. Передайте мне этих голубей…

Один солдат. Она бредит.

Адель. Возьми, мой друг, это хлеб.

Сузанна. Хлеб, фуй! Фазан превосходный!.. Десерт!..

Адель. Да, у нее бред.

Сузанна. Устрицы, опять устрицы!

Адель. Но послушай, Сузанна… Это я, разве ты меня не узнаешь? Я, Адель.

Сузанна. Какой хорошенький твой муж!

Адель. Перестань говорить вздор, вот хлеб, держи.

Сузанна. Это мне, не правда ли?

Адель. Да, это тебе.

Сузанна. (Берет хлеб, разглядывает и пробует). Пирог, это от Лесажа; корка превкусная. (Она ест с жадностью).

Один из солдат (товарищу). Как бы я хотел быть богатым!

Другой. И я тоже… Хоть бы для того только, чтобы делать добро подобным людям. У меня сердце разрывается… Слушайте-ка, есть у вас лампа или свеча? Я вам зажгу.

Фридрих. Свеча, когда нет в доме хлеба!

Один из солдат. Оставим мы им наш огарок?

Другой. Правда, капитан ничего не скажет.

Первый. Так пускай он остается. Прощайте, друзья. Постарайтесь быть счастливее.

Адель. Ах, я никогда не забуду, что вы для меня сделали.

Один солдат. Прощайте, прощайте… До свидания.

Другой. Уйдем скорей! Нищета и дружба…

Первый. Тс… Тс… Когда будем за воротами.

Для Адели и ее друзей прекрасен был день, начавшийся с последующей зарей. Солнце вставало над двадцатью четырьмя франками пятьюдесятью пятью сантимами, принадлежащими им. Сколько благословений посылали они храбрым солдатам Беспардонного восемнадцатого полка! Адель была изнурена, разбита вчерашней катастрофой; но она так была

довольна, что принесла отраду в дом, и с началом утра принялась петь. Что касается до Сузанны, то ум ее не был более отягощен обманчивыми галлюцинациями. Сон возвратил ей рассудок, и блестящий пир не раздражал более ее аппетита, удовлетворенного хотя менее привлекательной, но зато более надежной действительностью.

— Я не могу опомниться! — говорила она, — Как, все это дали солдаты? Я готова расцеловать в обе щеки этого доброго капитана.

Адель. А сержант, капрал, наконец, все, они обошлись со мной как лучшие из людей!

Фридрих. Зато они могут вполне рассчитывать, что где бы я ни встретил их полк, всегда дам им на водку, разве только у меня не будет ни полушки за душой. Не правда ли, Генриетта, они вполне достойны, чтобы оказать им любовь и признательность?

Генриетта. О, конечно, мой милочка, мы должны им быть очень благодарны, без них сегодня мы бы умерли.

Глава пятьдесят пятая

Опять зубы на полку! — Член благотворительности. — Аудиенция и газеты. — Доставайте себе работу! — Ведь у вас есть приходский священник? — В порядке правил. — Опять длинная фигура. — Второй завтрак

Сумма в 24 франка 55 сантимов не есть неистощимый капитал. Друзья, зная это, всячески старались достать работы, но нимало в том не успели. На другой день утром об обеде уже не помышляли.

— На этот раз нам придется положить зубы на полку, — Сказал Фридрих. — Как вы думаете, Адель?

— Я не знаю, у меня есть предчувствие. Я непременно чего-то добьюсь в этом отношении.

— Вы не будете иметь успеха. Когда кто-нибудь в несчастье, делай что хочешь, все ничего не выйдет.

— Все равно, зато мне не в чем будет упрекать себя.

Адель вышла и направилась к члену благотворительности. При виде роковой скамьи, на которой так недавно столько страдала, она содрогается, колеблется и едва не возвращается назад. Но нет еще полудня, ее должны принять… Вооружившись решимостью, она переступила порог.

— Куда вы? — останавливает ее неумолимый дворник.

— К барину.

— Еще раннее утро. Приходите в одиннадцать часов.

Адель приходит в одиннадцать. Войти можно. Она входит и после долгих ожиданий и дерзких расспрашиваний в передней получает наконец желаемую аудиенцию.

Член принял ее небрежно, сидя в кресле и читая ежедневный листок, одна статья которого вызывает у него улыбку.

— Что вам нужно? — говорит он.

Адель подробно описывает страшную картину своего положения. Член не прерывал все время своего чтения; уже минут двадцать прошло, когда он, бросивши газету на столик, проговорил про себя:

— По всем соображениям я перейду к Variete. (Вслух). А, вы тут, голубушка! Так вы говорите…

— Милостивый государь, я вымаливаю…

— Да, я вижу, в чем дело. Вы мать семейства?

— Нет.

— Вам нет шестидесяти лет. Вы чем-нибудь нездоровы?

— Нет.

— Вы молоды, у вас здоровые руки, чего еще нужно? Чтобы благотворительный комитет содержал вас и дал возможность ничего не делать?

— Я могу работать и ничего не желала бы лучше.

— Разве мы должны доставлять вам работу?

— Ах, милостивый государь, если бы вы были настолько добры; я в страшной нищете.

— Возможно ли комитету помогать всем таким, как вы? Есть у вас рекомендации? Знаете вы кого-нибудь?

— Нет.

— Подкрепите чем-нибудь вашу просьбу, а там посмотрим.

— Но, сударь, чем же я могу ее подкрепить?

— Разве у вас нет в приходе священника? Очень просто, принесите от него письмо.

— Это потребует времени, а я без хлеба.

— Тем хуже для вас. Я ничего не могу тут сделать.

— А пока что же со мной будет? Стало быть, я должна сделаться воровкой?

— Как вам угодно, но так в порядке правил. Затем нам не о чем больше толковать. Прощайте, прощайте.

Он встал и позвонил.

— Что же вы еще стоите? Вы, стало быть, меня не слыхали?

— Извините, — прошептала Адель, узнавая по длинным складкам его громадного халата ту личность, которая распоряжалась полицейскими.

Вошел лакей.

— Что прикажете?

— Скажите в кухне, чтобы подавали мой второй завтрак, и скорее, потому что я умираю с голода. Да велите к трем часам заложить карету.

— Барин отправится на биржу?

— Да, ступайте.

Адель стояла неподвижная и безмолвная.

— Ну если вы до завтра будете смотреть на меня, что вам от этого прибудет? Или вы хотите заставить меня вас вывести за плечи? Повторяю, ступайте к священнику.

Адели нечего было возражать. Негодующая и вместе смущенная, она проговорила:

— Благодарю вас; я последую вашему совету.

И она удалилась.

Глава пятьдесят шестая

Священник должен быть сострадателен. — Канонисса. — Набожность. — Любопытство. — Какова духовная трапеза! — Пожалуйте в ризницу!

Адель направляется к священнику. «Если меня оттолкнут, — думает она, — ну так я себя не оттолкну, и если судьба все будет преследовать меня, вина будет не на моей стороне. Я испробую все средства спасения. Но как приступить к этому священнику? В церковь я не хожу, он меня никогда не видал; еще, пожалуй, станет меня упрекать. Да и то сказать, не съест же! Это священник; они должны быть милостивы и человеколюбивы; религия повелевает им призревать всех. И притом, чего я прошу? Письмо, это так немного стоит. Нет, лучше умереть, чем опять идти к этому злому благотворителю…»

Продаваясь таким размышлениям, Адель подходит к дому священника; сторож указывает ей в конце двора крыльцо.

Адель направилась к нему и после долгого напрасного стучания толкнула дверь и вошла в залу, где на буфете разложены были разные пирожки и сласти. Кругом суетились и бегали туда и сюда несколько женщин.

— Вот так лучше.

— Нет, вот так.

— Вид превосходный.

— Что вы скажете о моей меренге[8]?

Все они так были озабочены, что Адель приблизилась, не будучи замеченной.

— Да посторонитесь, вы мешаете. Вот чуть было не изломали миндальное пирожное!

— А вы зачем здесь? — последовал вопрос.

---

[8] Пирожное.

— Вам что-нибудь нужно? — спросила канонисса, по-видимому, распоряжавшаяся всеми этими приготовлениями, — Машенька, спросите, что им угодно?

Девица Мария подошла к Адели.

— Что вы желаете?

— Я желала бы иметь честь переговорить с батюшкой.

— Если у вас что-нибудь очень нужное, вы можете сообщить мне; это все равно, как бы ему самому; я передам ему в точности. Быть может, это относительно какой-нибудь требы или по вашему личному делу?

— Мне нужно наедине поговорить с ним.

— Наедине?.. О! Но так не разговаривают с батюшкой.

— Напишите ему просьбу об аудиенции, и если он захочет принять вас, он вам ответит.

— Он ответит, но завтра уже будет поздно.

— Когда вы так спешите, то, мне кажется, можете поверить мне ваше дело.

— Я могу его передать только священнику.

— А, это другое дело, я не хочу допытываться. Если я вас спрашиваю об этом, то только в вашем же интересе… Коли у вас секреты, то храните их при себе; я слишком добра, принимая участие…

— Так как мадемуазель Мари здешняя экономка, — сказала одна из присутствующих, — то почему вам скрываться от нее?

— У всякого свои причины.

— Боже сохрани нас стараться проникнуть в ваши, моя милая; нами руководит не любопытство. Нам любопытствовать! Спаситель милосердный, нет, это не наш порок. Но было бы лучше, если бы вы нам сейчас же объяснили.

Тщетно Адель старалась с твердостью отражать град вопросов, посыпавшихся на нее. В эту минуту прибыл молодой аббат, по-видимому, пришедший прямо со службы. В руках у него был подсвечник, и он утирал себе лоб.

— Хрисостом, гляди же, куда ты ставишь ноги!

Так говорил он толстому малому, руки и ноги которого одинаково подгибались под тяжестью сорока бутылок, превосходно уложенных в корзине.

— Осторожнее, здесь порог. Вот так. Ну, теперь наш шамбертен спасен. Не без труда, не правда ли, ключник? Te Deum laudamus!

— Батюшка, где вы его взяли? — спросила экономка Мари. — Из заднего погреба?

— Да, из погреба Кометы.

— Слава Богу.

— Знаете ли, что он убавляется по мере того, как из него пьем? Эх, кабы Господь послал нам еще такое же небесное светило!

Он выпрямился, увидя вдруг Адель, как бы пораженный присутствием незнакомого человека.

— Я не знаю эту даму?

— Мадам пришла переговорить со священником.

— Со священником, а! У него и без того много дела. (Адели). Вы не могли выбрать более неудобное время; батюшки не будет целый день, У нас приглашены на обед фабриканты и отцы миссии; известно, что за угощением (с любезным видом) знаешь только начало, а конца никогда не знаешь… Что же вам угодно от батюшки?.. Вы принадлежите к его пастве?

— Я не знаю.

— А кто же знает, кроме вас?.. Ах, черт возьми, черт возьми, да, да (он бормочет), я вижу, вижу, вы к нему собственно… да я, во всяком случае, не имею времени вас выслушать, у меня дел по горло… Не советую вам обращаться по окончании службы, батюшка устанет, захочет прилечь, отдохнуть, а потом надо садиться за стол… Нет, — размысливши, — лучше всего напишите ему.

— Мы то же самое сказали ей, — отвечала Мари.

— Или, — продолжал аббат, — есть еще одно средство.

— Ну, аббат, — вскричала гувернантка, — знайте свое дело. Или вы думаете, что я не указала бы ваше средство так же хорошо, если бы хотела? Но вы знаете, как доволен бывает батюшка, когда к нему приходят в ризницу.

— В ризницу, — прошептала Адель, как бы озаренная лучом, и тотчас же, отвесивши поклон, на который ей не ответили, поспешно пошла прямо в церковь.

Глава пятьдесят седьмая

Пономарь. — Параллель двух священников. — Старый и новый. — Он позолотил дарохранительницу, а разве это хуже благотворительности! — Истинная благотворительность. — Картина страшной нищеты. — Права на щедрость. — Вы преступница! — С голоду никто не умирает. — Апостолы тоже ходили босиком. — Исповедь. — Опять длинная фигура. — Сострадательный актер

И вот она под сводами святилища и, наконец, входит в ризницу. Пономарь просит ее подождать священника, который в гардеробной снимает облачение.

— О, — говорит он, — батюшка достойнейший человек.

— Как вы меня утешаете!

— Великодушен и сострадателен. Счастливы находящиеся около него! Приход ему многим обязан. Во-первых, он позолотил дарохранительницу и решетку на хорах. На это истратил двадцать тысяч. Затем при нем мы получаем больше жалованья, чем при его предшественнике, упокой Господи его душу! За тем, бывало, по пятам толпа нищих, лентяев и всякой дряни, из-за них мы сидели на одном законном доходе. Он был готов посадить нас на солому… И сам-то от всего отказывался; невозможно быть до такой степени своим собственным палачом; последний из каменщиков жил лучше него. Кабы, кажется, он мог, он бы с удовольствием остался из-за них совсем голым. Правильная благотворительность начинается с самого себя и своих близких, Притом глава представительства, он имел вид нищего: поношенная ряса, старая шляпа, заштопанный стихарь; ему можно было дать лиард в руку, а за всю его одежду не дали бы и лиарда. С нами же он был, как собака, как будто церковный причт не беднее других; словом, это был янсенист. Был слух о возведении его в сан епископа; я от души пожалел бы епархию, которая бы ему досталась. Но воспаление легких, схваченное им

одной зимней ночью, когда он носил предсмертное причащение больному, отправило его к праотцам… Вот и батюшка; если бы я не обратил внимания, он бы ушел.

— Что вы мне скажете? — спросил священник у Адели.

— Перед вами бедная женщина, не знающая, куда преклонить голову; но что особенно меня убивает, это то, что я не одна, нас четверо. Да, батюшка, четверо: три женщины и мужчина… Ни крохи хлеба, чтобы утолить голод; никакого лоскута, чтобы продать или заложить. Кабы вы могли заглянуть в нашу лачугу, вы содрогнулись бы. Впрочем, вы можете и сами судить, перед вами образчик: от мороза камни трескаются, и по такому холоду у меня нет другой одежды, кроме этого ситцевого платья, да и то все изорвано, и вы видите, что я в худых чулках и башмаках.

— К несчастью, я вижу; но что хотите вы, чтобы я сделал? Апостолы тоже ходили босиком.

— Во имя Господа, не оставьте нас. Если вы откажетесь помочь нам, все для нас кончено.

— Вот еще одна! Они все думают, что мы катаемся на золоте и серебре; слушая всевозможные клеветы на наш счет, можно подумать, что мы куем деньги. Нас атакуют, преследуют… Есть благотворительный комитет… Почему вам туда не обратиться?

— Ах, батюшка, в комитет, когда умираешь с голода!

— Пустяки; в Париже никто с голоду не умирает.

— Праведный Боже! Есть состояние ужаснее нищеты! Это нищета, которой не верят.

— Я не сомневаюсь насчет того, что вы мне рассказываете о своем положении, но на нет суда нет. Притом, какие ваши права на щедрость верующих? Правда, я заведую раздачей, но я должен отдавать отчет в милостыне. Кто вас привел ко мне? Причащаетесь ли вы святых тайн? Кто ваш духовник?

Адель опустила глаза и молчала.

— Я заслуживаю всевозможных упреков, — произнесла она наконец рыдая. — Я великая грешница.

— Вы сильны, хорошего сложения, почему вы не работаете?

— Мне работать! Меня избегают, везде отказывают. Вы правы, мы прокляты, проклятие всюду преследует нас. Отчего я не могу снова начать свою жизнь! Кокетство уже не соблазнило бы меня. В молодости не предвидишь, что из этого может выйти. Лучше было бы мне сломать себе шею, нежели послушаться развратницу, которая оторвала меня от родителей. Она прельщала меня тряпками, а я вообразила, что она желает мне добра! Она причиною всего; она увлекла меня в пропасть, без нее я никогда, никогда не узнала бы тех, кто обольщал меня. Я никогда… (Она закрывает лицо руками). Отец и мать мои умерли с горя! А я, их дочь, вместо того, чтобы исправиться, дошла до высшей степени беспутства! О, я жестоко была за то наказана, а теперь еще больше страдаю. И вместе с тем я шестнадцать лет провела в Сен-Лазаре. Да, шестнадцать лет.

— Как! Вы заклеймены преступлением и осмелились прийти сюда!

В эту минуту показался церковный староста и позвал священника. Адель побледнела при виде этой высокой фигуры, так как староста оказался тот же самый член благотворительности. Священник поспешил ее спровадить. При ее выходе драматический актер, свидетель ее отчаяния, положил ей в руку двадцатифранковую монету.

— Не теряйте мужества, — сказал он, — не плачьте, есть добрые души… Вы их найдете. Притом Провидение милосердно, а у вас есть чем просуществовать сегодня…

— Ах, без вас…

— Не будем говорить о том. Ступайте завтракать, вот главное. Довольно…

Друзья Адели нетерпеливо ждали ее возвращения. Входя, она бросила им двадцатифранковую монету:

— Вот возьмите!

— Золотая монета!

— Да, мне дал ее добрый актер.

— Актер!

— Я расскажу вам после, а теперь надо идти за провизией… Ну, друзья мои, член благотворительности и все эти святоши, что это за исчадие! Что за чудовища! Нам надо хоть самим-то себя пощадить; жить так, чтобы на всю жизнь достало, потому что когда у нас ничего не будет, то у священника нам не помогут. Прежде всего мы закусим в харчевне, просто, чтобы не умереть; баранья голова и щи — вот наше меню, слышите ли? А там мы увидим, что делать.

Скромная трапеза скоро была окончена, затем пошли на рынок и купили два мешка картофеля и других овощей… Пятнадцать франков было истрачено, но зато, при умеренном аппетите, припасов должно было хватить на целый месяц.

Глава пятьдесят восьмая

Посещение благотворителей. — Погребальная колесница. — Похоронная процессия. — Нищие. — Панихида. — Лакеи. — Правда после смерти. — Начальник траурных фигурантов. — Великие добродетели. — Барабан гремит. — Страшное воспоминание. — Боже! Это он. — Не привидение ли это? — Суетность нечестивца. — Духовенство. — Гробовой покров. — Опять длинная фигура

Месяц этот прошел очень скоро. Друзья, усердно вытоптавшие все мостовые в поисках работы, почувствовали снова приближение голода. Был конец марта.

— Тридцать один день без хлеба, безделица в Пруссии!

Таковы были первые слова слесаря по пробуждении.

— О, бедность, убившая моего отца! — вскричала Сузанна.

— Это совершенная правда, и вот мы теперь погрязли в нее по горло, — отвечала ее сестра.

— Да, — продолжал Фридрих, — мы пришли в то же самое положение, в котором были месяц тому назад, день в день. Если бы Адель встретила опять кого-нибудь из Беспардонного восемнадцатого, которые были так добры к нам, или хоть бы этого актера…

— О, я скорее найду камень размозжить себе голову!

— Нет, вы счастливы, всегда выводили нас из затруднения. Если и опять попытаетесь, то не придете с пустыми руками.

— Дни идут один за другим и не походят друг на друга.

— Зачем отчаиваться в успехе?.. У вас всегда бывало счастливое наитие; нельзя сказать, что этого и вперед не будет.

— Что хотите вы, чтобы я сделала?

— Офицер, солдаты, которые возвратили нас к жизни, и этот великодушный актер, они не умерли.

— Да, но где их разыскать? Что касается до полка, это, положим, еще нетрудно, но имени актера я не знаю, и подите отыщите иголку в стогу сена.

— Вы знаете, какого он прихода.

— Правда, друзья мои, я должна их отыскать; середины нет. Я их найду, и они не дадут нам погибнуть.

— Вот это я люблю, честное слово!

Адель недолго собиралась и побежала прямо в казармы; соседи сообщили ей, что полк накануне вышел из города, Это было для нее громовым ударом, потому что мало было надежды разыскать жилище актера, ее последнего благодетеля; мрачная и задумчивая, волнуемая смутными предчувствиями, она соображает гибельные последствия новой неудачи. Приближающийся шум выводит ее из задумчивости; длинная вереница похоронного шествия медленно подвигается; во главе едет погребальная колесница, запряженная четырьмя лошадьми, покрытыми перьями и попонами, и окруженная трофеями; за ней следуют двадцать четыре кареты, обитые черным сукном. Такие пышные похороны могут быть только для знатного лица…

— Тут будут плакальщицы, — подумала Адель, — я присоединюсь к ним, и мне заплатят. Она опередила колесницу и увидала громадную похоронную часовню, покрытую тоже черным. Неподалеку сотня плохо одетых мужчин и женщин сновали туда и сюда. Одни прохаживались, другие с ожесточением прикладывали руки к груди, третьи предпочитали согреваться в соседнем кабачке маленькой рюмочкой отрадной влаги.

Это обычные посетители всех похорон. Адель для них новая личность; хотя она и рта не открывала, но никто не ошибался насчет ее намерений. Она им подозрительна, и, сговорившись заранее, все соглашаются удалить ее.

— Не спешите так, — кричит ей один из нищих, — нас полный комплект.

— Эта… куда… идет? — говорит пьянчужка, стараясь ей загородить дорогу.

Затем вмешалась бывшая торговка рыбой:

— Ты, послушай-ка, чего лезешь не вовремя, и тоже, чай, с расчетом на получку? Три ливра[9], факел и тряпье — всего этого не видать тебе, как ушей своих. Ты думаешь, встала рано, и довольно, нет, еще надо прийти вовремя. Эй ты, кум, вот им нужно аршин саржи! Ты, волокита, не уступишь ли ей свою?

— Да разве она записана в списке на получение черного сукна?

— Да, да, записана, им нужно тряпье. Тряпье что — пустяк, а вот монеткой они не побрезгуют.

Несмотря на эти язвительные замечания, Адель продолжает свой путь и, проходя мимо швейцарской, не будучи замеченной, пробирается к галерее, замыкавшейся решетчатой дверью. Там сидела толпа лакеев, одни громко разговаривали, другие играли в карты, тогда как за несколько шагов от них, в прихожей, два священника совершали перед гробом панихиду.

— Я всегда забирал ключи от погреба, — сказал один лакей.

— Я от буфетной.

— Не всякий день хоронят герцога; он порядком бесил нас при жизни. Хоть на похоронах-то немножко повеселимся.

Затем под предлогом, что о мертвых надо говорить правду, на покойного герцога стали возводить обвинения одно ужаснее другого.

Пришли могильщики, и вся орава лакеев разбежалась.

Адель, отворивши тихонько дверь, вошла незамеченной и не смела дохнуть, боясь получить отказ за несвоевременную помеху. Притаившись в углу за печкой, после речей и игр дворни, она вдруг явилась, как привидение.

— Откуда это?

— С облаков, что ль она упала?

— Берегись! Берегись!

---

[9] Ливр — монета в 25 копеек серебром.

— Что вы тут делаете?

Каждый смотрит на нее, как на нечто необычайное. Многие мимоходом обращаются к ней с вопросами, не дожидаясь ответа. Глядя, с какой поспешностью они вставали и суетились, можно было подумать, что это полк казаков, настигнутый на бивуаке французским авангардом; они были как тени, появляющиеся и исчезающие. Адель подходит то к той, то к другой и начинает голосом просительницы:

— Барин…

— Мне некогда, — грубо отвечает тень.

— Сударь…

— Я нездешний.

— Господин швейцар, к кому должны представляться бедные?

— Там есть. Смотрить этой гаспадин, с пера на шляпа, на крыльцо, с целый маншеты и шорный манто.

— Господин в жабо и со шпагой?

— Тошно так, серемонимайстер.

— Да, начальник фигурантов, — сказал слуга-негр, ударяя по плечу швейцара.

Адель подходит к распорядителю похорон, которому в двух словах излагает свою просьбу.

— Ваше имя? — говорит он, вынимая из кармана памятную книжку.

— Адель д'Эскар.

— Вас нет в моей книжке, вы только теперь проситесь? Представлялись вы в управлении?

— Нет; но я бедна, как только возможно быть бедной.

— Это не идет к делу. Вы записаны? Или принадлежите к благотворительному заведению?

— Нет.

— Так чего же вы хотите?.. Управление присылает бедных, оно поставляет сукно, оно поставляет тряпье, оно все поставляет.

— Я вижу, что мне здесь нечего делать, — говорит Адель.

Она намеревается удалиться, но толпа загораживает выход и, не будучи в силах двинуться ни взад, ни вперед, она остается стиснутой в средине, имея случай слышать следующий странный панегирик.

— Ну, слава Богу, наконец схоронят этого негодяя!

— Ему такой же почет, как и собаке.

— Говорят, он назначил десять тысяч франков бедным.

— Они пройдут через столько рук…

— Называют это даянием, а это просто обратная отдача. Никогда он им не даст столько, сколько взял у них.

— И между тем произнесут прекрасную речь на его могиле, и будет прекрасная надпись на его памятнике.

— Мрамор все равно что бумага, он все стерпит.

— Пер-ла-Шез (кладбище) — это долина добродетели.

— Долина добродетели… Да, для тех, чьи пирамиды оскорбляют небеса. А нас, бедняков, просто снесут в общий ров; горсть земли, и все кончено; никто не увидит, не узнает, мы не оставляем следа.

— Зато оставляем за собой сожаления, это лучше того; и притом мы никому не делаем зла.

— Согласен… Однако, может быть, это слабость, только я не пожелал бы быть брошенным в общую яму.

— А не все ли равно? Коль скоро меня нет, пусть кладут куда хотят.

— Совершенно разделяю ваше рвение, плевать на это.

— Вот у герцога будет монумент. Это может потешить только глупца. Будь он хоть из алмазов, все такая же дрянь, как и всякий другой.

— Слушайте, слушайте, барабан бьет.

— Разве будет войско?

— Смотрите, это ветераны.

— Они расстреляли маршала! Храбрейшего из храбрых!

— Да, Нея, но они его все-таки не осудили.

— Можно думать, что нет; они все плакали, как дети.

— Не странно ли? Солдаты заряжают ружья!

— Разве вы не видите, что это для отдания почестей?

Послышался глухой барабанный бой, мрачный гул которого возвестил начало шествия.

— Ну, бедные, по местам! — скомандовал церемониймейстер.

Начался марш; толпа провожатых проходит с кортежем, Адель со стесненным сердцем пробирается вон сквозь толпу нищих, удовольствие которых при виде спроваженной соперницы выражается сатанинским смехом. Забывая, что им предписано быть печальными и задумчивыми, эти привилегированные посетители похоронных торжеств шумят, толкаются, помахивая факелами и стараясь поскорее погасить, чтобы у них побольше осталось. Радость их ужасна и напоминает радость демонов при виде мучений грешника.

Адель, поддразниваемая ими, ускоряет шаги, не смея оглядываться назад.

— Что, утерли нос-то! — рычит одна из фурий, приветствовавших ее еще при приходе.

— И хорошо! — подтверждает другая, — Она не хотела мне верить!

Адель принуждена удалиться; но и при полнейшем несчастьи все еще остается слабый луч, который не перестает блестеть, подобно спасительному маяку. Она все еще продается иллюзии, надеясь разыскать актера, который уже раз протянул ей руку помощи, С этой надеждой входит она в преддверие церкви; нашелся даже человек, который мог указать ей жилище благодетеля.

Она пришла в ту минуту, когда тело несчастного, принесенного в церковь, было отвергнуто как отлученного от церкви.

Смутным, мертвенным взглядом провожала Адель удалявшиеся траурные дроги. Слез у нее не было; но ей представилась как бы пустыня. Все стушевалось, все исчезло; круг

расширился; сами здания, как бы движимые в своем основании, точно уперлись в беспредельный горизонт. Ей тяжело; безмолвие пустоты давит ее, как свинцовый гнет мучительного кошмара. Земля вертится и точно уносит ее с собой. Или это видение смерти? Барабанный бой раздается в воздухе: то похоронный звон, звон ужасный, Головокружение проходит; удалявшееся приближается, двери поворачиваются на петлях, обе половинки растворяются. В длинной перспективе необычайного похоронного шествия выставляется суетность нечестивца; храм обращается в склеп, на всем простирается смертный покров: галереи, своды, освящение, поклонение Божественному Учителю; алтари, святые — все скрыто под завесой гордости. На темном фоне, усеянном гербами, щитами, девизами, серебряными блестками, выдаются, как в темную ночь, мерцающие огоньки бесчисленных светил… Колесница останавливается, появляется крест и позади все приходское духовенство, священники, дьяконы и поддьяконы, с викариями во главе. Тело положено на носилки; певчие, дети и взрослые, начинают плач Dies irae… Три друга покойника наперебой стараются держать кисти гробового покрова, является четвертый, ему кланяются с уважением и уступают место. И эта личность, пред которой столь почтительно преклоняются, опять все та же длинная фигура! Адель ее узнала.

«Это слишком! — подумала она. — Везде я его встречаю, и везде ему оказывают почет. Это заблуждение, ложь, несправедливость! Я его ненавижу! Проклинаю!»

Глава пятьдесят девятая

Что делать? — Отчаяние. — Служанка. — Неожиданность. — Всякий сам для себя. — Нет более Бога! — Страшная решимость. — Дверь заперта. — Предсмертные предосторожности. — Чугунная цепь. — Единодушие. — Страшные страдания. — Неудача в самоубийстве. — Между смертью и преступлением. — Честная жизнь

Этой ненависти ко всему роду человеческому Адель не может более сдерживать; еще немного, и она перейдет в бешенство. Раздраженная, почти взбешенная, она проходит улицы, площади, перекрестки. Идя без цели и не успев еще очнуться, она очутилась у своей квартиры. Она уже у дверей и хочет войти, но, пораженная внезапной мыслью, возвращается назад, входит в лавку, тотчас же выходит оттуда и снова направляется к дому. Сузанна, караулившая ее возвращение, заметила, что она в необычайном настроении духа; идя навстречу, она расспрашивает ее с беспокойством, Адель отталкивает подругу, не отвечая идет по комнате, ни на кого не смотрит, подходит к окну и хватается за задвижку с конвульсивным движением; она дрожит, вздыхает, топает ногой и рвет на себе волосы.

Сузанна. Да скажи же что-нибудь, Адель; ты нас пугаешь.

Фридрих. Что с ней могло случиться? Она смотрит таким зверем.

Оверньятка (отворяя с шумом дверь). Здесь что ли спрашивали углей?

Адель (сердито). Да, поставьте там. Вам заплатили?

Оверньятка. Я и не спрашиваю. Я и огонь тоже принесла, как вы приказали.

Адель. Хорошо… Вы можете идти!

Оверньятка. Тут две мерки, хорошо отмерено, слышите ли? Когда вам понадобится еще что…

Адель. Или вам еще повторять надо? Сказано, хорошо!

Оверньятка удаляется ворча.

Сузанна. Зачем эти угли? Тебе надо варить что-нибудь?

Адель. Нет.

Сузанна. Ну, так ты с ума сошла.

Адель. Слушай, Сузанна… Выслушайте, друзья мои. Я совершенно в здравом уме; но решение мое неизменно… Я не хочу больше страдать… Это не жизнь, как мы живем… У меня оставалось сорок су. Я их спрятала… нарочно на этот случай… Теперь время пришло… Вот на что я их употребила.

Сузанна. На уголья… Вместо того чтобы купить хлеба!

Адель. Хлеба!.. Как это было бы надолго! Нет, друзья, мне опостылела жизнь… Если вы согласны со мной, то я знаю, что мы сделаем.

Фридрих. А что мы сделаем?

Адель. Мы разожжем здесь жаровню.

Сузанна. А потом?

Адель. Когда она будет достаточно раскалена, мы затворим двери, заткнем все щели и поставим ее посреди комнаты.

Генриетта (плача). Как! Ты хочешь, чтобы мы погибли?

Сузанна. Мы все умрем!

Фридрих. Что ж, вы будете хныкать?.. Адель права; это одно нам остается; верите ли, Адель, я сто раз намеревался предложить вам это, но все видел вас такой неустрашимой во всем и сказал себе: мужчина не должен первый давать подобный совет. Но от участия я не отказываюсь.

Генриетта. И ты также!

Фридрих. Когда нет более надежды… Я являлся к подрядчику над чисткой улиц, хотел быть метельщиком, чистильщиком сточных труб; хотел чистить отхожие ямы. Нет для меня места! Предлагал даже живодерам работать за полцены. Нет места! В Клиши, на белильной фабрике, где люди мрут, как мухи, и то нет места! У меня спрашивали аттестат. На зеркальном заводе, где отравляют ртутные пары, и там нет места! Надо протекцию. В гавани, для разборки судов в

канале, для возки тачек с землекопами, я тоже не имел успеха. Нельзя не содрогаться при мысли, что каждый день так отказывают. В больнице, в Валь-де-Грас, где требовалось сменять больничных служителей, меня не приняли, потому что я не был рекомендован доктором. Мне говорили, что версальский палач нуждался в помощнике…

Генриетта (с ужасом). И ты хотел предложить себя!

Фридрих. Успокойся, и не подумал… Это только сказано в доказательство, как трудно нынче найти что-нибудь. Более трехсот лиц добивались этого места… И меня, освобожденного преступника, конечно, ни за что не приняли бы… Без меня было бы кого выбрать… Кабы я попытался, то только бы к своему стыду… И вот, когда дошел до этого!..

Генриетта. Ну, у меня отлегло от сердца.

Сузанна. И у меня тоже.

Адель. Я боялась…

Фридрих. Мне — сделаться лакеем палача!.. Вы меня все-таки знаете, Адель… Всякая другая профессия, почему нет?.. Но чтобы дойти до этого… Скорее копать колодцы. Словом, все мы под несчастной звездой. Только Адель нашла лекарство.

Сузанна. Хорошо ее лекарство!

Фридрих. Что же делать! Ведь вот тебе обещали дать штопать чулки, у тебя было бы несколько су, и мы на них бы пока прожили. Когда ты пошла за ними, что тебе ответили? Что ты была в остроге, и тебе нельзя доверить работы.

Сузанна. Какое несчастье!

Генриетта. Мы могли бы снять палатку и торговать.

Фридрих. А что продавать? Чтобы нас схватили… Разве есть у нас дозволение? Его надо купить, а также нужны деньги на товар, хотя бы то был трут. За что вам дадут его? Не за мою ли бороду?

Сузанна. Я хочу публиковаться в листке объявлений, хоть ходить за детьми…

Фридрих. Листок объявлений! Хорошо тоже, нечего сказать; если у тебя есть какой грош, снеси им, они возьмут его с удовольствием. А затем такую, как ты какие хозяева захотят взять? Положим, что возьмут, но рано или поздно они узнают, кто ты; если случится воровство в доме, кого обвинят? Тебя! А воровать будут, потому что воруют безнаказанно там, где есть освобожденные из острога. Они тут — все на них падает… Чем более я размышляю, тем более нахожу, что самое лучшее для меня, как и для вас, это покончить…

Сузанна. Он не отступается от этого!.. О, лучше бы я ее оставила броситься в воду!..

Генриетта. Если она решалась топиться, это ей ничего не стоит…

Адель. Неправда… мне это стоит; я солгала бы, сказавши противное… Это мне много стоит… Ничего нет дороже жизни; надо было мне очень ею дорожить, чтобы сделать все то, что я делала… чтобы вытерпеть, что я вытерпела. Какие у вас ресурсы… также как и у меня? Если бы вы были моложе, вы могли бы торговать собою; да и это что за участь? Пример перед вами… Я была хороша собой, можно сказать без хвастовства, и куда меня это привело?.. На нашем месте нельзя колебаться… Или вам нравится лучше умирать с голода?.. Вспомните ночь, когда я пришла с солдатами; чего вы натерпелись… Теперь уже солдат нет…

Сузанна. Нет солдат?

Адель. Они уехали.

Генриетта. А актер?

Адель. Отыщи его в гробу.

Генриетта. Умер!

Фридрих. Огонь погасает.

Адель. Еще горит (кладет его на уголья). Я зажгу. Решились вы?

Сузанна и Генриетта в испуге кричат, Фридрих бросается к двери, запирает ее в два раза и кладет ключ в карман.

Фридрих. Кричите теперь.

Генриетта (бросаясь ему на шею, тогда как Сузанна хватает его за руки и обливает их слезами). Фридрих, друг мой, умоляю тебя! Разве я уже более не твоя Генриетта?

Фридрих. Чего ты хочешь от меня?

Генриетта. Как, я буду тут умирать перед тобою? И у тебя хватит силы!

Фридрих (с волнением, стараясь высвободиться из ее объятий). Ах, оставь меня… я не могу…

Генриетта. Ты увидишь мой труп.

Фридрих. Мне однако тяжело.

Генриетта. Ты отворачиваешься… не отвечаешь мне, взгляни же на меня, друг мой.

Фридрих (растроганный). Ну что?

Адель (в сторону). Он не выдержит. Как я жалею, что не сделала всего одна.

Генриетта (целуя Фридриха). Ты не хочешь теперь умирать, не правда ли?

Фридрих. Отчего не могу я ей противиться! О, женщины!.. Когда любишь! Но все равно… Я все преодолею, мы не умрем.

Адель. А хлеб?

Фридрих. У нас он будет. Вы слышали о шайке Видока?

Адель. Слишком!

Фридрих. От меня зависит попасть в нее, у меня будет три франка в день, мы их разделим.

Генриетта. Как, ты будешь… О, друг мой, умрем. Теперь я предлагаю это тебе.

Сузанна. Я не отступаюсь.

Адель. Уголья разгораются.

Фридрих. Осторожнее, не сделайте пожара; в доме дети.

Генриетта. Невинные малютки! Не надо их жечь.

Адель. А быть может это было бы для их же блага.

Сузанна. Довольно и нас… Четыре человека! Это не всегда встречается. Напишут в газетах.

Фридрих. Напишут о нас?

Адель. Это заставит говорить о нас в Париже, все-таки утешительно.

Генриетта. И, может, это послужит другим… Как знать?

Адель. Уголья разгорелись.

Сузанна. Можно поджарить быка… Итак, это наш последний день!

Адель. А ведь еще не все сделано… Вы не обращаете внимания! Могут нас увидать напротив; не закрыть ли окно одеялом?

Фридрих. Это лишнее; тут только каменщики. Они на крыше, это так высоко! Притом, кажется, теперь их обеденный час; а при возвращении…

Генриетта. Все будет покончено. Надо закрыть трубу?

Адель. Да, да.

Генриетта (накладывая крышку). Фридрих, прошу у тебя одной милости.

Фридрих. О чем?

Генриетта (подымая чугунную цепь). Женщина никогда не бывает так тверда, как мужчина. Я решилась, но…

Фридрих. Досказывай, мой друг.

Генриетта. Я не надеюсь на себя! Видишь эту цепь… Если я переменю намерение… (Сжимая ему нежно руку). Ты понимаешь…

Фридрих. Я понял… Ужасное положение!

Сузанна. Все готово; что надо делать?

Адель. Ничего… лечь и дожидаться.

(Она бросается на пол. Сузанна, Генриетта и Фридрих следуют ее примеру; двое супругов обнимаются).

Сузанна. Смерть! Если я закрою себе лицо, мне кажется, не так будет страшно… Я ее не увижу… (Она закутывается платком).

Генриетта. Фридрих, закрой мне передником глаза. Свет меня приводит в отчаяние.

Адель. А я хочу его еще видеть.

Генриетта. Я не могу продохнуть.

Сузанна. Мне тошно. Я задыхаюсь!

Адель. А у меня начинает болеть голова.

Генриетта. У меня мозг горит!

Сузанна. Чувствуешь ли ты, так же, как я, испарину, тягость?

Адель. У меня точно повязка на лбу, и такая тяжесть в членах.

Фридрих. Странно, я ничего не чувствую. Это, может быть, по привычке.

Адель. У меня в глазах темнеет; точно на них упала завеса, они отекают; все кружится вокруг меня!

Сузанна. Страшное стеснение в груди.

Фридрих. А я как железный!

Адель. У меня кровь леденеет.

Фридрих. И я их переживу!

Генриетта. Фридрих, друг мой, голова у меня трещит. О, какая боль! Они мне грудь разрывают. Отними эту змею, которая грызет мне сердце!.. Куда ты меня несешь? Кто меня поднимает? Ты?.. Теперь мне лучше, мне хорошо. О, какое наслаждение! Мне легко. Я просто в раю! Прощай, Фридрих, Друзья мои, молитесь за меня.

Адель. Голова моя… о, невыносимая тяжесть! Сердце выскочить хочет. Как оно бьется… Какое головокружение!

Сузанна (катаясь по полу). Они мне разорвут барабанную перепонку со своими молотками… Облако… идет… О Боже… Я не могу его остановить… Душа моя выходит… Помилосердуйте.

Фридрих. Генриетта! Генриетта! (Трясет ее). Ее уже нет, а я!.. Кабы у меня был пистолет или какое другое оружие!..

Он быстро встает и, раскрывши шкаф, схватывает нож.

— Слава Богу! Я могу теперь с ней соединиться!.. Могу заколоть себя! Тут, возле нее… на ее трупе… прольется моя кровь!.. Бок о бок с нею… Тут оно бьется, а бьется ли еще ее? (Он наклоняется и кладет ей руку на сердце). Нет. (Целует ее и направляет лезвие в грудь). Постараемся не промахнуться!

Он готов пронзить себя. Как вдруг послышался шум: «Берегитесь, берегитесь внизу, убьет!» Нож у него выпадает, окно отворяется с шумом, разбитые стекла с треском влетают в комнату, и в то время, как с лестницы поднимается в воздух успокоительный крик каменщика: «Никого не ушибло, не ранило, и никто не умер», огромный кусок штукатурки, выброшенный, как глыба, с покатости кровли, упал к ногам Фридриха.

— Ну, — сказал он, — даже умереть спокойно не дают! (Глядя на Генриетту). Вот счастливица!

Между тем воздух освежился, жаровня перестала пылать своим голубым пламенем, холодный ветер ворвался с силой, от чего уголья разгорелись и искра попала на руку Генриетте. Она сделала движение и стала приходить в себя.

Генриетта. А, гроза прошла! Какой гром гремел! (Мало-помалу оживляясь). Фридрих, это ты? Ах, холодно, у меня ноги, как сосульки… Согрей меня, я окоченела. Затвори же окно, с ума ты сошел?.. Что это за огонь?..

Пока Генриетта, удивляясь всему, не может связать ни малейшего воспоминания с окружающим, Адель и Сузанна, опомнившиеся скорее ее, сухим, безжизненным взглядом глядят на жаровню, возле которой они умирали.

Адель. Возможно ли?.. Вы видите, мы хотели умереть… мы не можем.

Сузанна. Небо тому свидетель.

Фридрих. Наш час не пришел.

Адель. Надо так думать… Скорее околеет хорошая собака у пастуха.

Сузанна. Мать, которая нужна своим детям.

Фридрих. Мы после себя никого не оставим, не только детей.

Генриетта. Сирот несчастных? Только этого недоставало.

Фридрих. Ну к чему все послужило?.. Все наши предосторожности?

Адель. Лучше и не говорите, я так взбешена!

Фридрих. Только потерян понапрасну уголь.

Адель. Нет, не потерян. Он не хотел нас умертвить, так пусть даст нам возможность жить!

Фридрих. Что вы хотите сказать?

Адель. Будем ковать ключи.

Сузанна. Тише, несчастная; если нас услышат?

Адель. Что мне за дело! Я не узнаю себя. Мне кажется, теперь я столько же посовещусь убить человека, как задушить цыпленка.

Генриетта. Не говори этого, Адель. Это значит оскорблять Бога, это против совести.

Адель. Бог! Бог! Он лучше не давал бы нам совести, лишь бы не умирать с голоду… Бог! Я Его не признаю… Совесть, что такое совесть? Имейте совесть, честность!.. Вы видели пример тому; хорош он!

Фридрих. Знаете ли, Адель, это нехорошо говорить так. Я не доволен вами… Если дело идет об убийстве, я отступаюсь.

Сузанна. Она тоже не так зла; это она болтает только языком, а сердце не разделяет этой мысли.

Генриетта. Это гнев, а на самом деле ее мысли совсем не такие.

Адель. Правда, не будем никого убивать… Но послушайте, надо есть, я прихожу все к тому же, и у нас одно только средство. Голод заставляет выходить волка из лесу. Если вы мне верите, мы пойдем, отыщем дело, а потом положим железо на огонь. Как вы думаете, друзья мои?

Фридрих. Дело, то есть покражу?

Сузанна. Почему не так?

Фридрих. Я ко всему подлаживаюсь, из меня можно сделать какой угодно сосуд, но…

Адель. Уж вы не трусите ли?

Фридрих. Вы хотите этого? Ну что ж, согласен на воровство.

Адель. Но ничего более, только одно воровство. Просто для того, чтобы иметь необходимое.

Генриетта. Надо постараться не доходить до такого положения. Если бы у нас были деньги, мы могли бы начать маленькую торговлю. По-моему, хорошо бы шить помочи. Говорят, что они хорошо продаются, и мы вышли бы из нужды.

Адель. После, после, теперь поспешим к более неотложному… Прежде всего пропитание.

Все. Да, прежде пропитание, а потом остальное.

Друзья отправились в поход, и не прошло трех часов после этого гибельного решения, как слепки были уже сняты, ключи сделаны и две комнаты обокрадены, но это доставило так мало, что через четыре дня голод опять был в доме. Приходилось приняться за то же или погибнуть. Решено было затеять другое дело, затем третье; так, менее чем в два месяца, было совершено покраж двадцать, а они были все так же бедны, как и прежде. Они отдались течению, и поток увлекал их от преступления к преступлению.

Глава шестидесятая

Утренний выход. — Дурно нажитое впрок нейдет! — Воздушные замки. — Припадок веселья. — Два ключа. — Новости и их последствия. — Дурной хозяин. — Доброе дело приносит счастье. — Предосторожности

В одно воскресное утро Адель вышла рано. Фридрих, жена его и золовка еще спали. По пробуждении Сузанна сказала:

— Должно быть, Адель ушла очень рано, так что я ее не слыхала.

Фридрих. Я тоже не слыхал. Бедняжка! Если мы ничего не сделаем, это не по ее вине.

Генриетта. О нет, конечно, она очень хлопочет.

Фридрих. Она уж слишком старается, потому что игра не стоит свеч. Экое нам несчастье! Вот несчастье-то!

Сузанна. Ей-Богу не стоит быть вором.

Фридрих. Говорят, худо нажитое впрок не пойдет; мы еще не знаем, пойдет ли оно впрок; мы еще не имели большого успеха.

Генриетта. Надо ждать. Одно бы только хорошее предприятие!

Фридрих. А пока мы плохо подвигаемся.

Генриетта. У тебя тоже нет терпенья.

Фридрих. Да ведь невесело все ходить высунув язык; мне надоело только плясать около буфета.

Генриетта. Ишь ты, какой недовольный. Ведь мы перебиваемся помаленьку.

Фридрих. Да уж очень помаленьку.

Генриетта. Погоди, как только нам повезет…

Сузанна. Если это когда случится, я вознагражу потерянное время… Тогда я буду копить.

Генриетта. Я, как и ты, постараюсь сколотить себе копейку на черный день.

Фридрих. А я-то, вы думаете, оставлю свою долю собакам? Я себя тоже не забуду!.. Но я не надеюсь. Ты слышишь, как поют на лестнице?

Сузанна. Это голос Адели. Чему ж это она так радуется?

Фридрих. Уж верно не прекрасной погоде. Небо кругом покрылось тучами…

Генриетта. Собирается ливень.

Фридрих. Парит, как в бане.

Адель (быстро входя и кладя ключи на камин). Друзья мои, нищеты не будет более! Я только что их попробовала, они превосходно подходят. Все будет не позднее сегодняшнего дня.

Сузанна. Объясни, в чем дело.

Адель. Сейчас скажу вам… Отличные новости… У меня их полны карманы, меня наградила ими торговка фруктами в улице Гобелен. Она мне давно знакома, маленькая горбунья, которая так любит болтать без умолку.

Генриетта. Что же она тебе напела? Ведь не она нас, конечно, интересует.

Адель. Дашь ли ты мне договорить?

Фридрих. Не прерывайте же ее.

Адель. Хозяин дома, где живет эта торговка, скряга отъявленный. Он так богат, что не знает счета деньгам. Они с женою могут издерживать более ста франков ежедневно, и у них нет ни собаки в услужении. Все это передала мне торговка. Вы понимаете, что я толковала с ней недаром, а чтобы все от нее выведать… Кроме того, занимаясь болтовней, я между тем не зевала: не подавая виду, я хорошо заметила, как передавали мешки; сколько же в них было денег! Будь у нас половина их, клянусь вам, нам во всю жизнь не надо бы было воровать. Как бы это пошло впрок в наших руках! Но богатство всегда достается тому, кто им не пользуется. Этот бездельник домовладелец за то, что один жилец не уплатил ему в срок за квартиру, велел снести его мебель на площадь… Я

была свидетельницей. То было полное отчаяние: отец, шесть человек детей и жена, только что после родов, все они обливались слезами, несчастные! Они просили его, умоляли, но скорее можно было растрогать камни, и, несмотря ни на что, их вытолкали на улицу. Все соседи были в негодовании. Хорошо же, подумала я, я тебя не потеряю из вида, старый плут, я тебе отплачу: не рой другому яму, сам в нее попадешь. Если я только смогу до тебя добраться, уж не положу охулки на руку. С той минуты я выжидала случая, теперь он представляется, я взяла свои меры, и скряга от нас не ускользнет. Ведь это алтынник, ростовщик, он сам многих обокрал, теперь его очередь.

Сузанна. Когда вор обкрадывает вора, черти радуются.

Адель. Черт возрадуется, за это ручаюсь. Еще до вечера мы обработаем этого урода, и, не считая нас, кто-нибудь и еще попользуется.

Фридрих. Я думаю… жиличка получит свою долю.

Адель. Выбросить за дверь женщину после родов!.. Если бы было не более десяти франков, я и то половину снесла бы ей. Стало быть, мы поможем этой семье, согласны? Доброе дело приносит счастье.

Все. Да, да!

Сузанна. Будем делать людям то, чего мы сами бы себе пожелали, особенно тем, которые заслуживают.

Фридрих. Только надо, чтоб они не знали, кто им помогает, а то мы повредим себе.

Адель. Конечно, они ничего не будут знать. Теперь же, друзья, я объясню вам свой план; ростовщик пошел с женой пешком в Сен-Мор, и вернутся они не ранее завтрашнего дня, так что нам довольно времени. Но так как в этих делах всегда лучше раньше, чем позже, то я сейчас иду, а вы ступайте за мной. Генриетта останется на улице стеречь, и, пока я отвлеку торговку фруктами в лавочку, Фридрих и Сузанна проберутся по коридору; это во втором этаже, сзади, против

лестницы; в двери есть форточка; маленьким ключом отпирается забор, а большим — замок, вы не можете ошибиться; надо не забыть клещи, в случае если придется отпирать сундук…

Фридрих. Сузанна спрячет их под юбку.

Адель. Надо взять также колечко, чтобы вдеть в замочный язычок, на случай неожиданности; необходимо все предвидеть. Вы знаете мою историю с Риготье.

Фридрих. Да, это урок.

Адель. И замечательный урок!

Глава шестьдесят первая

Сокровища ростовщика. — Боязнь. — Непослушный ключ. — Кит и Слон. — Вязальная спичка. — Воры. — Кувырком с лестницы. — Слесарь. — Колечко вынуто. — Фартук. — Ступайте за полицией!

В минуту компания оделась и приготовилась к экспедиции, затем направилась в улицу Гобелен. Через полчаса Фридрих, в сообществе Сузанны, готов был приступить к делу. Никогда еще глазам их не представлялось столько богатства: деревянные чашки, до краев наполненные квадруплями[10], гинеями, дукатами, наполеондорами, луидорами всех времен; мешки, надпись на которых свидетельствует о содержимом, и в довершение всего бумажник, отдувшийся от векселей и банковых билетов. Когда они намеревались всего этого коснуться, послышался шум и приближающиеся шаги.

— Не шевелись, — сказал Фридрих, — идут по лестнице.

И вот оба не смеют дохнуть. Кто-то останавливается у двери и пробует ключ. Какой ужас!

— Как мы хорошо сделали, что вернулись! Того и гляди, польет ливень, — говорит голос за дверью.

— Да скорей же, г-жа Ломбар; что вы возитесь.

— Надеюсь, дадите мне время вложить ключ.

— Да уж я бы раз десять отпер.

— Очень проворны!

— И это часто так с вами бывает? Да дайте же; а то я больше крови испорчу, глядя, как вы тут копаетесь.

— Да что же делать, разве вы не видите, что ключ не входит!

— Это просто ваше неуменье.

— Неуменье! Скорее ключ засорен. У вас вечная привычка таскать корки в кармане, вот крошки и набились.

— А вот увидим, моя ли это вина, дайте-ка я продую.

---

[10] Квадрупль — монета в Испании — 21 рубль.

— Извольте-с, сколько угодно. (Она передает ему ключ).

— Он самый! (Дует в него, бьет им по перилам, потом возвращает). Ключ свистит отлично, теперь он должен войти.

Мадам Ломбар (пробуя во второй раз). Как же! Он входит не больше прежнего.

— Вы, кажется, не в ту сторону вертите?

— Я не верчу ни в какую сторону, потому что он вошел только до половины. (Зовет). Мадам Було!

Торговка. Что вам угодно?

— Нет ли у вас чего прочистить ключ?

Торговка. Сейчас принесу спичку.

Г-н Ломбар. Спичку! Чтоб она в нем сломилась?

Торговка. Ну березовый веник, это лучше?

Г-н Ломбар. Принесите один прутик, выберите самый твердый.

Торговка уходит и тотчас же возвращается с березовым прутом, который передает Ломбару.

Г-н Ломбар. Вы мне принесли полено!

Торговка. Тоньше нет там.

Г-н Ломбар. Хорошую услугу вы мне оказали! Прут переломился, как его теперь вытащить?

Торговка. Попробуйте гвоздем.

Г-жа Ломбар. Гвоздь короток.

Торговка. Постойте-ка, я пороюсь у себя; у меня, кажется, был китовый ус.

Г-н Ломбар. Китовый ус! Уж лучше бы вы слона предложили.

Торговка. Что делать! Я, конечно, могу предложить только то, что есть у меня.

Г-жа Ломбар. Неужели у вас нет вязальной спички?

Торговка. Ах, да, я знаю привратницу 17-го номера, у которой знакомый инвалид вяжет чулки. Может, он ей оставил. Сейчас побегу.

Вскоре она принесла вязальную спичку, и ростовщик принялся ковырять ею ключ, стучать, дуть и т. д.

Г-н Ломбар. Ничего больше нет. Он должен отворить, или надо узнать, в чем дело (кладет ключ в замок). Ничего не понимаю. Ключ по-прежнему не отпирает. Просто как заколдованный!

Г-жа Ломбар. Не в замке ли что испортилось?

Г-н Ломбар. Вы его испортили… Кабы была доска, я влез бы через кухонное окно.

Торговка. Да, чтобы сломить себе шею.

Г-жа Ломбар. Мало того, вы еще разобьете стекло, стоящее четыре франка.

Г-н Ломбар. Скорей, скорей, мадам Були, приведите слесаря. Это обойдется дешевле.

Торговка быстро удаляется.

Не успела она выйти на улицу, как двойным поворотом ключа изнутри замок отперся с шумом.

Г-жа Ломбар. Этот замок во сне бредит.

Г-н Ломбар. Кто-то есть там… Нас обокрали. Воры! Воры!

Вдруг дверь отворяется, выскакивают два человека и прямо сталкиваются с гг. Ломбар; быстро опрокинутые неожиданным толчком, муж и жена летят кувырком со ступеньки на ступеньку. Что это? Целый эскадрон привидений, ураган, наводнение или смерч увлекает их? Толчок был так силен и быстр, что они не знают, чему приписать его.

Причина исчезла, но следствие налицо, и валяющимся супругам ничего не оставалось, как оплакивать свою катастрофу.

Г-н Ломбар. Ай, ай, ай! Мне мочи нет. Я расшибся, убит, искалечен, просто убит! Ай, ай!

Г-жа Ломбар. Разбой! Убьют! Помогите… Я держу его… Помогите, г-н Ломбар, помогите мне!

Г-н Ломбар. Ах, Господи, ай! Я совсем не — чувствую поясницы… Они мне ее сломили, бездельники! А стекло от часов, а очки, а парик-то где же?

Г-жа Ломбар. Если вы не подойдете, я его выпущу. Караул! Караул!

Торговка является в сопровождении слесаря.

— Что я вижу? С одной стороны барин, с другой — барыня, Что с ними случилось? Да комнаты-то уж отперты?

Слесарь. Они, должно быть, хотели толкнуть дверь внутрь да и попортили себе спины.

Г-жа Ломбар (приподымаясь). Ай, ай, у меня все ноги ободраны.

Г-н Ломбар. У меня вся спина разбита вдребезги… Я не могу сесть иначе… как на живот.

Слесарь. Стало быть, вы не головой вниз упали.

Г-жа Ломбар. Тем не менее, кабы не потеряли головы, мы бы их остановили. Смотрите, я сорвала с него передник.

Г-н Ломбар. Их, по крайней мере, была дюжина, и потом это было так скоро, точно молния блеснула…

Г-жа Ломбар. Милая мадам Було, они все прошли по моему телу! Господи, какая страсть!.. Я теперь ранена повсюду… Поддержите меня, прошу вас… поддержите!

Г-н Ломбар (слесарю). Друг мой, помогите мне дойти до моего бюро.

Г-жа Ломбар (вошедшая первой). Ну, комната в хорошем виде! Мы обворованы, ограблены, разорены!

Г-н Ломбар (падая в кресло). Злодеи! Они нам оставили только глаза, чтобы плакать.

Слесарь. Я бы с радостью удовольствовался тем, что осталось.

Торговка. И я тоже.

Г-жа Ломбар. Надо заявить приставу, чтобы он составил акт.

Г-н Ломбар. И как могли они войти?

Слесарь. Не очень хитро, с помощью фальшивых ключей. Есть столько негодяев! (Он осматривает замки и вынимает изнутри маленькое железное колечко, в которое продет

замочный язычок). Я теперь не удивляюсь, что вы не могли его отворить, у них все было в порядке. Это слесарь делал такое кольцо. Где передник, оставшийся в руках барыни?

Г-жа Ломбар. Вот он.

Слесарь (внезапно удивленный). Вот не знаешь с кем живешь! Товарищ!.. Я считал его честным и руку дал бы в том на отсечение. Кому после этого доверять?

Г-н Ломбар. Что вы такое говорите?

Слесарь. Я говорю сам с собою… Несчастный!

Г-н Ломбар. Несчастный, это я.

Слесарь. Есть несчастнее вас (показывая крючок на переднике). Вот этот крючок моей работы. Месяцев одиннадцать тому назад я был в Куртиле с друзьями; одному из них передник мой понравился, и он просил, не продам ли я ему. Я сказал, что не продам, если он хочет, пусть возьмет так. Он согласился, угостив нас четырьмя литрами, и с тех пор передник ему принадлежит, если только не переменил хозяина.

Г-н Ломбар. Как же зовут этого друга?

Слесарь. Фридрих, мой собрат по мастерству.

Г-н Ломбар. Это хорошо. Мадам Було, ступайте сейчас же к приставу, скажите, что нас с женою убили, и попросите его от нашего имени тотчас же явиться сюда выслушать нашу жалобу и заявление слесаря. Идите!

Глава шестьдесят вторая

Радостное утро. — Облако. — Дело благотворения. — Приготовление завтрака, — Хозяйство поправляется. — Честные предположения. — Солонка опрокинута. — Полицейский комиссар. — Обыск. — Улики. — Благодарность. — Тюрьма. — Вечное заточение

Несмотря на неминуемую опасность, Фридрих и Сузанна имели достаточно присутствия духа, чтобы захватить бумажник и насыпать наскоро в свои карманы золота из двух или трех деревянных чашек; но возвращении домой им достаточно было нескольких минут, чтобы оправиться от только что испытанного страха.

При виде блестящей добычи, которая едва не привела к гибельным последствиям, они прыгали от радости.

Тогда только Фридрих заметил, что на нем нет передника. Беспокойство пробежало по его лицу, но вскоре рассеялось, и веселье возобновилось. Принялись считать деньги; сумма превзошла все ожидания.

Фридрих. Ну, на этот раз по крайней мере все у нас останется; мы не попадем в когти укрывателей.

Сузанна. Надо так распорядиться, чтобы можно было жить счастливо.

Адель. И честно. Я все к этому возвращаюсь.

Генриетта. Это само собой разумеется. Разве без этого можно быть счастливыми?

Адель. Кстати, друзья мои, вы знаете, что нам еще надо заплатить долг. Он священен — завтра утром это будет мой первый выход… Я ей отнесу билет в тысячу франков.

Фридрих. Кому же это?

Адель. Вы забыли, что мы обещались?

Генриетта. Разве ты не помнишь, Фридрих, эту женщину?

Фридрих. Отца семейства, которого наш банкир так бесчеловечно выгнал? Я не имею ничего против… Да, дадим этим бедным людям тысячу франков, это немного.

Остаток дня и следующая ночь прошли в мечтах о воздушных замках. Никто и глаз не сомкнул. В четыре часа утра Адель поднялась для совершения благотворительности, на которую все согласились от чистого сердца. Сузанна и Генриетта оделись и отправились на рынок, чтобы закупить все на завтрак, долженствующий быть великолепным. Через два часа они вернулись с обильным запасом провизии и с некоторыми кухонными принадлежностями; тут была между прочим столовая посуда, утюги, несколько кастрюль, рашпер, противень и ореховый стол.

Сузанна. Положите это все здесь. Вот вам за хлопоты, довольны вы?

Носильщик. Сорок су! Если бы богатые платили так щедро, то легко было бы пропитаться.

Генриетта (наливая вина). Кто хочет пить, пожалуйте! Рассыльный, вот вам стакан, самый полный; вы делаете почин, стаканы новые.

Фридрих. Кто чокнется?

Носильщик. Коли позволите… За ваше здоровье, сударыни!.. И за ваше, хозяин! (Он ставит стакан и уходит).

Фридрих (принимаясь вынимать все из корзин). Горошек, зеленая фасоль, персики, это новые; стало быть, уж ни в чем нет отказа?

Генриетта. Ему непременно надо повсюду сунуть свой нос; больно умен!

Фридрих. А это что такое?

Сузанна. Белила для чистки окон.

Фридрих. Это тоже нужно, белила?

Генриетта. А ты думаешь, мы в грязи будем жить?

Сузанна. Нет-с, я хочу, чтобы здесь был настоящий маленький дворец.

Генриетта. Чтоб в стекла-то можно было глядеться, как в зеркало.

Фридрих. Кофе, сахар, водка. А, вот и самое лучшее, баранина!.. Теперь я не удивляюсь, что купили противень…

Генриетта. Да, и противень; сегодня должен вертел работать. Живей, Сузанна, помоги мне, чтобы к приходу Адели все было готово. Чтобы оставалось только сесть за стол…

Вскоре они приготовили этот первый изобильный пир, о котором давно мечтали; когда баранина поджарилась, Сузанна стала накрывать на стол…

Генриетта. Ну, Фридрих, что ты скажешь? Не отлично ли она это устраивает?

Фридрих. Видно, что она знает свое дело.

Сузанна. Пусть-ка теперь кто скажет, что мы не господа.

Фридрих. Кому это придет в голову! Только злым языкам.

Сузанна. А каков вид?

Фридрих. А запах-то, запах!

Сузанна. Положим, нам недостает серебра, но и Париж не в один день состроился.

Фридрих. Можно есть куропаток без апельсинов. У меня волчий аппетит.

Генриетта. А у меня!

Сузанна. И у меня тоже. Кабы Адель пришла, мы начали бы.

Генриетта. Она не должна запоздать… Ужели это она подняла такую стукотню?

Фридрих. Я не думаю. Разве ведет к нам всю семью.

Сузанна. Да не с ума ли она сошла! Генриетта, посмотри же.

Генриетта. Это любопытно (она бежит по комнате и задевает за стол).

Сузанна. Экая ветреница! Опрокинула солонку.

Генриетта. Ничего, я ее брошу через плечо (идет в коридор и возвращается в ужасе). Друзья мои, мы погибли!

В ту же минуту в комнату вошла толпа жандармов и полицейский с приставом во главе.

— Именем закона, — сказал пристав, — требую у вас все ваши ключи. Жандармы, пока я буду делать обыск, стерегите этого человека и этих двух женщин. Вы мне за них отвечаете.

Жандарм. Они не уйдут.

Пристав. Здесь, кажется, пируют. (Увидя табакерку). Если не ошибаюсь, вот уже одна из вещей, поименованных в протоколе. Проверим; черепаховая табакерка с золотым ободочком; на крышке портрет г-жи Ломбар, оправленный в медальон. На обороте вензеля обоих супругов, переплетенные волосами, с воспламененным сердцем и незабудкой в цепях любви. Это та самая, взгляните, господа. А она недурна была, мадам Ломбар! Вы разделяете мое мнение, что это вполне согласно с описанием?

Один из присутствующих. И сомневаться нельзя.

Пристав. Значит, мы нашли воров. (Фридриху). Знаете вы Якова Ричарда в улице Гобелен?

Фридрих. Я знал одного товарища, которого звали Ричард, только в Рыбачьем предместье.

Пристав. Это тот самый. Не было ли у вас чего-нибудь от него?

Фридрих (в сторону). Передник, который он мне продал (Громко). Я вижу, г-н пристав, что бесполезно отпираться. Я виновник воровства.

Пристав. Если бы вы и не сознались, то улики достаточны. (Он велит подать передник и развертывает его). Узнаете вы это?

Фридрих. Узнаю как нельзя лучше.

Пристав. Вы не освобожденный ли?

Фридрих. Да, я был освобожден.

Пристав. Эти женщины тоже; мы получили сведения. Жандарм, свяжите-ка этого молодца и наденьте наручники на женщин.

Фридрих. Они не виноваты.

Пристав. Жандармы, делайте свое дело.

Пока исполняют приказание пристава, а он продолжает обыск, кто-то тихонько постучался в дверь. Один из полицейских отворяет, входит дама, скромная и почти изящная внешность, которой говорит в ее пользу.

Пристав. Что вам угодно?.. Хотя эта госпожа не похожа на воровку, но ввиду настоящего обстоятельства я не могу не спросить, что ей угодно.

Дама. Как что мне угодно?.. Я принесла работу.

Пристав. А!

Дама (роясь в кармане). Вот смотрите, смотрите, это не секрет. Я принесла сделать фестоны на кисейных оборках, их тут тридцать четыре аршина. Развернуть?

Пристав. Не нужно; но так как вы доставляете работу, то у вас, стало быть, магазин?

Дама. У меня вышивальные изделия и все что есть самого нового. Вы, я думаю, женаты. Если ваша супруга пожелает что купить, вот мой адрес (подавая печатную карточку). Г-жа Дервиль, бульвар Инвалидов, возле Вавилонской улицы. Она найдет у меня все, что угодно и по сходной цене. Я очень сговорчива.

Пристав. Вижу, что это правда. В вашем появлении нет ничего подозрительного, цель его естественна, потому вы можете свободно удалиться. Извините, сударыня; но при нашей должности нам иногда предписывается быть скромными.

В то время, как новоприбывшая, намереваясь удалиться, раскланивалась на извинения пристава, вошли два новые агента, Коко-Лакур и Фанфан Лагренуйль, которые, увидя ее, стали в нее пристально всматриваться.

Коко-Лакур. Я, кажется, имею честь знать мадам?

Фанфан Лагренуйль. И я уверен, что где-то вас видел.

Дама (несколько смущенная). Может быть; но я вас не могу припомнить.

Коко-Лакур. Однако вы должны меня знать.

Дама. По чести, милостивый государь, я не думаю этого.

Фанфан Лагренуйль. Чем более я всматриваюсь, тем более убеждаюсь, что не ошибся. Честное слово, я вас знаю. Не отговаривайтесь! Вы бывшая жена вора, не правда ли?

Дама (смущение которой все более и более обнаруживается). Я вас не понимаю.

Фанфан Лагренуйль. Ха, ха, отлично понимаете. (Коко-Лакуру). Это барыня знает воровской язык лучше тебя и меня.

Коко-Лакур (с живостью). Так, припомнил. Вы бывшая жена Леружа; вас зовут Адель д'Эскар?

Дама (запинаясь). Я! Я! Вы ошибаетесь, это не мое имя.

Фанфан Лагренуйль. Ты прав, Коко, это Адель… Это она, сейчас умереть.

Коко-Лакур (подкладывая руку под корзину и приподнимая ее). Держу пари, что тут есть контрабанда; железо звенит. Ну-ка я посмотрю.

Дама. Избавлю вас от труда.

Она раскрывает корзинку, берет связку ключей и узел, который бросает посреди комнаты.

— Да, я Адель. Ну что же из этого?

Пристав. Она будет четвертая.

Жандарм. Полная кадриль.

Пристав. На эту барышню нельзя положиться, рекомендую вам.

Перед судом Адель созналась во всех преступлениях; но для смягчения виновности рассказала и о своих несчастьях.

Судьи были тронуты; тем не менее приговор состоялся на вечное заключение в тюрьму. В первый раз еще столь страшное решение обрушилось против женщины.

Когда пришли ей обрить голову и надеть серый балахон, Адель проливала горькие слезы.

— Все сделать, чтобы остаться честной или умереть, — шептала она, — и все-таки быть брошенной живою в могилу!.. Эти двери Сен-Лазара, раз за мной затворившиеся,

теперь никогда не отворятся… Никогда!.. Никогда! Вечность!.. — повторяла она беспрестанно самым раздирающим голосом.

Когда я пишу эти строки, эти жалобы, прерываемые рыданиями, все еще не прекратились. Адель еще и теперь страдает!

Глава шестьдесят третья
Пролазы (Clievaliers grimpants)

Утренники. — Древность этого рода воров. — Их библиотека. — Характер и костюм. — Виноват! Я сын богатых родителей! — Незваный гость. — Грабители меблированных комнат. — Извините, ошибся. — Советы читателям. — Остерегайтесь дворников и лакеев

Воры, так называемые «утренники», по-французски бонжуристы, обыкновенно прокрадываются в дом тихо и незаметно и стаскивают мимоходом все, что попадается под руку. Первыми ворами были, как гласит предание, слуги без мест. Сначала их было немного, потом они воспитали учеников, и ремесло их приняло такие размеры, что от 1800 до 1812 года не было почти дня, когда бы в Париже где-нибудь не своровали двенадцати или пятнадцати корзин серебра. Коко-Лакур, передававший мне этот факт, говорил, что вначале у бонжуристов была общая касса. Впоследствии, когда между ними появились лентяи, желавшие, ничего не делая, пользоваться общими доходами, это добродетельное братство прекратилось, и каждый начал трудиться для себя самого.

Знаменитейшие бонжуристы, из числа указанных мне при моем вступлении в полицию, были: Далессан, Флораи, Соломон, Горо, Коко-Лакур, Франкфор, Шимо, Готвнлль, Мейер, Исаак, Леви, Мишель, Тетю и некоторые другие, имена которых не могу припомнить.

Для бонжуриста имеют большой интерес книги: Торговый календарь. Придворный календарь и Календарь двадцати пяти тысяч адресов. Каждое утро, перед выходом, они с ними справляются и, вознамерившись посетить какой-либо дом, редко не знают имен по крайней мере двоих из живущих там: чтобы войти, они спрашивают у дворника одно лицо, а стараются обворовать другое. Бонжурист всегда одет изящно и обут как можно легче; он вообще предпочитает

замшевые башмаки, да и от тех старается оторвать подошвы, чтобы они не скрипели; иногда подошвы бывают войлочные; иногда же, именно зимою, замшевые башмаки заменяются плетеными башмаками из кромок, в которых можно ходить, подыматься и спускаться без малейшего шума.

Этого рода воровство совершается без взлома, без фальшивых ключей, без лазанья; вор просто замечает ключ в двери; сперва он чуть-чуть постучит, затем погромче и затем совсем шибко. Если никто не откликается, он повертывает ручку и входит в переднюю, после чего пробирается в залу и другие соседние комнаты, чтобы убедиться, что никого нет; возвращается назад, и если ключа от буфета не видать, ищет его повсюду, где обыкновенно принято его класть. Найдя его, он тотчас же достает серебро и уносит его в своей шляпе, прикрывши фуляровым или батистовым платком, тонкость и белизна которого свидетельствует о порядочном человеке. Если в это время кто-нибудь идет, он прямо идет навстречу, здоровается и, улыбаясь почти дружески, спрашивает, что он не с таким-то ли честь имеет говорить. Ему указывают или этажом выше, или ниже; тогда, с той же улыбкой, рассыпаясь в тысяче извинений, почтительно раскланиваясь, он удаляется.

Случается, что он не успеет сделать покражи, а часто уже и сделал ее, а если и заметят, то уже будет поздно. С первого взгляда нет ничего любезнее, ничего предупредительнее бонжуриста: с постоянной улыбкой на губах, он очень приветлив, подобострастен, даже когда этого и не надо; но все это только привычка, одно гримасничанье. Через несколько лет упражнения он смеется против воли; это в конце концов делается хроническим; он кланяется, сам того не замечая.

Иногда случается, что, несмотря на хорошие манеры, обворованные осмеливаются не только подозревать ею, но даже обыскивать; в таком случае он падает на колени перед рассерженными хозяевами и, чтобы их укротить и разжалобить, со слезами, патетически, рассказывает им историю, приго-

товленную заранее на случай опасности, обыкновенно в таком роде: родители его честные, а его сгубила несчастная страсть к игре; это первая его попытка на пути преступления, и если его предадут в руки правосудия, то отец и мать умрут с горя. Если слезы возымеют свое действие и ему позволят убраться подобру-поздорову, то разыгрывает раскаивающегося до самых дверей. Если же остаются непреклонными, он остается в отчаянии только до прихода полиции; но при появлении последней возвращается в свое спокойное состояние, и улыбающиеся мускулы приходят в прежнее положение.

Большая часть воров этого рода начинает свои набеги с утра, когда няньки ходят за сливками или благодушно болтают, пока хозяева еще в постели. Другие только выходят перед обедом и выжидают минуты, когда серебро на столе. Они войдут и мигом обработают дело. На их языке это называется убирать со стола.

Раз один из таких убиральщиков пробрался в столовую; вдруг ему навстречу служанка несет два серебряные блюда с рыбой. Нимало не смутившись, он прямо подходит к ней.

— Ну, скоро ли же вы подадите суп? — говорит он ей, — Уж все терпение потеряли.

— Сейчас, — отвечает служанка, принявшая его за одного из гостей. — Я готова, скажите, сделайте одолжение, гостям.

И она побежала в кухню; а вор, опроставши как можно скорее оба блюда, запрятал их между жилетом и рубашкой. Девушка вернулась с супом; мнимый гость улетучился, на столе не осталось ни одной серебряной вещи. Мне донесли об этом происшествии. По обстоятельствам дела, равно как по приметам, я догадался, кто виновник. И действительно, то был Шимо, которого и поймали на рынке Святой Екатерины. На рубашке его ещё остались следы блюд, форма которых так и обрисовалась соусом.

Другой отдел бонжуристов грабит преимущественно меблированные комнаты. Этого рода воры еще до зари уже

должны быть на ногах. Они с необычайной ловкостью умеют отделаться от бдительности дворников, входят то под тем, то под другим предлогом, осматриваются, и, если увидят ключи в дверях, что обыкновенно бывает, поворачивают их как можно тише. Войдя в комнату, если жилец спит, они оставят его и без кошелька, и без часов, и без драгоценных украшений словом, без всего, что у него есть получше. В случае же он проснется, у вора всегда готово извинение: «Ах, извините, я думал, что это 13-й номер! Не вы спрашивали сапожника, портного, цирюльника?» Или что-нибудь подобное. Евреи и многие женщины, не всегда еврейки, преимущественно занимаются этим ремеслом. Нередко путешественник, обобранный таким образом во время сна, остается буквально в одной сорочке.

Читатель, позвольте вам сделать некоторые указания предосторожности. Чтобы не потерпеть от бонжуристов, не оставляйте никогда ключ в вашей двери; не прячьте ключ от буфета, потому что его всенепременно отыщут, а держите его всегда в кармане. У дворника должен быть звонок или свисток для предупреждения жильцов о приходе постороннего и для обозначения этажа, куда он отправляется. Дворник должен быть только дворником и не быть вместе с тем ни портным, ни башмачником, ни сапожником. Он не должен утром мести, не заперши свою дверь или не оставивши дома караулить дочь или кого другого. Не забудьте, что воры имеют привычку искать под тюфяками, под коврами, под вазами, в буфете, за картинами, за печами, на карнизах и т. п. Запретите людям оставлять кого бы то ни было одного в вашей комнате. Если кто в ваше отсутствие пожелает вам написать записку, пусть слуга отнюдь не отлучается за бумагой, а попросит гостя в комнату привратника, где ему доставят все нужное.

Остерегайтесь стекольщиков, лудильщиков, чинильщиков посуды, маленьких савояров, всевозможных разносчиков

с одеялами, холстиной, коленкором, кисеей и пр. и пр., не упускайте из виду модисток с картонами в руках, и т. п. — все это воры или сообщники воров, старающиеся что-нибудь разведать или высмотреть. Особенно будьте осторожны, когда есть или недавно были в доме рабочие; редко обходится без воровства после каменщиков, мостовщиков, кровельщиков, маляров и т. п. Со старьевщиками, ветошниками имейте дело не иначе, как на улице. По возможности избегайте нанимать квартиру в одном доме с прачками, доктором, акушеркой, с членом благотворительности, приставом, мировым судьею или стряпчим; избегайте также шумных домов, где постоянный прилив и отлив народа.

Глава шестьдесят четвёртая
Ночные грабители лавок (Boucardiers)

Букардьеры. — Их характер и воровские приемы, — Скупые покупатели, — Имейте хорошую собаку, — Наказ приказчикам, — Посудные и игрушечные магазины от воров безопасны, — Провинциальные грабители, — Сбыт краденого. — А как легко захватить воров в лавке! — Запоры породили воров. — Хитрый замок не хитрее вора, — Обращение к гг. слесарям. — Не носите с собой паспортов

Букардьерами называют воров, обкрадывающих по ночам лавки; они никогда не пускаются на кражу, не познакомившись вперед со всеми препятствиями, могущими им встретиться; с этой целью, в продолжение нескольких дней, утром и вечером, бродят они вокруг лавки, стараются быть при отпираньи или запираньи, причем обращают внимание на болты, легко ли они надеваются и снимаются, узнают также, стережет ли лавку собака, не спит ли кто в ней. Часто для своих наблюдений они являются к лавочнику покупать и иногда даже покупают, но что-нибудь пустячное, стараясь как можно долее торговаться; никто столько не спорит, не колеблется, как подобный соглядатай; он придет, уйдет, вернется, и даже когда условится в цене, то еще затрудняется в выборе.

Лавочник, заметивший одну и ту же личность, шляющуюся около, или признавши покупателя, надбавлявшего цепу по копейке, уже должен быть настороже. Не мешает запастись хорошей собакой; большие хороши для защиты, но сторожат лучше маленькие, шавки, у которых слух тоньше и сон легче. Обыкновение оставлять спать кого-нибудь в лавке весьма благоразумно и полезно.

Грабители лавок — всегда воры известные и уже отмеченные полицией; потому они редко решаются выходить днем, боясь встретить полицейского.

Обыкновенно перед отходом лавочник велит приказчикам или приказчицам все привести в порядок; поставить на место

стулья, табуретки и скамейки. А между тем было бы благоразумнее делать совершенно противоположное, потому что именно этот-то беспорядок и есть помеха вору; опрокинутый стул, стукнувшая по дороге скамья, малейший шум и толчок может его выдать. Редко воры решаются нападать на посудную лавку или на игрушечную: во-первых, боятся разбить что-нибудь, в последних — разронять. Какой риск возиться впотьмах со множеством всяких безделушек! Нечаянно надавишь рукой или попадешь ногой — и вдруг тявкнет моська или заблеет ягненок. Придется бежать из опасения тревоги.

Провинциальные воры подобного рода большей частью разъезжают под видом купцов в своих повозках; туда, где намерены обворовать, они приезжают не иначе как ночью; вскоре же приступают к делу и покраденные товары кладут прямо в тележку. Затем отправляются в другое место и продают по мелочам то, что стащили целиком. Если попадут к ним золотые, серебряные вещи, которые легко узнать, то они их обращают в слитки.

Главное их старание заключается в том, чтобы изменить вид и форму украденных предметов. Если это шелковые или шерстяные ткани, полотна, они отрывают казовый конец от каждого куска, чтобы не было, таким образом, ни пометок, ни номеров, которые бы могли показать, что они берут свой товар не на фабрике, хотя, впрочем, иногда они и фабрикантам не дают спуску.

Наилучшую неожиданность, которую можно приготовить этим ворам, — это падение каких-нибудь досок, опирающихся на тоненькую веревочку, растянутую среди лавки, на высоте от четырех до пяти футов. Если воры не запаслись потайным фонарем, то идя ощупью, руки вперед, очень легко зацепят за эту веревку; при малейшем толчке доски падают, происходит шум, воры испугаются чьего-нибудь прихода и, не желая быть пойманными на месте преступления, при какой бы то ни было смелости бросаются бежать. Посредством

рассыпанного по полу гороха можно произвести также страшный шум. Вообще много есть средств охраняться от лавочных воров, но средства эти, конечно, хороши только своей тайной, и разглашать их не должно. Немецкая пословица говорит: «Хороший замок порождает искусного вора...» Это потому, что хороший замок не есть тайна.

Но я думаю, что воры очень скоро остались бы в полнейшем бездействии, если бы честные люди размыслили хорошенько над теми обстоятельствами, которые разрушали попытки, наихитрейшим образом задуманные. В течение последних лет механики-слесаря придумали множество секретов, ловушек и сюрпризов; но все эти изобретения, столь дорогие, недоступны публике. Лицам, желающим недорого застраховаться от воровства, предлагаю обратиться ко мне, и я с удовольствием сообщу им недорогие секреты. Воровство то же что и мошенничество: его можно уничтожить, когда захочешь; но я могу только по секрету сообщить способы, несомненно ведущие к цели, помимо полиции, бдительность которой так часто нарушается.

Говоря о провинциальных грабителях лавок, я забыл сказать, что, подобно убийцам по профессии, они всегда имеют вполне правильные паспорта, аккуратно помеченные властями тех общин, где они проходят. Надо заметить вообще, что во Франции только честные люди осмеливаются ездить без паспортов; злоумышленники же, напротив, не решаются преступать законы и предписания, в силу которых для малейшего перемещения требуется билет на проезд. Будь я жандармом, личность с отмеченным паспортом всегда была бы мне подозрительна. Опасные бродяги весьма заботятся о том, чтобы доказать чуть не на каждом шагу, что они не ведут бродячей жизни. Безупречный человек мало беспокоится об этих формальностях и старается от них отделаться или по небрежности, или потому, что ему противно входить в какие-либо сношения со всем, что носит имя полиции.

Глава шестьдесят пятая
Магазинные и лавочные воры

Каким образом эти воры приступают к делу. — Магические слова. — Картоны с двойным дном. — Потайные карманы. — Предостережение ювелирам. — Ребенок на конторке. — Нищий. — Вор не вор, а, что называется, нечист на руку (chipeur)

Этого рода воровство можно назвать отводным воровством, потому что оно совершается в магазинах во время покупок, на глазах продавца. Таким воровством занимаются как женщины, так и мужчины; но женщины вообще считаются более искусными. Происходит это единственно от различия костюма: женщине легко спрятать довольно большие вещи. Мне случалось следовать за отводными воровками, которые, запрятавши под юбки кусок материи в 25 или 30 аршин, не только ее не роняли, но шли очень далеко, по-видимому, без малейшего затруднения.

Вот каким образом совершается это воровство. Кто-нибудь из шайки является в магазин, спрашивает побольше товару, и пока выбирает разложенные вещи, приходит еще один или двое из сообщников, также покупать; они всегда просят показать себе, что наверху или сзади купца; пока последний полезет доставать, отвернется, вор быстро стащит лежащее под руками и исчезнет.

Воровки всегда хорошо разодеты, за исключением одетых по-деревенски; но и в последнем случае наряд их богатый, и большею частью они выдают себя за купчих.

Вернейшее средство не быть ими обманутым — это то, чтобы показывать один предмет за другим и не доставать новых, не положив на место прежде показанных; или же внимательнее считать все вещи, которые выкладывают на прилавок. В магазинах, где обыкновенно бывает много покупателей, не мешает приказчикам от времени до времени, когда много народу, говорить друг другу: «Два на десять» или

еще «зажгите гонзессы». Можно держать пари, что при этих словах воры, имеющие тонкий слух, не замедлят улизнуть.

Отводные воры употребляют множество различных способов для достижения своих целей: обыкновенно те, которые исполняют роль подготовителей, откладывают заранее на прилавок все, чем намерены завладеть, и когда выдастся благоприятная минута, они подают знак сообщникам, стоящим на улице. Последние входят, спрашивают что-нибудь и очень торопятся; купец, не желая упустить покупателя, мечется во все стороны, и пока не знает, что кому отвечать, товар успеет исчезнуть. Воры, таскающие кисею, кружева, фуляры и другие легкие и мелкие вещи, запасаются картонами, с виду тщательно завязанными, но дно у которых выдвижное, куда они и складывают все.

У женщин подкладка шуб и салопов образует большой карман, куда можно поместить несколько кусков материи. Когда на них нет салопов, то их заменяют огромные шали. Юбки одетых крестьянками суть настоящие ягдташи с секретами и отделениями. Некоторые приходят с нянькой и ребенком, у которого очень длинное платье. Нянька сажает ребенка на прилавок и уносит вместе с ним все, что выберет хозяйка. Воровки низшего разряда носят корзины с двойным дном, я знал одну знаменитую воровку кружев, по имени Дюмаз, которая воровала особенно оригинальным образом: ей, положим, показывают мехельнские или брюссельские кружева; рассматривая, она старается один кусок уронить, и если никто этого не заметит, пальцами правой ноги ловко прячет его в башмак, довольно просторный для этого. Иногда, еще она не успеет выйти, как купец хватится куска и спрашивает его. Тогда она настаивает, чтобы ее обыскали, и так как никто не догадывается о башмаках, то дело кончалось тем, что перед ней же извинялись и думали, что вещь пропала до ее прихода. Кому могло прийти в голову осматривать ноги вместо рук? Поговорка гласит именно противное.

Отводные воры весьма часто посещают ювелиров. Один из них, Генрих Косматый, проводил все время в рассматриваньи драгоценностей, выставляемых напоказ; подметивши массу перстней и обручальных колец, которые обыкновенно вывешивают в окнах магазинов, он внимательно в них вглядывается и на другой день является купить кольцо; ему дают выбрать, и, занимаясь примериваньем, он успевает с замечательной ловкостью заменить золотое кольцо точно таким же медным. Кабы он ушел ничего не купивши, обман, может быть, заметили бы, но плут обыкновенно даже не торговался и платил исправно, так что медь оставалась на выставке до прихода лучшего покупщика.

Известный Флор покупал у одного ювелира бриллианты. В это время подошел нищий просить милостыню. Флор вынул из кошелька монету и подал ему; монета упала, нищий наклонился, поднял и ушел. На это обстоятельство никто и внимания не обратил. По заключении торга Флор отсчитал 400 франков и просил дать себе список купленных вещей. Все было покончено, когда, укладывая вещи назад, ювелир заметил, что у него недостает одной коробочки с бриллиантами на 5000 или 6000 франков. Принялись искать; бриллиантов нет как нет. Флор заявляет, что он не выйдет без того, чтобы его не обыскали. В угоду ему его обыскивают, находят только то, что он купил; бывшие же при нем бумаги показывают вполне человека порядочного. Так с ним распрощались. Куда же он отправился? Да прямо к тому самому нищему, Францу Тормелю, своему сообщнику, который вместе с монетой поднял коробочку с бриллиантами, ловко брошенную Флором.

Торговцы вообще, а мелочные в особенности, должны постоянно быть настороже и помнить, что в Париже несметное количество подобных воров. Я говорю только о ворах по профессии, хотя есть много и таких любителей, которые, под прикрытием хорошей репутации, втихомолку тоже обделывают маленькие делишки. Есть очень честные люди, нимало

не стесняющиеся присвоить себе даром редкую книгу, хорошенькую вещичку, камеи, мозаику, манускрипт, эстамп, медаль или что другое. По-французски это обозначают словом shipeur (а по-русски говорят «нечист на руку»). Если подобный воришка богат, на него не сердятся, говорят, что он выше подобной мелочи, чтобы вменять ему ее в преступление; если же беден, на него доносят прокурорскому надзору и ссылают на галеры, потому что он украл без необходимости. Нельзя не сознаться, что у нас весьма странные понятия о чести и бесчестии.

Глава шестьдесят шестая
Еще вид магазинных воров
(Voleurs sous comptoir)

Визави. — Часовщик и шляпочник. — Камарда, обворовывающая двух за раз. — Ссора обворованных

Этого рода воровство есть недавнее изобретение. В интересах торговли необходимо с ним познакомить. Воры, преимущественно женщины, одетые служанками, высматривают на довольно широкой улице два каких-нибудь магазина, почти один против другого; предположим, что один из них принадлежит часовщику, другой шляпочнику. Воровка входит к шляпочнику и заявляет, что ей поручили купить шляпу; выбранная шляпа никогда не бывает готова, ее сейчас обещаются отделать, через час она будет готова. В ожидании этого мнимая служанка прохаживается по магазину или стоит у дверей и, когда убедится, что ее заметили из магазина часовщика, быстро переходит улицу, проходит к часовщику и говорит: вот такой-то господин (она называет фамилию шляпочника) просит вас передать ему через меня двое золотых часов, во сто двадцать и во сто тридцать франков; я хочу сделать подарок своему брату, а господин N выберет. Часовщик узнает служанку и без всякого опасения вперяет ей часы, с которыми она и уходит. Из своей лавки он видит, как она входит к шляпочнику, как бы сам находится при осматривании предметов, видит, как они переходят из рук хозяина в руки приказчиков, и может опасаться только одного: что почему-нибудь раздумают купить. Через несколько минут шляпа готова; воровка берет ее и прямо приходит к часовщику.

— Мы возьмем часы в сто тридцать франков, я вот только занесу эту шляпу и по возвращении покончу с вами, но вы мне немного уступите.

— Хорошо, хорошо, — отвечает часовщик.

Проходит час, два, три, и все дело объясняется.

Часто обоих купцов обворовывает за раз одна и та же особа, например, таким образом. Одна из этих мнимых служанок, по имени Камарда, является к белошвейке и просит дать ей несколько аршин кружев для содержательницы магазина золотых и серебряных вещей, который находится напротив. Кружева отдаются без колебания. Камарда, с картоном в руках, направляется к золотых дел мастеру, спрашивает две золотых цепочки для своей хозяйки напротив и, выйдя немедленно с картоном в руках, возвращается в белошвейный магазин.

— Хозяйка моя желает показать эти кружева своей подруге, — говорит она белошвейке.

— С удовольствием, пусть она не стесняется.

Воровка тотчас же возвращается к золотых дел мастеру и говорит:

— Хозяйка рассмотрит ваши цепочки, и когда я возвращусь, я выберу также себе, маленькую, — и затем исчезает.

С обеих сторон думают, что она пошла по делу; наконец белошвейка первая начинает беспокоиться и приходит к соседке.

— Ну, что, как находите вы кружева? Уверяю вас, что вы хорошо сделаете, если все оставите у себя.

— Вы разве думаете, что я за свои цепочки возьму кружевами?

— Да ведь я вам их послала целую картонку сегодня утром с вашей служанкой!

— То есть ваша прислуга приходила сюда за двумя цепочками.

— Вы бредите, соседка?

— Это вы скорее смеетесь над нами.

— Тут не до смеха, я совсем не шучу, дело идет о золотых цепочках, и у вас две моих.

С той и с другой стороны начинается крупный разговор, и дело доходит до большой ссоры, пока пришедший кстати золотых дел мастер не объяснил, что они обе обокрадены.

Глава шестьдесят седьмая

Не соблазняйтесь наживой! — Обокраденный виноторговец. — Булочница. — Благочестивые вдовы. — Высшая подлость, — и нищим нет пощады! — Цыгане. — Колдуны и знахари. — Таинственные убийцы домашнего скота. — Свиньи — любительницы селедок

Является несколько человек, мужчин или женщин, в весьма людную лавку, покупают кое-что и в уплату дают монету в двадцать франков или какую другую, стоимость которой значительно превосходит стоимость товара. Купец дает сдачи; но, рассматривая полученные монеты, воры замечают одну или две, не похожие на другие; если не попадается подобных монет, то они сами подложат. Как бы то ни было, показывая купцу эти монеты, они говорят: «Много у вас еще таких? Если у вас еще есть и вы нам их уступите, то мы вам заплатим с барышом». Подобное предложение вызывается монетами в двадцать четыре су, в двенадцать су, ефимками, талерами в шесть ливров с буквой W. Но горе купцу, который прельстится этой спекуляцией! Если он позволит себе запустить руку в свой ящик, чтобы отыскать желаемые монеты, то может быть уверен, они облегчат его с такой быстротой, что ему останется только хлопать глазами. Это воровство называют à la Carre (с помощью различия монетного чекана), а воров — Carreurs.

Нет средства, которого бы эти мошенники не употребляли для их обманов. Сегодня они употребляют одно, завтра — другое, но всегда дело основывается на размене монеты. Поэтому, каков бы ни был предлог, по которому неизвестный человек, хотя бы даже дитя, предлагал разменять монету, благоразумнее не соблазняться прибылью. Сколько менял, сборщиков в лотерею, торговцев табаком, вином, пряниками, булочников, мясников и т. п. сделались жертвами ловких обманщиков этого рода, которые преимущественно обращаются к мелочным торговцам! Эти воры легко узнаются: как только

откроют конторку, чтобы выбрать желаемую ими монету, они тотчас же запускают туда руку, чтобы помочь выбирать. Если купцу нужно пойти в особую комнату при лавке, чтобы принести сдачу, они следуют за ним и постараются тоже залезть в мешок. Почти все воры этого рода — цыгане, итальянцы или евреи.

Г-жа Кароп, о которой упоминалось прежде в этом сочинении, была искуснейшей меняльщицей. Однажды явилась она к продавцу ликеров Карлье — на рынке Святого Якова; жена Карлье была одна за прилавком. Кароп спросила анисовой водки, заплатила золотом и так ловко повела дело, что после десятиминутного разговора купчиха отправилась в свою комнату за мешком с семьюстами пятьюдесятью франками. Через четверть часа Кароп ушла, а хозяйка тотчас принялась считать деньги и оказалось, что не хватило половины. Воровка так ее очаровала, что при ней ей положительно виделось вдвое. Мне донесли об этом факте, и по искусству воровства я тотчас узнал виновницу, которая была задержана, уличена и наказана.

Нет фокусника, который бы сравнился со знаменитой Герцогиней, о которой тоже упоминалось прежде. Раз булочница в улице Мартенвилль в Руане проверяла сумму в две тысячи франков, бывшую у нее в переднике, и Герцогиня успела стащить половину. Чувствуя, что узел стал легче, булочница поняла, что ее обокрали, и намеревалась задержать Герцогиню; но последняя не дала ей сделать тревоги.

— Сочтите ваши деньги, — сказала она, — вы прежде только сочтите.

Булочница сосчитала, и оказалось все сполна. Воры и воровки этого рода очень искусны также в уменьи подменивать. Ювелир показывает золото или каменья; они покупают безделушку и успевают многое подменить стразами или бронзой.

Карой, Герцогиня и еще другая цыганка, по имени Гаспар, придумали странное средство обкрадывать священни-

ков. Одетые в траур (костюм их вообще походил на костюм вдовы богатого фермера), они входили в церковь и старались завязать разговор с церковной прислугой, заведующей стульями или свечами. Известно, что эти личности очень любят поболтать. Мнимые вдовы расспрашивали подробно о финансовом положении каждого приходского церковнослужителя, и когда находили кого-либо стоящим ружейного выстрела (как они выражались), то, чтобы иметь доступ, заказывали ему обедни, или, как богобоязненные и благочестивые, признавались ему в каком-нибудь сомнении и выражали желание выполнить какое-нибудь доброе дело, например, раздавать милостыню, или просили священника указать им несчастных, нуждавшихся в помощи. Священник с охотой указывал некоторые семейства, достойные вспомоществования; они спешили посетить их и оказать помощь или деньгами, или одеждой.

«По рекомендации такого-то, — говорили они, — мы принимаем участие в вашем положении». И бедные прихожане спешили благодарить батюшку, который был в восторге от своих кающихся грешниц. Он был руководителем их совести; они были исполнены добродетели, их можно было допустить к причастию без исповеди. Но такое доверие обходилось ему дорого: рано или поздно священник оказывался ограбленным, а благочестивые дамы не показывались более. Так они обобрали священника прихода St. Gervais; у него исчезли часы, кошелек с золотом и многие ценные вещи, равно как священника церкви St. Medard. Доведя их таким образом до апостольской нищеты, они простирали свою подлость до того, что обкрадывали тех самых бедняков, которым прежде помогли. Они приходили к ним, расспрашивали об их нуждах, просили показать все принадлежности гардероба, чтобы лучше знать, что необходимо заменить новым, и если при этом замечали, где часы, бокал, сережки, цепочку, или что другое поценнее, то тотчас же незаметно воровали и изъявляли желание уйти.

«Хорошо, друзья мои, — говорила Кароп, — я знаю теперь, чего вам недостает, знаю лучше вас самих» И она удалялась, стараясь, чтобы ее проводили по лестнице и таким образом не успели бы заметить пропажи. Люди, которых эти презренные твари так жестоко грабили, обыкновенно были стыдливые бедняки, при самой страшной нужде все еще сохраняющие некоторые следы прежней деликатности.

Пока я служил в полиции, поступило более шестидесяти жалоб на кражи подобного рода против матери и дочери Кароп; наконец мне удалось поймать эти две отвратительные личности, которые и теперь еще в тюрьме.

Цыгане не ограничиваются одним присвоением себе чужого; часто они убивают, и им тем легче совершить убийство, что у них есть способ искупления, через который они считают себя совершенно чистыми: именно в знак раскаяния они носят в течение года грубую шерстяную рубашку и удерживаются от воровства; по прошествии же этого времени считают себя уже чистыми, как снег.

Во Франции большая их часть называет себя католиками и отличается наружно большой набожностью: всегда носят четки и маленькие крестики; молятся утром и вечером и аккуратно посещают церковь; они редко занимаются каким другим ремеслом, кроме барышничества лошадьми или собирания трав; некоторые пускаются в медицину, выдают себя за знатоков всеисцеляющих средств и разных секретов. Многие ходят компанией: гадают, лудят медную посуду, чинят фаянсовую. Горе деревенским обывателям от нашествия этих бродяг! Неизбежно начинается скотский падеж, потому что цыгане умеют весьма искусно истреблять скот без всяких следов, по которым можно было бы обвинить в злонамеренности; коров они прокалывают в сердце длинной, очень тонкой иглой; кровь изливается внутрь, и можно подумать, что животное издыхает от болезни; домашних птиц морят серой; они знают, что им оставят трупы; и между тем, как простаки

думают, что цыгане едят дохлятину, они наслаждаются превосходным столом и кушают лучшую говядину. Иногда, пожелавши ветчины, они берут соленую селедку и дают ее нюхать свинье, которая, привлекаемая этим запахом, идет за ними хоть на край света.

Не стану распространяться далее о правах этого кочующего племени, и читателям, желающим ближе познакомиться с ним, советую обратиться к интересной истории, написанной в Германии ученым Греллеманном[11]; там можно получить правильное понятие об этом народе, который выставлен в таком неверном свете первым романистом нашего времени.

---

[11] История Цыган, или Картины нравов и обычаев этого кочующего народа. Историческое исследование о происхождении, языке и первом появлении цыган в Европе. — Соч. Н. М. Ж. Греллемана. — Пер. со 2-го немецкого изд. — Париж, Шомеро, книгопродавец в Пале-Рояле.

Глава шестьдесят восьмая
Экипажные воры (Rouletiers-колесники)

Костюм экипажных воров. — Места их пребывания. — Знаменитости. — Послушный извозчик. — Смелый вор. — Королевские бриллианты на голове любовницы вора. — Совет пассажирам и извозчикам

Экипажные воры обыкновенно крадут чемоданы, сундуки с империалов и другие каретные принадлежности. Большею частью они принадлежат к рабочему классу и почти всегда одеты комиссионерами или извозчиками. В эпоху, когда они были довольно многочисленны, они избирали своим главным местопребыванием те части города, куда преимущественно съезжались кареты: Адскую улицу, предместье Сент-Оноре, Сен-Мартен, Сен-Дени, бульвары, площадь Людовика XV, улицы Бурдонне и Лавандьер, Тир-Шапп и Монторгейль. Намереваясь обокрасть экипаж, воры идут за ним и при первой остановке приступают к делу; немногие кареты избегают их рук. В этом роде воровства отличались следующие личности: Фанфан Мезон, братья Сервье, Шанни, Гуппи, Герри, Каде, Ниссель, Дюбуа Нахал, Робло, Лафранс, Линь и, Доре — все люди ловкие и предприимчивые. Не было экипажа, который бы не лишился чего-нибудь по их милости: почтовые кареты, берлины, фуры, дилижансы — все от них страдало. Они совершали свои нападения с невероятной смелостью; один обыкновенно подходил к вознице и останавливал лошадей, пока другие очищали экипаж и сбрасывали тюки.

Мне рассказывали замечательный факт в этом роде. Братья Сервье с двумя другими компаньонами забрались под вечер в Елисейские поля; старший завел разговор с извозчиком, стараясь отвлечь его внимание, пока товарищи обрабатывали экипаж; вдруг извозчик, по движению чересседельника, заметил, что карета покачнулась назад, и хотел оглянуться. «За-

прещаю тебе оглядываться», — сказал Сервье, и извозчику пришлось повиноваться. Меня уверяли, что Гуппи осмеливался несколько раз среди белого дня, на рынке, влезать в дилижанс и забирать оттуда чемоданы, как бы свою собственность.

Однажды я следил за знаменитым колесником Госне. Пришедши в улицу Сен-Дени, он вскочил в карету, закутался в плащ, надел бумажный колпак, попавшийся под руку, и в таком костюме спустился с чемоданом в руках. Было около двух часов пополудни. Для отклонения каких-либо подозрений, он прямо подошел к кондуктору и, сказавши ему несколько слов, исчез у поворота улицы. Я его поджидал, и он был арестован и осужден.

Экипажники совсем не принадлежат к людям просвещенным и им часто случается овладевать драгоценными вещами, цены которым они совсем не знают. Один из них, укравши чемодан неаполитанской королевы, нашел в нем диадему и подарил ее своей любовнице, стараясь отделаться через то от давно обещанной ей гребенки. Делать нечего, девушка надела королевское украшение и отправилась в нем на бал в улицу Френиллон; конечно, там в первый раз видели бриллианты.

Желаете вы оградить себя от этого сорта грабителей? Не привязывайте ваших чемоданов ни ремнями, ни веревками, а железными цепями, которые нельзя было бы снять без того, чтобы не наделать тревоги через скрытый звонок. Это совет путешественникам; а вот что можно посоветовать извозчикам: держать хороших собак, чем злее, тем лучше, и чтобы эти сторожа не находились под каретой, а наверху ее; никак не оставаться одним, за исключением когда нельзя уже иначе сделать, а главным образом отказаться от гибельной привычки ходить по кабакам. Зазыванье и угощенье приятеля зачастую бывает только надувательной приманкой: угощают воры.

Прачки поступят благоразумно, если будут доверять свои тележки с бельем взрослым людям, а не детям, которые нередко засыпают и которых так легко чем-нибудь развлечь: покажут им игрушку, а сами делают что хотят.

Комиссионеры, возвращаясь порожняком, не должны никогда класть деньги в кошельки, вложенные один в другой, как это обыкновенно делается; надо, напротив, чтобы они всегда были у них на виду; в противном случае, пока они идут пешком, деньги могут отыскать, украсть и убежать.

Воры часто прокатываются несколько миль в кибитке, в ожидании удобного случая ускользнуть.

Глава шестьдесят девятая
Карманники или жулики

Обыкновение жуликов. — Ученый осел. — Зазевавшийся англичанин. — Монахи и монахини. — Избегайте толпы! — Ловкость рук. — Наглость жулика. — Часы с репетиром. — Казнь вора — праздник для жуликов. — Обильная жатва при казни собрата по ремеслу. — Полезна ли смертная казнь?

Карманники прежде носили название жуликов (floueurs), которым теперь обозначают другой род воров, хотя к нему это название гораздо менее идет, Слово «жулик», или «мазурик», по-французски floueurs означает, собственно, искателей большого стечения народа.

Жулики обкрадывают карманы, таскают кошельки, часы, табакерки и т. п. Вообще они тщательно одеваются и не носят ни палок, ни перчаток, потому что им не только нужна свобода рук, но и вся тонкость осязания; про них нельзя сказать, чтобы они плохо пользовались своими десятью пальцами. Воры эти обыкновенно ходят втроем и вчетвером; им удобнее действовать в тесноте, поэтому они посещают все собрания, пиршества, балы, концерты, театры во время входа и выхода публики; они особенно предпочитают место, где оставляют палки и зонтики, потому что тут всегда скучивается народ; посещают также и церкви, но только при большом торжестве и стечении молящихся; они всегда настороже, чуть где столпится народ; иногда даже сами его собирают, затеяв притворную ссору, или какой-нибудь другой хитростью. Часто, для большего удобства, они соединяются с фиглярами. Владелец ученого осла, о котором весь Париж сохранил воспоминание, был в стачке с целою шайкою жуликов; когда осел кричал, карманники были во всем разгаре деятельности. Уличные певцы, комедианты, всевозможные фокусники почти всегда в сношениях с жуликами и участвуют в дележе добычи. В Париже не обходится ни одно сборище без этих господ: они являются повсюду.

Раз один англичанин, заложивши руки в карманы, зевал на проходивших церемониальным маршем солдат. Жулик, по имени Дюлюк, вынул у него из кармана часы, обрезав шнурок. Через минуту, заметивши, что у него чего-то недостает, англичанин принялся оглядываться и под ноги, и по сторонам; смотрел и на свой шнурок, и хотя легко было видеть, что он обрезан, он все-таки обшаривался, ощупывался с головы до ног; наконец, не найдя часов, вскричал: «Черт возьми, у меня украли часы!» И пока он таким образом развлекал соседей своим простодушием, жулик в нескольких шагах передразнивал его с товарищами.

Нет ничего легче, как узнать жулика или карманника: он никогда не постоит на месте, беспрестанно снует туда и сюда; эта подвижность ему необходима, потому что таким образом он чаще сталкивается с новыми лицами и замечает, где удобнее можно стащить. Проникая в толпу, он пускает руки на авось, но так, чтобы они могли ощупать чей-нибудь карман с деньгами или часами и вообще, чтобы иметь понятие о содержимом. Если игра стоит свеч, то два сотоварища, называемые между жуликами монахами и монашками, становятся возле того, кого хотят обокрасть, и теснят его со всех сторон, как в тисках, чтобы лучше скрыть операцию. Когда результатом ее являются часы или кошелек, то его тотчас передают поверенному, coqueur, который немедленно скрывается, хотя, впрочем, без особенно заметной поспешности.

Необходимо сделать одно замечание, что по окончании спектакля, обедни, и вообще при выходе из какого-нибудь публичного собрания, в то время, когда все спешат выйти, жулики, напротив, делают вид, что только что входят. Я предупреждаю читателя, что, увидевши подобных личностей, которые как бы ни на что не смотрят и быстро проталкиваются, надо быть наивозможно осторожнее; не надо полагаться ни на свою цепочку, ни на пуговицу часового кармана; это не препятствие для вора; он, напротив, очень рад таким

предосторожностям: барин без всякой заботы; на нем цепочка, карман с часами застегнут, он ничего не боится и не заглянет на свои часы: это лишнее дело. Какой же результат? Цепочку обрежут, пуговицу оторвут и часы украдут. Жулики как будто и не замечали, но у них глаза на конце пальцев.

Между тем есть средство обратить в ничто все эти хитрости: сузьте ваш часовой карман, и вы можете сделать вызов самому лучшему жулику.

В Париже был жулик, славившийся такой непостижимой ловкостью, что ему не было равного. Он становился у всех на виду рядом с каким-нибудь человеком и одним движением руки незаметно успевал стащить часы или какую другую вещь.

Это называется vola la chicane.

Некто Молен, по прозванию Шапочник, будучи во Французской галерее, хотел стащить кошелек у одного господина; последний, стоя у стены, почувствовал, что у него вытаскивают. Молен с замечательным присутствием духа ускоряет движение, вынимает кошелек, открывает, берет оттуда монету и спрашивает себе билет. Обворованный тотчас же обращается к нему:

— Послушайте! Вы взяли у меня кошелек, отдайте его мне.

— Что вы? — возражает Молен, притворяясь крайне удивленным. — Уверены ли вы в том?

Затем, взглянув внимательно на кошелек, продолжал:

— Чудеса! Я думал, что это мой. Извините меня, пожалуйста.

Он возвращает кошелек, и все присутствующие остаются уверены, что он взял его по нечаянности.

Однажды, в очень пасмурную погоду, Молен и Дорле остановились близ Итальянской площади. Проходит старик: Дорле вытащил у него часы и передал Молену. Темнота была так велика, что нельзя было видеть, с репетицией они или

нет. Для удостоверения в этом Молен нажал пружину, и колокольчик зазвенел; услыхав звук, старик узнал свои часы и закричал: «Часы мои! Часы! Пожалуйста, отдайте мне часы; это подарок моего дедушки, фамильная драгоценность». Произнося эти жалобы, он направляется в ту сторону, откуда слышался звук, чтобы схватить часы; он подходит к Молену, не подозревая его. Тогда последний, пользуясь сумраком и держа часы в некотором расстоянии от уха старика, снова заставил их звенеть и сказал: «Послушай их в последний раз!» — и воры исчезли.

Старые карманники называют еще между знаменитостями по своей профессии двух итальянцев, братьев Вердюр, старший из которых, будучи в сообществе с шайкой shauffeurs, был осужден на смерть. В день казни младший, оставшийся свободным, желал видеть брата при выходе его из тюрьмы; с несколькими товарищами он остановился на проходе, Когда воры пробираются вечером в толпу, то они обмениваются особыми восклицаниями, чтобы дать знать о себе сообщникам. Увидя роковую тележку, младший Вердюр произнес; lirge, на что осужденный отвечал, отыскивая его глазами: lorge. Читатель, пожалуй, подумает, что после этих странных приветствий младший брат, опечаленный предстоящей казнью родного брата в назидание другим ворам, поспешил скрыться. Ничуть не бывало. Еще с самого начала он успел стащить двое часов; его не смущала страшная картина падения головы на помост гильотины, он как прежде, так и после, хотел обычным образом воспользоваться случаем. Когда толпа разошлась, он вошел в кабак с товарищами. «Ну вот, — сказал он, — раскладывая на столе четверо часов и кошелек, — надеюсь, я отлично поработал; я никак не думал, что столько наловлю при смерти моего брата. Жаль только одного, что его нет здесь, чтобы получить свою долю».

Что-то скажут на это приверженцы смертной казни? Полезна ли она? Как видите, доказательство налицо.

Глава семидесятая
Мазурики или игроки

Мнимая находка. — Воровские знаки. — Шляпа и галстук. — Пари. — Игра. — Стакан с цветами. — Я всех обыграю! — Монетные весы. — Отличные карты!

Жулики, или мазурики, которых скорее надо бы назвать игроками, обыкновенно ходят втроем или вчетвером. Один из них идет впереди, держа в руке монету в 20 или 40 су, и, заметивши приезжего, не городского жителя, ловко роняет ее. Фасон платья, сапог, шляпы, стрижка волос, более или менее загорелое лицо, любопытные и удивленные взгляды — вот признаки, по которым они отличают провинциала. Уронивши монету, жулик наклоняется, чтобы поднять ее, но так, чтобы прохожий непременно это заметил, затем обращается к нему:

— Не из вашего ли кармана это выпало?

— Нет, — обыкновенно отвечает незнакомец.

— По чести, милостивый государь, — продолжает вор, — если бы она была большей стоимости, я поделился бы с вами, но такой безделицей не стоит делиться; коли позволите, я предложу вам бутылку вина.

Если прохожий согласится, жулик хватается рукой за галстук, или снимает шляпу, как бы кланяясь кому. При этом знаке соучастники отправляются вперед в кабак и садятся там играть в карты. Затем появляется мнимый находчик монеты в сопровождении провинциала, которого намерен надуть. Оба садятся, но последнего всегда помещают таким образом, чтобы он мог видеть карты одного из играющих. Вскоре намеренно подготовленный выигрыш привлекает его внимание; собеседник замечает ему, какие хорошие карты у одного из игроков. Затевается пари за и против, и незнакомцу тоже приходится принять участие. Вскоре он невольно увлекается желанием взять самому карты в руки и, отдавши свои деньги

тому, с кем он пришел, — что весьма естественно, потому что тот его соучастник, — он начинает играть. Но, но непостижимому несчастью, он проигрывает, а жулики смеются и пьют на счет простачка, как они называют обманутого. Маневр, которым эти господа завоевывают себе счастье, называется стакан с цветами.

Один простофиля, увлеченный таким образом в кабак и соблазнясь игрой, говорит:

— Ей-Богу, если бы можно было спорить, я готов биться об заклад, что выиграю.

Завязывается пари, садятся играть; вдруг новичок восклицает:

— Постойте, господа, счет дружбы не портит; мне хочется знать, надлежащего ли достоинства ваши луидоры. Что касается до моих, то я за них отвечаю.

И он вынул из кармана весы.

— Притом, так как они у вас останутся, то вам это все равно.

Простак взвесил луидоры, недоставало тринадцати гран; он потребовал в дополнение три франка и, когда все было верно, стал играть и проигрался до последнего сантима; игра была верная, у него был король, дама, все девять козырей и два других короля.

Чтобы не быть обманутым, недостаточно иметь монетные весы, надо еще не ходить пить с незнакомыми, а тем более никогда не играть с ними.

Глава семьдесят первая
Бильярдные шулера (Emporteurs)

Ловля жертв. — Уловки. — Замечательности Парижа. — Входной билет. — Ловкий удар. — Пари. — Университетский советник и яд гремучей змеи. — Видок — истребитель шулеров

В Париже есть личности, которых с утра до вечера можно видеть на улице; они разгуливают без всякой определенной цели, предпочитая, однако, главные улицы; их также часто встречают в публичных местах: в Тюильри, Пале-Рояле, в Ботаническом и Люксембургском садах, в Лувре, на Карусельной площади и на Вандомской во время развода, в галереях музеев, словом, везде, где наиболее бывает иностранцев и провинциалов; эти бродяги, о которых я говорю, одеты всегда если не изящно, то чисто, их можно принять за купцов, или по крайней мере за комиссионеров.

Обыкновенно они сговариваются по трое. Один из них идет вперед и, заметивши иностранца или провинциала (при некоторой наблюдательности приезжий виден с первого взгляда), подходит к нему и спрашивает какую-нибудь улицу, стараясь ее выбрать из ближайшей местности.

Иностранец, конечно, отвечает, что он нездешний. Жулик, ухватившись за это, говорит; «Я тоже нездешний и даже очень давно не был в Париже; теперь совсем не знаю местности, так многое здесь переменилось». Подойдя на угол улицы, он читает надпись. «А! — восклицает он. — Это вот какая улица! Ну теперь я знаю дорогу». Продолжая идти рядом с незнакомцем, он завязывает разговор, сводя его на то, что в настоящее время интереснее всего посмотреть Тюильрийский дворец, картины или новейшие изобретения; иногда это была императорская порфира Наполеона; то детское приданое римского короля, позднее герцога Бордосского; то это жираф, то алжирский посланник, а может быть, китайцы. Словом, что бы это ни было, жулик намеревается брать

билет, чтобы посмотреть; а так как билет на двоих, то он предлагает незнакомцу войти в долю. Этот билет обыкновенно обещал ему или гвардейский офицер, или придворный чиновник, или какое-нибудь значительное лицо, с которым они должны свидеться в ближней кофейне, где и получится билет. Если приезжий согласится туда идти вместе, то по данному знаку два сообщника спешат вперед.

Кофейня недалеко, и они скоро туда приходят. Проводник останавливается у конторки, как бы для того, чтобы осведомиться о прибытии ожидаемого лица, а спутника приглашает пройти в бильярдную. Через минуту он сам туда является и говорит, что особа не замедлит явиться. «А пока позвольте вам предложить рюмочку». Рюмочка принята, и посетители смотрят игру на бильярде. Один из играющих делает ловкий удар, проводник замечает это незнакомцу; игра продолжается, и замечательные партии идут одна за другой. Игрок, который должен выиграть, изображает дурачка; говорит, что ему все равно — выиграть или проиграть, за все отвечает дядюшкино наследство; а если и его не хватит, найдутся другие, и при этом он постукивает талерами в кармане. Представилась сомнительная партия, стали держать пари, в котором принимает участие спутник провинциала, стараясь и его вовлечь туда же. Если последний не откажется, пропали его денежки.

Простак не всегда ограничивается одним пари; иногда сам берется за кий, намереваясь помериться с тем, кто плохо играет; он хвастается, что выиграет, и чем более хвастает, тем скорее его оберут. Мнимо плохой игрок выигрывает партию за партией и остается победителем. Некоторые в один вечер проигрывают от трех до четырех тысяч франков. Советник императорского университета г-н Сальваж де Фаверол, почти восьмидесятилетний старик, потерял таким образом двое часов, золотую цепочку, сто двойных наполеондоров и, кроме того, вексель на 600 франков; он сам не играл, но его уверили,

что он держал пари. Проводник его, отгадавши в нем старого медика и любителя естественной истории, предложил ему принять участие в опытах исследования свойств и действия яда гремучих змей.

— Ну когда же мы увидим этого змия? — повторял беспрестанно г-н Сальваж.

— Скоро, скоро, — отвечал проводник, — я сам его хочу поскорее видеть.

Игроки подобного рода назывались бильярдными ворами. При моем поступлении в полицию их было от двадцати пяти до тридцати субъектов; теперь их убавилось на четыре пятых, и я смею сказать, что это благодаря мне. Те, которые еще остались, не пользуются ловкостью, а другие исчезли вследствие более или менее продолжительных тюремных заключений. До меня их наказывали административным порядком, т. е. произвольно; их отсылали на несколько месяцев в Бисетр, после чего отправляли с жандармами по их квартирам. Я же первый применил к ним 405 статью уложения; нашли, что я прав, и всех, пойманных на месте преступления, стали приговаривать на два или три года заключения в тюрьму. Эта строгость в связи с обнародованием употребляемых ими маневров значительно содействовала к очищению от них столицы.

Глава семьдесят вторая
Заемщики

Путешествие на почтовых. — Аристократы. — Золотые слитки. — Знаменитая сделка. — Драгоценный залог и разочарование. — Бриллиантовый убор, или Двойник. — Мрачный и причудливый англичанин. — Искусное привлечение всеобщего внимания. — Трактирщик, очарованный щедростью миллионера. — Финал комедии

Заем, с одной стороны, как мошенничество, с другой, — как воровство, есть одно из остроумнейших средств присваивать себе чужое. Никогда заемщики не производили более блистательных афер, как во время революционных смут; это было лучшее время их профессии, совершаемой ими следующим образом.

Две пожилые личности путешествовали на почтовых в сопровождении третьего, разыгрывавшего роль их лакея. Вся внешность их поражала богатством: костюм изысканный, изящные манеры и разговор, приправляемый часто даже придворною вежливостью. Невозможно было не принять их за важных особ, и притом особ богатых, судя по издержкам. Никогда они не останавливались иначе, как в лучших гостиницах и известнейших отелях; для них необходимо было, чтобы содержатель был тузом той местности; они знали заранее о состоянии его кассы, и если он сам не слыл за богача, то, но крайней мере, можно было рассчитывать на его кредит. В этом отношении им особенно были подходящи почтсодержатели.

Приехавши в избранную гостиницу, путешественники нанимают лучший номер, и пока отель оглашается их вельможными приказаниями, мнимый лакей таскает вещи из кареты и распоряжается насчет их помещения. Редко эта операция производится вне присутствия всего персонала гостиницы: хозяин, хозяйка, слуги, конюхи, повар и даже по-

варята выходят на двор; каждому любопытно посмотреть. Эти обязательные свидетели всякого приезда не упускают ни малейшего обстоятельства, благоприятствующего для новоприбывших. Они переносят чемоданы, чтобы узнать их тяжесть; им бы очень хотелось присутствовать при их вскрытии, и вещь, до которой запрещено дотрагиваться, делается предметом смертельного беспокойства; они ее взвешивают глазами, и если она покажется тяжелой, если ее скрывают с более или менее таинственным видом, то всевозможным заключениям открыто широчайшее поле: приезжие — истые крезы и возят с собою сокровища. Тогда им начинают оказывать безграничное доверие, всевозможные любезности, предупреждают малейшие желания. Для них готовы из кожи вылезть; погреб, кухня, конюшня, весь дом вверх дном.

Путешественникам, которых я описываю, было небезызвестно, какое значение может иметь кстати показанный и замеченный чемодан. Слуга их, будучи безукоризненным исполнителем их тонких соображений, принимается, например, с усилием вытаскивать маленький сундучок, миниатюрность которого значительно противоречит чрезмерности усилий, чтоб поднять его.

— Ну, брат, в нем, знать, не перья! — говорят зрители.

— Я думаю, — поддакивает слуга.

Затем, обращаясь к хозяйке или к кому-нибудь из их семьи, он, вытянув шею, произносит как бы по секрету, однако так, что все могут слышать;

— Это сокровищница.

— Дайте же, дайте я поддержу! — раздается пять или шесть услужливых голосов.

— Постойте, вот вам помогут, — говорит хозяин, подвигаясь, чтобы иметь понятие о ноше; и когда сундучок поставлен, все рассматривают замок и удивляются его устройству. Каждый делает свое замечание; но всего интереснее взгляд хозяина; мнимый слуга путешественников все видит и слышит,

и если в эту эпоху, когда ассигнации единственно составляли общественное достояние, трактирщик жестом, словом или взглядом обнаруживал свою любовь к звонкой монете, то по этому взгляду, жесту и слову соразмерялось, что можно было предпринять.

Если есть надежда на успех, то путешественники выжидают благоприятной минуты для начала действия.

В один прекрасный вечер, будучи уже уверены, что завоевали благосклонность хозяина, они посылают к нему, или к хозяйке, или к обоим вместе, просят их к себе. Те, конечно, спешат на приглашение. Тогда один из приехавших обращается к слуге; «Конрад, прошу вас оставить нас одних». И по удалению слуги продолжает: «Мы живем в такие времена, когда честность составляет столь редкое явление, что поистине надо считать себя счастливым, встречая иногда честных людей. Это положительно счастье, что мы попали к вам. Заслуженная вами репутация гарантирует от боязни вверить вам тайну, имеющую для нас величайшее значение. Вы знаете, с какой яростью преследуют теперь аристократию; все, носящие известное имя, изгнаны. Мы также должны были бежать из своей родины, чтобы спастись от зверства революционеров; они искали наших голов и нашего состояния, и счастье, что мы успели бежать, потому что теперь с нами было бы уже покончено. Но, слава Богу, мы пока в спокойном пристанище и с хорошими людьми».

Таково было вступление, высказанное со всей торжественностью, Затем приезжий на минуту умолкал в ожидании какого-нибудь вопроса, могущего обнаружить степень интереса слушателя. Если испытание оказывалось удовлетворительным, то следовало продолжение в таком роде: «Вам известно, что золотая и серебряная монета исчезла из обращения, и кто ее имеет, прячет тщательнейшим образом, чтобы не быть схваченным и принятым за аристократа. У нас было золота на пятьдесят тысяч франков; с такой суммой

очень затруднительно, поэтому мы ее сами расплавили и превратили в слитки. Тогда мы не предвидели, что нам придется переезжать с места на место, и наш неожиданный отъезд застал нас почти врасплох. Небольшой запас луидоров был пока достаточен; но наше путешествие продлится неизвестно до каких пор. При таком положении деньги необходимы, потому что ямщику не заплатишь слитками. Мы могли бы обратиться к ювелиру, но кто поручится, что он на нас не донесет! Эта боязнь заставила нас решиться прибегнуть к вашей любезности; вы окажете нам большое одолжение, если согласитесь за один или два слитка дать пять-шесть тысяч франков (требуемая сумма всегда пропорциональна денежным средствам трактирщика). Нечего и говорить, что при возвращении капитала мы заплатим и проценты. Что касается до срока, то вы сами его назначите по своему усмотрению, и если по истечении срока пожелаете употребить слитки, то имеете на то полное право; мы вам пришлем записку, и они будут в вашем распоряжении».

Сундучок принесен, а хозяин еще в нерешимости насчет своего ответа, Но вот слитки вынуты, их перед ним раскладывают; самый маленький во всяком случае соответствует занимаемой сумме, а тут вместо одного предлагают два: гарантия вдвойне; вернее нельзя поместить свои деньги, и притом вероятность, в случае неплатежа, совсем воспользоваться залогом, была также немалым соблазном. Поэтому неудивительно, что трактирщик согласился на операцию, обещавшую столь блистательные выгоды. Но могло случиться, что он и откажет. Тогда, нимало не сомневаясь в его доброй воле, просили найти какого-нибудь богача, который бы захотел раскошелиться; путешественники готовы на всякие уступки скорее, чем обращаться к ювелиру.

Дело велось тонко, и, обольщенный предложением непомерных процентов, трактирщик находил между своими знакомыми обязательного капиталиста. Торг завершался;

но прежде получения денег, путешественники, верные своей деликатности, желают, чтобы проверена была проба золота. «Это как для вас, так и для нас, — говорили они заимодавцу. — Так как мы плавили луидоры, дукаты, цехины, квадрупли и всякие монеты, то для вашей, равно как и для нашей уверенности, лучше нам знать действительную стоимость». Часто заимодавец полагался на их честность, но они настаивали. А между тем, как приступить к проверке, не возбуждая подозрения в ювелире, к которому обратятся?

Каждый высказывал свое мнение; но всегда встречалось какое-нибудь неудобство. Очевидно, вся изобретательность заинтересованных сторон была неудовлетворительна. Вдруг один из мошенников, как бы озаренный свыше, восклицает: «Господа, ничего нет проще, и не надо нам доверяться никакому ювелиру; отпилим кусок от одного какого-нибудь слитка, и над опилками сделаем пробу». Способ найден превосходным, принят всем обществом, и тотчас же заимодавец приступает к распиливанию; драгоценные опилки собраны в особую бумагу, преднамеренно оставленную на столе. По окончании операции заемщики завертывают опилки. Это самая решительная минута. Делается пакет, но при этом бумагу, куда сыпались медные опилки, ловко подменяют точно такою же другою, в которой находятся золотые опилки двадцать второго карата. И вот заимодавец с этой подмененной бумажкой отправляется брать пробу и вскоре возвращается с сияющим лицом, потирая руки, как человек, который очень доволен своим успехом.

— Господа, — говорит он, — золото лучшей пробы, стало быть это дело поконченное; я отсчитаю вам деньги, а вы потрудитесь мне передать слитки.

— Совершенно верно, но так как на этом свете нынче мы живы, завтра нас нет, поэтому, во избежание спора, мы думаем, что самое лучшее запереть их в этот ящик (ящик всегда

наготове), на который и вы и мы положим свои печати. Притом это будет удобнее для нас, в случае если самим не придется за ним приехать. В обмен на маленькую расписочку, которую вы нам теперь потрудитесь дать, вы возвратите ящик, и дело кончено: посланный не будет и знать, что в нем заключается. Расписка такого рода: «Заявляю, что в моих руках находится ящик; я должен возвратить его по представлении этой записки особе, которая заплатит мне сумму (такую-то)…».

Эта предосторожность приложения печатей была необходимой гарантией того, чтобы слитков не трогали. Таким образом мошенники имели время достигнуть границы, где под защитой инкогнито начинали то же самое, разнообразя свои действия сообразно времени и обстоятельствам.

Проделки заемщиков не исчезли вместе с ассигнациями; но только мошенники для достижения своей цели изобрели другие средства. Следующий факт может служить доказательством. Два вора этой категории, Франсуа Мотеле, по прозванию Маленький Солдатик, и итальянец Феликс Каролина купили за тридцать пять тысяч франков парюр из бриллиантов и сапфиров. И вот с готовой вещью отправились они в Брюссель, к бывшему ювелиру Темберману, давно оставившему торговлю и отдавшему деньги под заклад. Являются к нему на Песочную площадь и просят под залог убора двадцать тысяч франков. Темберман рассмотрев внимательно каменья и убедившись в их неподдельности, объявляет, что даст восемнадцать тысяч и ничего более. Заемщики соглашаются, залог кладется в ящик, на который каждый прикладывает свою печать. Восемнадцать тысяч сочтены, за исключением процентов, которые закладчик вычел вперед, и оба мошенника отправляются в Париж. Через два месяца они снова приезжают в Брюссель; наступил срок платежа, и они явились с безукоризненной аккуратностью, Темберман так восхищен их

точностью, что, с сожалением возвращая убор, предлагает свои услуги и на будущее время. Это предложение было охотно принято, и ему обещали, в случае надобности, не обращаться ни к кому другому. Читатель увидит, что мошенники действительно решились обратиться именно к нему, хотя он их порядочно пощипал.

В Париже есть ювелир, который уже лет сорок пользуется исключительной привилегией поставлять драгоценности королям, королевам, принцам и принцессам, отличавшимся на различных европейских театрах; в его магазинах повсюду так и блестят алмазы, изумруды, сапфиры, рубины; даже в Голконде менее драгоценностей; но все это не более как обман: этому идеальному великолепию недостает действительной стоимости, весь этот мишурный блеск богатого сочетания цветов не что иное, как пустой результат обманчивого отражения. Что нужды! С первого взгляда ничто так не похоже на истину, как ложь, и обладатель этих редкостей, г-н Фромаже, так искусен в своих подражаниях, что, не будучи тонким знатоком, и не заподозришь подделки. Поэтому наши приятели итальянец и Мотеле, едва успели получить обратно свое сокровище, как истые ценители талантов г-на Фромаже прямо отправились к нему, чтобы заказать дубликат.

Имея оригинал перед глазами, бриллиантщик создал безукоризненный образец искусства; сличая оба убора, нельзя было не признать, что они совершенно одинаковы; это было не простое фамильное сходство, а совершенные двойники, которых невозможно отличить друг от друга; словом, даже самый опытный присяжный ювелир не мог бы отличить фальшивого от настоящего. Два приятеля не прочь были узнать, может ли ошибиться и г-н Темберман на этот счет. Они снова отправились в Брюссель и заложили настоящий убор за ту же цену. Через десять дней Мотеле явился его выкупить, отсчитал деньги и, получивши ящик, сломил печать,

как бы для того, чтобы удостовериться, ту ли самую вещь получает он; но пока жид пересчитывал полученные деньги, мошенник успел подменить ящик с дорогим убором точно таким же другим, в котором был поддельный; оставивши последний на столе, первый он быстро и незаметно сунул в боковой карман своего объемистого пальто.

Мотеле хотел уже удалиться, как вдруг вбегает его приятель с расстроенной физиономией:

— Ах, мой милый, — восклицает он, обращаясь к своему другу, — какую неприятную новость я получил! Два векселя, посланные тобою в Гейт к г-ну Шампу, остались неоплаченными, по ним требуют уплаты; а ведь это на 7000 франков!

— Какое несчастье!

— Отвратить его можно только тем, что убор придется опять оставить у г-на Тембермана, мы выкупим его в другой раз.

— Как вам угодно, господа, — отвечает закладчик, — говорите скорее, что мне у себя оставить: деньги или вещь?

— Да уж убор, — отвечает Мотеле.

И тотчас же ящик был завязан, запечатан, и оба вора отправились с 18 тысячами франков. Через несколько месяцев закладчик, соскучившись в ожидании заемщиков, которые не показывались более, решился сломать печати. Увы! Бриллианты и сапфиры исчезли, а на месте их остались одни стразы; золото заменилось медью, но работа была восхитительна.

Вообще ювелиры и бриллиантщики должны постоянно остерегаться подделки. Я знал четыре случая, подобных вышеописанному, с одним брабантским ростовщиком. Мошенники при своем изобретательном воображении сегодня пускают в ход одну хитрость, завтра — другую. Им почти всегда удается следующий маневр: приходят они в магазин покупать что-нибудь ценное; выбравши вещь, которую всегда легко сбыть с рук, они скоро сговариваются в цене, но, к несчастью,

с ними нет всей требуемой суммы и они должны сходить домой; опасаясь, чтобы не подменили покупку, они просят ящик завязать и прикладывают свою печать. Купец, ослепленный богатым задатком, соглашается на все что угодно и забывает осторожность. Что же выходит? То, что завязывается и запечатывается другой, подсунутый ящик, а настоящий попадает в карман покупщика, обещающего прийти на Пасху или в Троицын день. Проходит и Троицын день, и купец теряет 90 на 100.

С тех пор, как наши соседи англичане полюбили климат Франции, последняя наполнилась множеством оригиналов, ищущих спасения от сплина, навеваемого туманом Темзы. Эти отягощаемые скукой милорды принимаются с распростертыми объятиями во всех гостиницах, потому что у них предполагается туго набитый кошелек. Они странны, причудливы, капризны, угрюмы, так что им весьма трудно угождать. Это ничего не значит, все показывают вид, будто и не замечают таких недостатков, и спешат предупреждать все их желания; мало того, чем они страннее и нелепее, тем более выбиваются из сил, чтобы угодить и понравиться им. Гинеи! Гинеи! Как это обаятельно улыбается содержателю гостиницы! Чего, чего только нельзя получить благодаря им! Восторженный прием, оказываемый самым подозрительным личностям, когда они сумеют блеснуть богатством, не мог ускользнуть от внимания мошенников, вообще отличающихся наблюдательностью и умеющих применить ее к делу. Может быть, читателю небезынтересно будет узнать, какую пользу могут извлечь они из мнимой оригинальности.

Представьте себе джентльмена, всегда мрачного, молчаливого, неприветливого, и к довершению капризного повелителя, соединяющего деспотические привычки с явным отвращением от жизни. Его сопровождает лакей, француз или итальянец, по имени Джон. Выходят они из почтовой кареты. Барни, в своей огромной шапке, спускающейся ниже

ушей, кажется страждущим, угрюмым, идет никуда не оглядываясь, едва удостаивая слугу кой-какими знаками; в своей обычной беспечности он даже не замечает, что его длинный балахон из альпака волочится по мостовой и что встречающиеся на пути девушки имеют весьма привлекательные личики. Все для него пусто, неудобно, невыносимо; он обернулся только раз, чтобы удостовериться, следует ли за ним Джон с флаконом Soda water (содовой воды) и драгоценным несессером здравия, т. е. с New London portative apothicary (новая Лондонская походная аптека), без которой ни один порядочный человек, не будучи врагом себе, не поедет даже за каких-нибудь четыре мили. Уж и этот багаж довольно странен; но прибавьте к этому костюм, манеры и многое другое, и все это становится уже до крайности смешным. Не проходит трех часов после их приезда, как во всей гостинице смотрят на джентльмена, как на весьма смешное явление.

— Что это с вашим барином? — говорит трактирщик Джону, — это какой-то потешный остгот? Он мрачнее тьмы, ничего не говорит и отдувается, как бык. По чести, сколько мне не приходилось видать англичан, а такого требовательного еще и не было… Все только и носись с ним, он и хочет и сейчас же не хочет, и приказывает и отменяет приказание. Что он, болен или просто сумасшедший?

— И не говорите, — начинает Джон, отличающийся неудержимой болтливостью, — барин, как вы его теперь видите, добрейшая душа, только надо уметь к нему подступиться. Вот уж четыре года, как мы ездим вместе. Верите ли, он не мог никакого слуги долго держать у себя. Ну, а я вот ужился и, ей-Богу, теперь не жалею. Я как раз по нем пришелся.

— А, вы уже путешествуете четыре года… Куда же это вы едете, позвольте спросить?

— Куда едем? Спросите у него, куда мы едем… Он и сам ничего не знает… Мы гуляем, сегодня здесь, завтра там… Он

говорит, что ищет, где можно остаться жить совсем, и мы все ездим.

— А ведь эти поездки должны ему дорого стоить?

— Конечно! Я бы рад был иметь такое состояние, которое могло бы составиться из одних только подачек на водку почтальонам.

— Так он, верно, богат?

— Богат ли он! Он и счету своим деньгам не знает. Я уж и не помню, сколько тысяч фунтов стерлингов он тратит в день.

— Черт возьми! Вы бы его уговорили здесь остаться. Сторона прекрасная, во-первых, народ здесь добрый, и притом ни в чем нет недостатка. Есть леса для охоты; если он любит рыбную ловлю, у нас в реке множество рыбы; луга, поля, виноградники, фруктовые сады. Театр круглый год. У нас зала для спектаклей, превосходные актеры, общество отборное, г-н маршал *** в своем окрестном замке, княгиня *** тоже почти рядом, герцог *** всегда приезжает на лето; затем маркиз ***, генерал ***, кавалер не считая г-на мэра и его помощника, у которых два раза в неделю бывают вечера… О, здесь много развлечений!.. Литературный кружок, где обсуждают различные вопросы и читают все журналы; общество земледелия и соревнования, к которому принадлежат образованнейшие и почетнейшие личности страны. Великолепные места для прогулки, оспенный комитет, одна из лучших церквей в королевстве, концерты и большие балы зимой. Тиволи и серенады летом. Церковная музыка круглый год, а в большие праздники — процессии, в которых появляется во всем блеске красота и свежесть наших девушек… Я думаю, что достаточно удовольствий… Кроме того, у нас отличные казармы, где больше двух тысяч человек кавалерии. Отличные кофейни, лимонадные павильоны и бильярдные, как в Париже. Для любителя это вещь важная. У нас игроки первого разряда… Забыл еще вам сказать, что гарнизонные офицеры — народ самый любезный. Скажите по правде, с тех пор как вы воя-

жируете уже четыре года, много ли вам встречалось таких городов, как наш? Прибавьте к этому, что это главный город департамента и что у нас все под рукой: префектура, суд первой инстанции, мировой суд, суд присяжных, епископства, коллегия, школы взаимного обучения, ремесленная школа, госпиталь, каких мало, капуцины, иезуиты, двухнедельная ярмарка и тысяча других подобных развлечений, о которых слишком долго было бы рассказывать.

— Описанная вами картина очень привлекательна, и кабы барин был, как другие, я уверен, что ему захотелось бы здесь пожить. Но знаете ли, барин все жалуется на свое здоровье.

— Что до этого, наши доктора следуют методе Бруссе, у нас превосходные пьявки.

— Пьявки — это так, но воздух — вот что главное. Барину особенно нужен хороший воздух.

— Воздух отличный; никогда никаких болезней.

— Вы сказали, что у вас есть госпиталь.

— Да, для бедных… А то нам и умирать не от чего, за исключением когда убьют.

— Доктора следуют методе Бруссе, пьявки отличные, воздух тоже… Теперь перейдем к воде. Вода — это божество для барина.

— Вот уж скажу, едва ли где бывает чище.

— А вино?

— Превосходное.

— Есть у вас свежие яйца?

— Куры под руками.

— Молоко, масло?

— Слава Богу, в изобилии и лучшего качества.

— Ростбиф, бифштекс также есть в вашем краю?

— Наши быки громадны.

— В самом деле! Ну, ваш край — просто рай земной… Мне бы очень хотелось остаться. Ах, кабы барин разделял мое желание! Но и думать нечего. Все его бесит, все утомляет, все

надоедает. Мы объездили все четыре стороны света: Европу, Азию, Африку и Америку. Нет живописной местности, нет горы, потока, озера, пропасти, вулкана, каскада, который бы мы не осмотрели; все ужасное в природе нас привлекало, Он приезжал, смотрел, зевал и уезжал обратно. «Поедем дальше, Джон, — скажет он, и мы отправлялись.

После этого разговора Джон пошел осведомиться, не нужен ли он барину. Тотчас по всей гостинице разнеслось, что путешественник — милорд, что у него несметные богатства, но что это самая странная личность. Хозяин тем не менее очень желал бы иметь его своим нахлебником и с этой целью дал инструкции всему дому: хозяйка должна постоянно быть с улыбкой на устах и почтением на языке, всем остальным предписано удвоить услужливость; все уши и все ноги только и должны быть для милорда. Не успели отдать эти приказания, как появился снова Джон и объявил: «Я думаю, мы завтра сделаем маленькую прогулку в окрестностях; барин велел раньше разбудить его; он не так пасмурен, как всегда; эх, кабы его дурное расположение рассеялось! Да нет, он прихотлив и через пять минут изменит желание; с ним ни на что нельзя рассчитывать».

Вечером милорд велел подать на ужин два свежих яйца и стакан воды; на другой день на завтрак — то же — стакан воды и два яйца, Он воздержан и ест удивительно мало, но это потому, что сидит на диете. Что касается до его слуги, то это другое дело; Джон уплетает большие куски баранины и опустошает бутылки с удивительной быстротой. По окончании обеда отправляются на предполагаемую прогулку и возвращаются уже на закате солнца. К величайшему удивлению, он раскланялся с хозяйкой; он как бы менее желчен, нежели утром, даже соблаговолил сказать два-три комплимента. Это медведь, начинающий приручаться; морщины на лице у него разгладились; черная шапка уже не так надвинута на глаза.

Таково благотворное действие, несомненное влияние восхитительной местности на хандру милорда.

Джон не может надивиться столь внезапной перемене; но это еще только слабые признаки улучшения, которое скоро обнаружится более удивительными симптомами. Милорд начинает спрашивать себе ростбиф с полудюжиной блюд французской кухни; он требует лучшие напитки, льет ром в кофе, чай — в ром, ложится и засыпает. Джон в самой экспансивной радости; одно из двух: милорд или спасен, или скоро умрёт. Поглощая остатки вкусного обеда, он рассказывает о чудесном превращении, и хозяин, в надежде сохранить такого жильца, присоединяется к его веселью от всей души.

Милорд просыпается; он провел одну из самых благотворных ночей; давно уже он не вкушал столь сладостного покоя. Под влиянием приятного расположения духа он посылает за трактирщиком. Джон побежал сломя голову, шагая через три ступени.

— Или я ошибаюсь, или есть что-то новое — барин сегодня весел, как я его никогда не видал. «Джон, — сказал он, — мы не уедем больше. Пожалуйста, попросите г-на хозяина прийти ко мне». Может, он хочет у вас остаться? Уверяю вас, вы не потеряете от этого.

— Вы думаете?

— Это будет для вас просто счастье. Я не знаю, что ему нужно от вас, но что бы он вам ни предложил, мой совет — на все согласиться; главное, не надо ему противоречить. Видите ли, у этих англичан бывают иногда такие идеи! Но он великодушен, и если где остановился, ручаюсь вам, останетесь довольны.

— Хорошо, так и будем знать; благодарю вас, Джон.

Тотчас же трактирщик отправился к милорду и предстал перед ним в почтительной позе, т. е. с улыбающимся лицом, руки по швам и с открытой головой.

— Милорд желал говорить со мной?

— Yes, yes (да, да), прошу взять brancard, — начал милорд на своем диалекте.

Хозяин стоял, не понимая; но явился на выручку Джон.

— Их светлость, — сказал последний, — приглашает вас садиться; возьмите кресло.

— Yes, yes, кресло — подхватил знаменитый иностранец и продолжал на своем мудреном языке, состоящем из смеси разных наречий, с самым убийственным выговором и окончаниями.

Хозяин стоял хлопая глазами, и не зная, что отвечать; но Джон, видя его замешательство, тотчас же взял на себя роль переводчика.

— Барин спрашивает, что будет стоить в год содержание и квартира его светлости; затем — пяти лакеев, четырех лошадей и собак, с которыми он намерен охотиться на лисиц.

— Это требует размышления.

— Reflechen, né pas réflechen, говорите тотчас.

— Ну, пятнадцать тысяч франков много будет?

— Пятнадцать тысяч… А, честный человек… Ваша честность заслуживает больше, и я, из уважения к вам, за это считаю себя обязанным назначить вознаграждение, соответствующее моей благосклонности; у нас, жителей Великобритании, всегда есть головной расчет, или экономия, и расчет душевный, или щедрость; вы понимаете, г-н хозяин? Экономия говорит: пятнадцать тысяч, щедрость говорит — двадцать, да и еще пять, то есть двадцать пять.

— Вы слишком добры, милорд.

— Нет, это не доброта, но жизнь в вашей гостинице очень приятна для англичанина; супруга ваша прелестна, скажу по истинной правде, и малютка ее тоже; преинтересная семья… Такая резвушка… я ее очень люблю… Да, сам тоже был шалун в детстве… Вы смеетесь… Ах, вы злой человек. Не смейтесь…

— Милорд, я не позволю себе.

— У вас также есть служанки, которых кокетство, черные глазки и красивые щечки очень мне понравились. Ваша сторона восхищает меня: прекрасные холмики, рощицы, речки, прекрасные ручейки, вода славная. В вашей стороне, верно, есть общество гидрофилов (любителей воды)?

Хозяин вообразил, что дело идет о иероглифах, и отвечал:

— Не думаю, милорд, чтобы у нас были иероглифы.

— А, жаль, жаль!.. Ваши французы, стало быть, не знают богатства своей страны… В Англии гидрофилы пьют всегда воду… Я сам главный председатель общества гидрофилов… Хотите, я и вас сделаю гидрофилом…

— Я не стою такой чести от вашей светлости.

— Да, да, гидрофилом. Джон, напомни мне об этом. Знаете ли, г-н трактирщик, ваше солнце пришлось как раз по моему вкусу; местная природа — самая веселая на земном шаре; благотворный ветерок для сварения желудка постоянно напоминает о счастливом жилище блаженных. И за все эти прелести, которые могут излечить мою хандру, я даю вам двадцать пять тысяч франков. Берете вы двадцать пять тысяч франков, отвечайте?

— Ваше великодушие, милорд, далеко превосходит все мои притязания.

— А, так вы согласны?

— Употреблю все свои усилия, чтобы вы остались довольны.

— Вы хотите, чтоб я был доволен… а! Джон, подай-ка мне мою дорожную сокровищницу.

Джон достал из бюро огромный мешок и подал его барину, который принялся вынимать оттуда пригоршнями золотые монеты и раскладывать на столе кучки по сто франков; когда образовалось пятнадцать столбиков, милорд отдал мешок Джону и велел подать себе бумажный колпак. Заключение этой комедии должно было ознаменоваться особенной оригинальностью. Трактирщик, конечно, очень рад иметь

нахлебника, столь щедро платящего, как милорд. Но последний требует, чтобы условие, по которому он признан жильцом, не только было написано, но и было гарантировано договором о неустойке.

— У вас есть шкаф? — сказал он трактирщику.

— Да, милорд.

— А, у вас есть шкаф! А у меня бумажный колпак; я в него положу тысячу и еще пятьсот франков; вы тоже положите тысячу и пятьсот франков для взаимной уверенности в свой шкаф; я положу свой колпак в ящик; ящик останется у вас, а ключ — у меня. Сегодня я уеду от вас на восемь дней; вы оставите комнаты за мной, и если по окончании месяца на второй день меня не будет, вы разломаете ящик и возьмете оттуда все в свою пользу. Если же я вернусь, а вы не захотите почему-нибудь оставить меня, то моя собственность перейдет ко мне и Джону достанется при этом маленький барыш.

Так как вся эта тирада высказана была весьма непонятным языком, то Джону опять пришлось пояснять.

— Милорд, — сказал он, делая трактирщику знаки, чтобы тот на все беспрекословно соглашался, — милорд желает положить тысячу пятьсот франков вот в этот колпак, вы положите столько же, и все три тысячи будут заперты в шкафу, ключ от которого будет храниться у милорда. Их светлость поедет на восемь дней по необходимым делам. Вы не можете распоряжаться его помещением раньше третьего числа будущего месяца. Если же к этому времени мы не вернемся, то вы можете растворить шкаф и взять себе все три тысячи. Если же, напротив, мы вернемся, и вам почему-нибудь вздумается отказаться от договора, вы отдадите нам колпак, и дело покончено. Я уверен, что вы не вздумаете отступаться от своего слова, но у милорда уж в обычае брать такие предосторожности.

— Если это в обычае у милорда, я на все готов, чтобы его удовлетворить.

— А, вы хотите мне сделать это удовольствие?

— Позвольте мне только сходить за деньгами.

— Ступайте, ступайте, г-н хозяин; сделайте мне удовольствие.

Трактирщик выходит, а Джон следует за ним, чтобы дать ему необходимые наставления; надо ковать железо, пока оно горячо, и ловкий Джон так отлично умеет приняться за дело, что трактирщик готов дать вдвое больше. Если нет у самого всей суммы, то кто-нибудь из знакомых поможет, и вот с золотом отправляется он к милорду. Милорд с плащом на плечах расхаживает взад и вперед.

— А, это вы? И деньги с вами?

— Да, милорд, я положу в колпак.

— Вы пришли положить — отлично, отлично.

Он взял колпак и держал его раскрытым обеими руками.

— Бросьте сюда сперва мое золото.

Трактирщик побросал со стола столбики один за другим и, покончив, хотел показать, что с его стороны кладется также вся сумма сполна.

— Ах, г-н трактирщик, вы меня этим только беспокоите и оскорбляете мое доверие к вам. Бросайте без всякого счета.

Трактирщик, следуя пунктуально наставлениям Джона, кладет свое золото, после чего милорд завязывает колпак и с важным видом направляется к шкафу.

— Г-н трактирщик, — говорит он, — подайте мне вклад.

Трактирщик повинуется и с колпаком в руках идет к лорду, который встал на стул, чтобы достать до верхней полки.

— Давайте сюда!

Глядя вверх, на полку, хозяин передает колпак в правую руку милорда; но в ту минуту, как Джон, пожимая плечами, развлекает его своей одобрительной и вместе насмешливой улыбкой, милорд быстрым движением перекладывает колпак из правой руки в левую и вытаскивает из-под плаща другой колпак, точно такой же. Это сделано мгновенно и

незаметно, так что трактирщик был уверен, что деньги спрятаны как следует. Милорд также в этом уверен.

— Теперь на деньги эти наложено запрещение.

И с этими словами он два раза поворачивает ключ, сходит со стула, спрашивает у хозяина счет за прожитое у него время, платит за все, не говоря ни слова, прощается со всеми и садится в карету с верным Джоном.

— Клик, кляк, хорошим почтовым поездом! Можешь загнать лошадей, но только не сломай мне шеи; награждение после всего.

— Вези милорда по низкой стороне дороги! — кричит надсаживаясь, трактирщик, опасающийся, чтобы с его светлостью не случилось какого несчастья.

— О, Господи, — говорит он жене, — кабы только он не заметил, какие скверные у нас дороги! Еще счастье, что сухо.

— Да, а пыль!

— Зачем не положили ему в карету хорошего лимонного сока?

— Я не подумала об этом.

— Вот какая ты, всегда так. Эй, почтальон, почтальон! Г-н Джон, милорд! Ну, их и след простыл. Господи! — шепчет про себя любезный трактирщик. — Направь коней, уносящих Цезаря и мою фортуну!!!

Приходит и третье число… Трактирщик из боязни вооружить против себя милорда, ждет его еще шесть недель… Но по прошествии этого времени он уже решается снять запрещение. Шкаф разломан, колпак на своем месте. Трактирщик берет его, развязывает — и что же? В нем медные деньги…

Саблен, отлично разыгравший англичанина, был образцом в этом роде воровства… Раз он украл таким способом у одного трактирщика пять тысяч франков. Последний не был греком (grace — плут) хотя жил в Трои, но он был из Труа в Шамнапи.

Глава семьдесят третья
Менялы (grece)

Приступ к делу. — Соблазнительное предложение. — Простак. — Золотая монета. — Потерянный ключ. — Охотничьи пули

Менялы, так называемые grece (плут), почти всегда провинциальные мошенники, беспрестанно рыскающие по дорогам в дилижансе или пешком. С замечательной ловкостью они умеют завязать сношения с личностью, над которой желают испытать свои проделки. Обыкновенно они сговариваются втроем, и каждый отправляется отдельно на поиски за простаками; иногда же один идет на поиски, а двое остаются дожидаться на квартире.

Как только grece, уполномоченный для выбора жертвы, годной для их целей, встретит таковую, то старается вступить с ней в сношения, узнать о ее состоянии, и если окажется, что есть из-за чего хлопотать, поселяется в одной с ней гостинице, когда нельзя ее тотчас же обработать. Если простаку приходится получить откуда-нибудь деньги или он везет товар в Париж, то grece не теряет его из виду, пока не состоится получение. Часто даже, чтобы добыча вернее не ускользнула от плутов, они сами скупают товар или стараются найти покупщика.

Мошенник наблюдает за каждым шагом избранного субъекта и извещает своих соучастников положительно обо всем; он, можно сказать, передает им бюллетень о каждом часе его действий; и когда найдет, что наступило время приняться за дело, то предупреждает их, чтобы они были наготове. Затем он приглашает простака под тем или другим предлогом идти куда-нибудь. Лишь только выйдут они на улицу, к ним подходит иностранец, как можно судить по его говору, и кое-как дает понять, что ему нужен Пале-Рояль.

— Что вам там делать? — спрашивает grece.

Незнакомец показывает ему золотые монеты, обыкновенно квадрупли или сорокафранковые итальянские, и, изъявляя желание променять их на ходячую монету, рассказывает при этом целую историю такого содержания: он был в услужении у одного очень богатого господина; последний умирая, оставил множество таких монет, цены которым слуга не знает; знает только одно, что когда дает одну из них, ему дают за нее шесть белых монеток. И чтобы дать понятие, какого рода эти деньги, он показывает монету во сто су. Тотчас же grece вынимая из кармана шесть пятифранковых монет, предлагает мнимому лакею дать ему за это одну золотую монету. Последний соглашается, даже кажется довольным и на своем языке всячески объясняет, что он рад бы был еще иметь белых монет. Но меняться невозможно под открытым небом, потому его приглашают в кабак, где он вынимает до сотни монет, предлагая каждую за тридцать франков. Grece, отведя в сторону залученного им простачка, поясняет ему, как выгодно бы им было сделать подобный промен. «Но прежде всего, — прибавляет он, — благоразумнее показать монеты золотых дел мастеру, чтобы убедиться, не фальшивые ли они».

Простак разделяет мнение своего спутника, выходит с одной монетой и возвращается с сорока франками, полученными в промен. Сомнения нет, операция верная, барыш значительный, десять франков — на каждую монету, И вот он, не колеблясь, отдает все свои серебряные деньги. Если у него самого недостает, он готов занять… Наконец обмен совершается, золото считают и кладут назад в коробку; но мнимый лакей — ловкий мошенник — коробку, заключающую драгоценный металл, заменяет точно такою же и после этого фокуса, так как ему необходимо ускользнуть как можно скорее, выставляет предлогом то, что его золото проверяли и что он со своей стороны должен проверить полученные ими деньги.

— Совершенно основательно, — замечает спутник несчастной жертвы.

И бедный простак, потерявши голову от большого барыша, беспрекословно позволяет унести свои деньги. Чем он рискует? Разве коробка не у него! Лакей уходит, а товарищ его, отлучившись на минутку, спешит к нему присоединиться. Уже простачку не видать более ловких приятелей, они его надули, но он все еще не знает своего несчастья… Ждет он десять минут, двадцать, полчаса, час: сначала скучает, затем досадует, беспокоится, наконец начинает подозревать и приходит в отчаяние. Открывает ящик или просит открыть его и находит только су или охотничьи пули. Иногда вместо деревянной коробки бывает жестяной ящичек или кожаный мешок с замочком.

Если избранный субъект окажется не совсем доверчивым, то мошенники прибегают к особенной тактике. Один берет ящик из рук другого и, подавая его обольщенному простачку, говорит: «Ну, теперь нам надо идти к меняле, показать монеты». Простак, находя такую предосторожность основательной, тотчас же уходит с ним, оставляя мнимого лакея в кабаке. Идут они, вдруг grece останавливается, как бы вдруг что-то вспомнил:

— А ключ от футляра? — спрашивает он, — у вас ключ?

— Нет.

— Нет? Так скорее бегите за ним, или я сам лучше пойду, подождите меня тут.

И, не получив ответа, он быстро убегает, будучи уверен, что его не найдут, так же как и сообщника, который уже давно навострил лыжи. Если случится, что надуваемый не хочет оставаться один, то мошенник водит его до тех пор, пока представится возможность где-нибудь ускользнуть, в каком-нибудь проходе, или на перекрестке. Этому способу мошенничества поддаются весьма многие: провинциальные купцы, путешественники, даже парижане теряют таким образом значительные суммы.

Чем жаднее человек, на которого воры имеют виды, тем легче его обмануть. Для избежания всех козней этих мошенников надо принять за правило — никогда не говорить о своих делах с незнакомыми людьми, не говорить о своих деньгах, а особенно не соблазняться променом тридцатифранковых монет на сорокафранковые. Саблен и Жермен, по прозванью Дядя Тюиле, были знаменитейшими менялами. Однажды Жермен выманил у одного провинциала три тысячи пятьсот франков, причем вор, в присутствии которого провинциал хвастался своими охотничьими успехами, разыгрывал роль советника. «По чести, милостивый государь, — сказал Жермен, отдавая ящичек, — вы обработали отличное дельце. Можете весело провести зиму и ходить сколько угодно на охоту». В коробке действительно были только маленькие пули. Поистине беззастенчивое обольщение.

Глава семьдесят четвертая
Подбиратели, или Теряющие и находящие (Ramastiques)

Чур вместе! — Сговорчивый участник. — Приключение с кухаркой. — Цепочка и часы. — Домашняя ссора. — Сила закона

Так называемые подбиратели (ramastiques) обязаны своим успехом, подобно многим другим, жадности доверчивых простачков. Для этого рода мошенничества необходимо согласие трех лиц или по крайней мере двух. Вот как они приступают к делу. С раннего утра становятся они на дороге, большею частью вблизи от заставы, и наблюдают всех проходящих, выбирая личность, физиономия и костюм которой свидетельствуют бесхитростную простоту. Им нужно доверчивого и в то же время корыстного простачка: мужик или кто другой, скорее всего провинциал, приезжающий или отъезжающий, вполне соответствует их видам, лишь бы только он был при деньгах.

Завидя подобную жертву, один из мошенников, наиболее ловкий, подходит к незнакомцу и делает как бы мимоходом с полдюжины таких вопросов, из ответов на которые он мог бы более или менее заключить о финансовом его положении. Получивши подобное сведение, он подает знак сообщникам; тогда второй товарищ, забежавший вперед, роняет ящик, кошелек или какой-нибудь пакет таким образом, что незнакомец не может пройти мимо, не заметив этого предмета. Он действительно намеревается его поднять, но в то самое мгновение его новый знакомый кричит: «Чур вместе!» Останавливаются посмотреть находку, и обыкновенно это оказывается какой-нибудь драгоценный предмет в богатой оправе, бриллиантовая запонка, брошь и т. п. При нем записочка, что она может значить?

Большею частью простофиля не умеет читать, понятно что и спутник его тоже не умеет, а между тем в записочке есть что-нибудь и нужное. Необходимо ее прочесть; но к кому обратиться? Рассказать о находке боятся и, размышляя об этом, продолжают путь; вдруг на конце улицы попадается человек, читающий афишу: на что лучше такой удачной случайности!

— Бог, кстати, — говорит вор, — этот господин поможет нашему горю; покажем ему бумажку, он нам прочтет; но смотрите, о находке — ни гугу, а то он захочет войти в долю.

Простак в восторге, подходит к читающему, который охотно предлагает свои услуги и читает:

«Милостивый государь, посылаю Вам Ваше бриллиантовое кольцо, за которое Ваш слуга заплатил мне две тысячи семьсот двадцать пять франков.

Бри Зебар, ювелир».

«Две тысячи семьсот двадцать пять франков, из которых половина достанется мне! Я думаю, это приятно», — мечтает недальновидный находчик. Обязательный чтец не кто иной, как третий сообщник мошенников, он не преминул, конечно, распространиться о громадности суммы; его благодарят за любезность и уходят. Теперь надо решить, что делать с находкой?.. Возвратить ее?.. Ни-ни; еще кабы она была потеряна бедняком, пожалуй бы, еще так; но бриллианты может покупать только богач… а для богача что такое две тысячи семьсот двадцать пять франков? Безделица, которую ему ничего не значит потерять. Если не отдавать, то, стало быть, надо оставить, т. е. превратить в деньги… Но кому продать? Бриллиантщику? Вероятно, владелец кольца уже сделал заявление, и притом иные бриллиантщики могут задержать! Самое лучшее — продать спустя несколько времени… Если бы можно было сейчас бы поделиться и расстаться бы друзь-

ями… Но делиться невозможно, а между тем каждому надо отправляться по своим делам. Поистине положение довольно затруднительное; тот и другой придумывают средства, чтоб как-нибудь покончить.

— Будь у меня деньги, — говорит нашедший, — я вам заплатил бы вашу долю с удовольствием, но у меня нет ни гроша. Что делать?.. — он с минуту размышляет.

— Послушайте! — вдруг, как бы надумавшись, восклицает он. — Вы мне кажетесь честным, достойным человеком; дайте мне вперед несколько сотен франков, а когда продадите перстень, возвратите остальное; понятно, что вы получите процент за выданную мне вперед сумму. Оставьте мне свой адрес.

Редко подобное предложение не бывает принято. Привлеченный барышом, простак с удовольствием опрастывает свой кошелек. Если в нем слишком мало, он не задумывается отдать часы. По заключении сделки, они расстаются с обещанием свидеться, хотя с той и другой стороны твердо решили, что этого не будет. Из двадцати человек, обманутых таким образом, по крайней мере, восемнадцать дадут фальшивое имя и фальшивый адрес; и неудивительно: чтобы быть обманутым, отчасти надо самому быть обманщиком.

Подбиратели почти всегда жиды, жены которых тоже занимаются этим ремеслом. Последние обыкновенно ходят по рынкам и надувают нянек и кухарок, отличающихся простотою и неопытностью. Большею частью предметом обольщения служит какая-нибудь медная цепочка, так хорошо вызолоченная, что ее невозможно не принять за золотую. Одна из жертв подобного обмана отправилась жаловаться в полицию: у нее выманили все ее деньги, серьги и корзину со всей дневной провизией, оставленные за пятнадцать франков, которые она должна была после принести. По своей честности, она поспешила с деньгами, но по возвращении конечно, не нашла ни продавщицы, ни вещей своих. Тогда

только родились у нее подозрения, а пробный камень ювелира подтвердил их вполне.

Одно время находчики были так многочисленны, что являлись во всех кварталах Парижа. Раз утром ко мне пришли жаловаться муж и жена, которых обманули в двух различных местах: мужа — в предместье Сент-Оноре, а жену — на рынке Инносанс.

— Ну кто может быть глупее вас? — говорит супруг. Отдать золотую цепочку и десять франков за медную цепочку!

— А вы-то умны! Куда как хорошо! Ступайте-ка снесите вашу булавку в ломбард. Кусок стекла! И еще мало того, что отдал все деньги, которые были при себе; нет, пришел домой взять шестьдесят франков, все, что мы имели, два прибора и свои часы.

— Я сделал, что следовало, это до вас не касается.

— А все-таки вы дали себя надуть.

— Надуть, надуть, ну да. Меня, по крайней мере, надули не кумушки какие-нибудь, и кабы вы не болтали, как обыкновенно…

— Кабы вы шли своей дорогой, не вступая в разговоры с первым встречным…

— Я говорю о своих делах, а вы?..

— Ну уж, хороши дела, нечего сказать!

— Не хуже ваших, надеюсь! Теперь ждите, когда у вас будет золотая цепочка, а ваша между тем очень длинная. Кажется, я подарил вам в день ангела не очень коротенькую. Как бы там ни было, длинна ли, нет ли, можно бы вам быть довольной. Нет, вам захотелось втрое длиннее.

— Как будет хорошо, когда нам понадобится узнать, который час!

— Молчи ты, дура…

— Славно сделано, отлично! Вас ловко поддели. Тем и лучше, голубчик! Жалею только об одном, что у тебя не взяли больше.

— Ну да, это не новость! Вы думаете, я не замечал, что вы нимало не заботитесь о выгодах семьи.

Чета вышла из бюро, продолжая перебраниваться; не знаю, долго ли это продолжалось, но надо думать, что рассудок положил наконец предел обоюдным упрекам. Дай Бог, лишь бы только дело не дошло до потасовки!

Каждый из подбирателей обыкновенно носит костюм, соответствующий взятой им роли. Один из трех приятелей, который подходит к избранному встречному, почти всегда одет мастеровым; это каменщик, сапожник или плотник, иногда он притворяется немцем или итальянцем и с большим затруднением говорит по-французски. Если он пожилой, то притворяется добряком; если молодой, то глупым. Тот, который подкидывает, отличается длиной и шириной панталон, через которые и роняет вещь на землю. Чтец афиши обыкновенно одет богаче первых двух; на нем сюртук с бархатным воротником и пушистая касторовая шляпа.

В течение долгого времени воров этой категории отправляли в исправительную полицию, и большею степенью наказания было пятилетнее тюремное заключение. Я находил, что между ними следовало делать различие, и если воровство совершалось с помощью фальшивого документа, то оно уже было важнее и подлежало ведению суда присяжных. Я решился при первом случае изложить юридической власти свои замечания по этому предмету. Случай не замедлил представиться.

Я захватил двух знаменитых воров этого рода, Балеза, по прозванию Маркиз, и его сообщника. По этому поводу я высказал свое мнение; сначала его не хотели принять к соображению и намеревались поступить по прежнему уставу; но я настоял, и оба мошенника были приведены на суд присяжным и приговорены как подделыватели к тюремному заключению с наложением клейм.

Глава семьдесят пятая
Убийцы по профессии, или Молодцы больших дорог

Нравы и образ жизни. — Семейство Корню. — Характеристика и костюм. — Предосторожности. — Жены и дети убийц. — Калеки

Почти все убийцы по профессии разыгрывают роль разносчиков, торговцев скотом, лошадьми и т. п.; их костюм и манеры всегда соответствуют избранному занятию; они поведения мирного, нрава тихого и спокойного; редко предаются пьянству, потому что боятся проговориться; паспорта у них всегда в безукоризненной исправности, и они их прописывают со строжайшей аккуратностью; в гостиницах они платят исправно, но без излишней щедрости; вообще стараются показать себя бережливыми, потому что бережливость дает предположение о честности; но, расплачиваясь, они никогда не забывают ни трактирного слуги, ни служанки: им весьма важно, чтобы слуги о них хорошо отзывались.

Разбойники под видом разносчиков носят с собой всегда мелкие вещи, по преимуществу ножницы, ножи, бритвы, ленты, шнурки и другие маленькие предметы. Они предпочитают гостиницы в предместьях города и поблизости от рынков, где и высматривают свои жертвы — или из городских купцов, или из землевладельцев, приезжающих продать свои сельские произведения. Сначала воры стараются разузнать, сколько с ними денег, когда они уедут, в какую сторону, и все эти сведения передают сообщникам, которые всегда живут в другом доме, часто где-нибудь за городом; последние отправляются вперед в места, наиболее удобные для исполнения своих замыслов.

Убийц не остерегаются, потому что привыкли видать их там и сям, и видимая безупречность поведения ограждает их

от всяких подозрений. Семья Корню, о которой упоминалось в первом томе, вся состояла из убийц, наслаждавшихся более двадцати лет полнейшей безнаказанностью и совершивших не одну сотню убийств, прежде чем были пойманы.

Лучшее средство предохраниться от этих злодеев — это принять за правило как можно меньше говорить о своих делах, никогда не объявлять о деньгах и не объяснять ни цели, ни продолжительности предпринятого путешествия. Всякий приезжий должен быть настороже от тех любезных спутников по железным дорогам, которые пользуются малейшим случаем, чтобы завязать разговор. Услужливый расспросчик должен всегда внушать подозрительные опасения, особенно если он касается безопасности дорог или необходимости ходить вооруженным. Фермеры, часто оставляющие рынки уже в сумерках, должны остерегаться дорожных попутчиков. Всякое скорое сближение неблагоразумно, когда находишься вне дома.

Жены убийц также опасные создания: освоившись с убийством, они охотно принимают в нем участие; детей своих с ранних лет они воспитывают в том же духе, заставляя их сторожить и верно передавать наблюдения, из которых надеются извлечь пользу; приучают их смотреть на кровь без страха и, чтобы лучше заинтересовать в случае удачи, при каждом убийство уделяют и детям известную долю.

Никто не бывает так услужлив и предупредителен, как убийца, никто не отличается такой благотворительностью; все нищие — их друзья, потому что они всегда могут доставить полезные указания и, бродя повсюду, делаются естественными шпионами больших дорог. Женщины-убийцы настолько лицемерны, что драпируются всеми внешними признаками самого глубокого благочестия; носят четки, наплечники, кресты и т. п., аккуратно посещают церковные службы и без страха и стыда приближаются к самому алтарю. Мужчины обыкновенно ходят в блузе или синем балахоне, под которым легко

скрывать окровавленные вещи; по совершении убийства они балахон уничтожают: зарывают в землю, сжигают или моют, смотря по тому, сколько бывает у них времени в распоряжении. Костюм их дополняется палкой или хлыстиком, шапкой из лощеной тафты, с красным или синим платком, покрывающим голову. Вообще они отлично умеют все приспособить так, чтобы при случае можно было доказать отсутствие; с этой целью они отмечают свой паспорт во всех местечках, через которые проходят.

К счастью для нашего общества, убийц по профессии теперь весьма немного, за исключением некоторых южных департаментов; но можно с уверенностью сказать, что они не искоренятся до тех пор, пока во Франции по всем направлениям будут бродить стекольщики, зонтичники, продавцы духовных песен, медники, площадные лекари, фигляры, паяцы, уличные певцы, органщики, вожаки ученых медведей и верблюдов, фокусники, калеки мнимые или настоящие и тому подобный люд. Относительно калек не мешает предостеречь именно от тех, которые, забравшись в ров, притворяются лишенными возможности из него выбраться и взывают о помощи; один калека привлекал к себе таким образом прохожих с целью убивать тех, которые имели несчастье поддаться чувству сострадания. Когда они наклонялись, чтобы помочь ему выйти, он вонзал им кинжал в сердце. Опасно ночевать в плохих кабачках, особенно когда они находятся в уединенном месте; сам хозяин может быть честным, но его посетители — зачастую мошенники, и самое малое, что может случиться от подобного риска, — это быть к утру до нитки обворованным.

Глава семьдесят шестая
Разбойники. Шофферы-поджариватели

Нищий поджариватель. — Слюна бешеной собаки и лошадиная печень. — Маски и черная помада. — Знаменитый поджариватель Саламбье. — Фальшивый приказ. — Два пистолета в упор. — Мы разбойники! — Векселей не берем! — Погрейте барана! — Если б не собаки, было бы жаркое. — Гильотина. — Альфа, вита и омега. — Предсмертный каламбур

Подобно разбойникам на больших дорогах, так называемые шофферы тоже обыкновенно наряжаются ярмарочными торговцами, или коробейниками. Этого сорта разбойники употребляют пытку — жгут ноги своих жертв, чтобы выпытать, где у них спрятаны деньги. Наметивши какой-нибудь дом, они входят под предлогом продажи и тщательно осматривают все помещения, все входы и выходы. Если в дом трудно проникнуть, то один из сообщников переодевается нищим и просится переночевать, а потом ночью впускает своих сотоварищей. Часто дом сторожит собака; тогда мнимый нищий заставляет ее молчать, привлекая запахом губки, пропитанной жидкостью бешеной суки, или запахом вареной лошадиной печенки; перед этими соблазнами не устоит самый злой пес. Завладевши таким образом животным, которое пойдет за ним всюду, нищий уводит его, предоставляя свободу разбойникам. Иногда они также употребляют отраву, бросая ее на двор в сумерках; обыкновенно собака умирает к тому времени, когда они должны отправляться на приступ.

Конечно, похвально давать убежище беднякам, заблудившимся пешеходам и вообще всякому, кому негде преклонить голову; но выполняя заповедь человеколюбия, не предосудительно вместе с тем быть настороже от разбоя. Фермеры и другие сельские жители, не желающие нарушать благотворительных правил гостеприимства, должны иметь

для незнакомых путешественников особую комнату с решетчатыми окнами, железными запорами и замками. Таким образом, оставляя незнакомого человека под замком до утра, можно быть покойным насчет каких бы то ни было его замыслов.

Часто разбойники убивают для того, чтобы не оставалось свидетелей их злодейства. Иногда, чтобы не быть узнанными, они надевают маски или чернят лицо составом, который после стирают с помощью особой мази; а иногда окутывают голову черным крепом; те, которые чернят лицо, обыкновенно носят с собой маленький ящичек с двойным дном, в котором хранятся черная краска и мазь для смыванья; кроме того, они берут с собой веревки от четырех до пяти футов длины, которыми связывают своих жертв.

Ходят они всегда поодиночке, и если назначают друг другу свидания, то стараются быть незамеченными, идут всегда разными дорогами, выбирая по возможности наиболее уединенные. Выходят они ночью, стараясь перед самым отходом показаться всем соседям; по возвращении употребляют ту же тактику, чтобы показать, что они все время были дома. Этого сорта воры при грабежах не любят отягощать себя объемистыми вещами и если берут что, то разве только бриллианты и другие драгоценные вещи незначительной величины; главным же образом им нужны деньги.

Знаменитый Саламбье с давних пор замышлял принудить одного богатого фермера в окрестностях Поперинга отдать свои деньги; но этот фермер был настороже; в ту пору, когда столько было разговоров о страшных набегах шайки шофферов, не могло быть иначе.

На ферме жило много народу, и две громадные собаки стерегли ее по ночам. Саламбье не один раз разведывал, чтобы взвесить, насколько можно рассчитывать на успех; но чем более он размышлял, тем препятствия казались непреодо-

лимее; между тем он знал наверное, что фермер был богат, и желание обладать этим богатством не давало ему покоя. Как достигнуть цели? Вот была задача, на которую он напрягал все силы ума. Наконец он выдумал следующее: заручившись с помощью нескольких знакомых ему лиц свидетельством в безупречной жизни и поведении, он засвидетельствовал его у местного мэра; затем он смыл написанное соляной кислотой, так что остались только подпись мэра и печать общины, и на чистом листе дал написать одному члену своей шайки, Людвигу Лемеру, следующий приказ:

«Господин комендант, мне известно, что в следующую ночь десять или двенадцать человек из шайки шофферов намерены сделать нападение на ферму Эрвайль. Поэтому переоденьте десяток солдат и отправьте их под начальством унтер-офицера на ферму, чтобы они могли оказать там помощь при задержании разбойников. Адъютант общины Лобель, которому следует сообщить этот приказ, должен отправиться с отрядом и остаться в доме фермера, с которым он знаком».

Смастеривши такой приказ, Саламбье тотчас же отправляется на ферму во главе десяти соучастников и смело является к чиновнику, которому пришлось поневоле содействовать его злодейским замыслам: признавши подпись, он спешит отвести их на ферму. В качестве защитников они приняты с распростертыми объятиями. Разбойник в роли сержанта и вся его шайка провозглашены освободителями; их обласкали и угостили, как дорогих гостей.

— Ну, друзья мои, — начал Саламбье, — сколько вас тут народу?

— Пятнадцать, считая четырех женщин и одного ребенка.

— Четыре женщины и дитя — ненужные рты, нечего и говорить о них; в опасности это только стесняет. Есть у вас оружие?

— Есть два ружья.

— Приносите их, чтобы они были под руками; притом надо удостовериться, можно ли ими действовать.

Подали ружья Саламбье, который первым делом позаботился их разрядить.

— Теперь, когда я познакомился с местностью, — продолжал он, — можно положиться на меня насчет средств защиты. Когда настанет время, я укажу каждому его дело, а пока самое лучшее для вас всех — спать спокойно; гарнизон вас сторожит.

В полночь еще не было сделано никаких распоряжений. Вдруг Саламбье, будто услыхав какой-то шум, скомандовал своим соучастникам:

— Ну, вставать; нельзя терять ни минуты; я вас поставлю так, чтобы ни один не ускользнул от нас.

На голос хозяина вся труппа стала на ноги; фермер с фонарем в руках предложил посветить на лестнице.

— Не беспокойтесь, — сказал ему Саламбье, приставляя два пистолета к его груди, — мы самые и есть разбойники, и если вы шевельнетесь, смерть вам!

Шайка была вооружена с головы до ног; напрасно домовая прислуга думала сопротивляться; им связали руки за спину и заперли в погреб. Скрученный подобно другим, фермер был оставлен у камина; требовали, чтобы он сказал, где деньги.

— Уж у меня давно здесь нет ни гроша, — отвечал он. — С тех пор, как шайка шофферов бродит в окрестностях, немного найдется людей, которые бы оставляли у себя большие суммы.

— А! Ты отвиливаешь! — вскричал Саламбье. — Хорошо, мы допытаемся правды.

И тотчас два разбойника схватили фермера, разули его и голые ноги намазали салом.

— Господа, умоляю вас, — вскричал несчастный, — умилосердитесь надо много. Когда я говорю вам, что в доме нет

ни гроша, то лучше обыщите повсюду. Хотите ключи? Спрашивайте все, что хотите; требуйте, все к вашим услугам, Я вам дам вексель, если хотите.

— Нет, брат, — говорил Саламбье, — ты не принимаешь ли нас за купцов? Вексель! Нет, мы такими делами не занимаемся. Нам подавай наличными.

— Но, господа…

— А, ты упрямишься! Можешь молчать теперь; через пять минут ты рад будешь открыть нам свой секрет.

На очаге разожгли сильный огонь.

— Ну, приятели, — скомандовал злодей, — погрейте-ка барана!

Пока его подвергали этой страшной пытке, внимание разбойников привлечено было пронзительными криками человека, отбивающегося от разъяренных собак. Это был один из мальчишек фермы, который, как-то высвободившись, вздумал бежать через отдушину и искать помощи; но по роковой случайности свои собаки не узнали его и кинулись со всей яростью. Удивленный этим необычайным гамом, который не знал, чем объяснить, Саламбье велит одному из своих посмотреть, что делается на дворе; но едва он показался, как одна из собак бросилась на него. Чтобы не быть растерзанным, он бегом вернулся в комнату: «Спасайтесь, спасайтесь!» — кричит он исполненным ужаса голосом, и вся шайка в неописанном страхе устремилась через окно, выходящее на деревню… Так все они убежали… А фермер с мальчиком, голос которого, наконец, собаки узнали, сошли в погреб и развязали домашних. Хотели они преследовать разбойников, но, несмотря на все старания, ничего не сделали.

Рассказывая мне эту историю, Саламбье сознавался, что в глубине души был рад этой неожиданной помехе, принудившей его отступить. «Потому что, — добавил он, — из боязни быть узнанным, я должен бы был всех их перерезать».

Шайка Саламбье была одна из многочисленных и имела множество подразделений; потребовалось много лет, чтобы

истребить ее. В 1804 году казнили многих, принадлежащих к ней. Один из них, имя которого невозможно было открыть, по-видимому, получивший блестящее образование, взошел на эшафот, поднял глаза на роковой нож, затем опустил их до того отверстия, которое другой осужденный называл точкой замерзания жизни, и сказал: «Я видел альфу, теперь вижу омегу, — после чего, обращаясь к палачу, прибавил: — Ну, вита (по-французски — beta)[12] справляй свою должность». Какой бы ни был эллинист, но чтобы делать подобные намеки in articulo mortis, надо быть отъявленным весельчаком и каламбуристом.

Не все сообщники Саламбье перемерли; я встречал многих при своих частых поездках и с тех пор не терял их из вида; но тщетно искал случая положить предел долгой безнаказанности, которой они наслаждались. Один из них, сделавшийся певцом, долго морочил жителей столицы «Адским маршем», который он мычал под турецким костюмом; за два су он возносил народную песню до седьмого этажа и был известнейшей личностью на парижских мостовых, где его знали только по имени.

Без сомнения, он стоил этой известности; его обвиняли в участии при сентябрьской резне 1793 года; а в ноябре 1828-го его видели во главе шайки, бившей стекла в улице Сен-Дени.

С 1816 года шайка шофферов, по-видимому, обрекла себя на бездействие. Последние ее подвиги были на юге Франции, преимущественно в окрестностях Нимы, Марселя и Монпелье, во время диктаторства г-на Трестальона. Тогда поджаривали протестантов и бонапартистов, имевших деньги, и достойные представители verdets находили это вполне заслуженным.

---

[12] Игра слов: вита — греческая буква, по-французски — bĕta, что означает также «глупец», «дурак».

Биографический очерк о жизни Видока

Когда и где умер Видок. — История «Записок Видока». — Отзыв «Библиографии современников». — Способности и атлетическое сложение. — «Мемуары каторжника, или Разоблаченный Видок». — Необыкновенная и разнообразная деятельность. — Агентство найма рекрутов. — Видок-дисконтер. — Откуда взялось богатство. — Действительно ли, Видок был также политическим сыщиком? — Замечательная находчивость. — Аристократический попугай. — Корыстолюбивый лакей. — Видок на большом обеде между либералами. — Его отношение к старым острожным приятелям. — Оправдание. — Причины удаления от службы. — Портрет Видока. — Череп Видока оценен в 10 000. — Отзыв о нем черепослова Фоссати. — Как построил Видок загородный дом. — Бумажная и картонная фабрики для освобожденных из острогов. — Честолюбие Видока. — Всеобщий поверенный по семейным делам. — Тридцать дуэлей. — Видок обманут и разорен. — Переписка. — Болезнь. — Чем бы мог быть Видок, если бы не попал в сыщики. — Неверующий Видок приглашает священника. — Раскаяние. — Причащение и соборование. — Любовь к женщинам. — Преданные друзья. — Незаконный сын. — Последние минуты умирающего. — Похоронная процессия. — Наследники.

В первые дни января 1857 года Видок скончался, как патриарх — среди скромного довольства, в одном из самых тихих кварталов Парижа, в небольшом домике, на месте, отведенном под огороды. Тридцать лет он вел тихую жизнь фабриканта; что проще, что обыкновеннее этого!

Как все замечательные люди нашего времени, Франсуа Видок написал свои Мемуары и издал их еще за тридцать лет до своей смерти; может быть, он не надеялся прожить так долго, может быть, будучи вынужденным рассказать о себе много дурного, он вместе с тем не знал никого, кто в то же время мог бы сказать об нем сколько-нибудь хорошего. Ничье имя не

пользовалось такой печальной известностью, ничье не внушало такого страха, ни у кого не было столько врагов, и в течение своей долгой восьмидесятидвухлетней жизни, хотя Видок многим делал одолжения, многим оказывал помощь, едва ли у него сохранился хоть один друг.

«Библиография современников», посвятившая Видоку весьма хорошую и беспристрастную статью, ошибочно называет его именем Жюля, которое он охотно носил, служа при полиции; во всех же тюремных списках и приговорах он назван Франсуа-Эженом.

У Видока было два необыкновенных качества: первое — уменье гримироваться; второе — способность делать из своего желудка все, что угодно, как относительно воздержания, так и относительно насыщения. Не раз видали Буффе, разыгрывающим в один и тот же вечер «Парижского гамена» и «Отца Тюрлютютю», т. е. юношу и столетнего старика. Это, конечно, было удивительно, и редкий бы актер мог выполнить подобный контраст; но это все-таки происходило на театре, при свете ламп, на довольно значительном расстоянии даже от ближайшего зрителя; тогда как Видок принимал осанку, рост, физиономию, возраст и тон голоса, какой ему было нужно, среди белого дня, в непосредственном соприкосновении с прежними сообщниками и ворами по профессии, с жандармами, частными приставами и т. д. Сложение его было атлетическое, а между тем в шестьдесят лет он больше всего любил наряжаться женщиной!

Особенная способность его желудка была еще замечательнее; в дни бедствия он иногда ничего не ел по двое, по трое суток; затем, привыкнув к лучшему столу в Париже, он отправлялся в какую-нибудь грязную лачугу и ел с притворно жадным аппетитом картофель, вареный в воде, свиную кожу и даже противные остатки говядины, рыбы и овощей, остающиеся в ресторанах, которые бедняки называют арлекином.

Все тело его подчинялось воле рассудка.

Мы позволили говорить самому Видоку о самом себе и по-своему; современники же его не дали ему этой привилегии; не успели выйти в свет два тома его Мемуаров, как появилось мнимое опровержение.

В первой части своего рассказа Видок говорит о некоем Мальгаре, старом офицере действующей армии, который отвлек его в Мехельне от цыганского табора и которого он впоследствии несколько раз встречал в Бисетре, в Бресте, Тулоне и Париже. Спекуляторы заимствовали не имя этого человека, потому что, по объявлению Видока, это было только военное имя, но его личность, и издали почти в одно время с Мемуарами знаменитого агента охранной полиции «Мемуары каторжника, или Разоблаченный Видок».

Это совсем не мемуары кого-либо, которых бы он был предметом; жизнь мнимого Мальгаре занимает только десять листиков; это просто четыре тома оскорблений и невероятных обвинений, обрушившихся на голову человека, который, как бы то ни было, искупил свои заблуждения громаднейшими заслугами. Про одного писателя говорили, что он имел талант позорить Талейрана; стоит прочесть страниц пятьдесят «Мемуаров каторжника», чтобы убедиться, что авторы этого сочинения имели целью опозорить Видока.

Авторы «Мемуаров каторжника» утверждают, что Анна была законной женой полкового командира. Прибавляют, что Видок, часто с нежностью упоминающий о ней, тем не менее, иногда обращался с ней дурно. Если верить им — он не прочь был сжить ее со свету, когда ему пришла фантазия жениться вторично, потому что в эту эпоху его первая жена уже известила его через судебного пристава, что получила разводную с ним.

Деятельность Видока была столь необычайна, что даже разнообразная и трудная обязанность начальника охранной бригады не удовлетворяла его. В продолжение трех или четырех лет, во время Реставрации, в его бюро, в маленькой

улице Святой Анны, было учреждено им настоящее агентство замещения рекрутов, и он имел от него от 30 до 60 тысяч франков. Еще до этого он прилагал свои таланты и по частной деятельности, хотя думали, что он посвящал все время администрации. Он брал на себя розыски в интересах семейных, розыски бежавших, надзор за женщинами, замужними и незамужними, иногда даже надзор за мужьями — занятия более или менее непредосудительные, но совсем не входящие в область его деятельности; вообще он брался за все, что сколько-нибудь подходило к его профессии. Справедливо заслуженная им репутация умного и деятельного человека заставляла многих обращаться к нему в самых щекотливых семейных обстоятельствах и, конечно, с предложением платы за хлопоты.

Один знаменитый процесс доказал, что с той поры он прибавил еще одно средство для увеличения своих доходов: это учет кредитных бумаг, которых банкиры почему-нибудь не принимали; он брал их на долгие сроки, на условиях, не запрещаемых законом, но и не вошедших в обычай. В то же время он занимался продажей и покупкой домов и земель. Редко брался он за дурные дела, хотя иным некоторые могли казаться весьма сомнительными. Каждый раз, когда в первую половину своей жизни, будучи вынужденным скрываться, часто менять свое имя и место жительства, он брался за какое-либо ремесло, оно постоянно шло у него удачно. После этого неудивительно, что, не страшась более правосудия поселившись в Париже и запасшись опытностью, он был счастлив во всех своих предприятиях. Следовательно, если, как свидетельствуют его враги, он вышел из префектуры с состоянием в 400 000 или 500 000 франков, после восемнадцатилетней службы, получая определенного жалованья только 5000 франков, то нечего еще с азартом кричать: «Вор и грабитель!» Не надо забывать, что его ведению подлежали расходы по пересылке арестантов и многие другие; что он сам, не

приводя цифр, упоминает о хороших и веских благодарностях, преподносимых ему различными полицейскими префектами за поимку важных преступников и за дела, в которых он рисковал своей жизнью. Кроме того, администрация, не столь строгая в те времена, как теперь, не запрещала служащим охранной бригады получать благодарности от частных лиц, для которых они разыскивали значительные суммы или драгоценные вещи.

В своих «Записках», изданных в 1828 году, Видок всячески отрекается от того, чтобы он когда-либо мешался в дела политические; но так как нам хорошо известно, что он принимал в них деятельное участие в 1830 году и предлагал свои услуги после 1848 года, когда сделал два путешествия в Лондон в интересах двух противных сторон, то позволительно не давать большой веры этим отрицаниям. Поэтому мы не беремся ни отрицать, ни подтверждать довольно смешной анекдот, рассказанный в «Записках каторжника» и помещенный нами ниже.

Однажды г-н Делаво призвал Видока в свой кабинет и после множества комплиментов, которые он имел обыкновение высказывать всякий раз, как адресовался к нему с чем-нибудь, не входящим в круг его обязанностей, объявил, что барон Мешен, заразившись либерализмом по оставлении префектуры, должен был на следующий день дать большой обед в своем отеле, в улице Шоссе-д'Антен, и что на этом обеде должны были собраться главные враги престола и церкви. Делаво добавил, что для спасения государства необходимо, чтобы он, Видок, под каким бы то ни было предлогом, выдумать который предоставляется его изобретательности, нашел возможность присутствовать на этом банкете и представить не только точный список всех гостей, но и подробный отчет обо всем, что там произойдет. В случае удачи префект обещал вознаграждение, соответственное важности услуги.

Видок так приучил г-на Делаво к той мысли, что слово «невозможно» должно быть вычеркнуто из полицейского лексикона, что не посмел и заикнуться об очевидных трудностях предприятия. Он оставил кабинет, преисполненный гордостью от столь важного поручения и вместе с тем ломая голову над вымыслом, как его исполнить.

Первым делом надо было найти доступ в означенный отель; с этой целью Видок вошел к виноторговцу напротив квартиры Мешена и выжидал. Не прошло четверти часа, как туда же явился главный повар барона прохладиться от кухонной плиты. Видок наговорил, что знает его как своего конкурента на базаре, посадил с собой за стол и осыпал восторженными похвалами; некоторые кушанья (которые Видок перечислял наудачу) только он один и может готовить надлежащим образом; как приятно бы было видеть великолепный обед, приготовляемый им в настоящую минуту; желая насладиться этим поучительным зрелищем, мнимый сотоварищ просит повара ввести его в столовую, переодетым в ливрею, в качестве слуги одного из гостей. Однако несмотря на весь фимиам похвал и на даровое угощенье, повар отказал в этом, говоря, что еще недавно он таким образом ввел одного из своих прежних учеников, а после не оказалось шести серебряных приборов… Впрочем, если г-н Видок желает посмотреть кухню, то это можно.

Завербовавши таким образом главного повара, он принялся завлекать трактирщика, что было совсем нетрудно: стоило только заказать лучшего вина, а Видок при надобности мог выпить 10 бутылок. Вскоре он узнал полную биографию всех членов семьи, равно как и прислуги, и даже наслушался множества анекдотов про попугая в позолоченной клетке, которого можно видеть из окна одной залы и к которому либеральный барон питал несказанную привязанность. Счастливый луч озарил Видока, его план начертан! Этот попугай откроет ему дорогу в дом его господина.

На следующее утро, одетый с изящным вкусом, с почетным крестом в петлице, отправляется он уже не в трактир, а в ближайшую кофейную; спрашивает себе чашку бульона и стакан мадеры, пишет письмо, посылает его с рассыльным, и минуты через две туда же приходит, в белом жилете и башмачках, Вепуа, лакей г-на Метена.

Видок сажает его с собой.

— Нам надо переговорить, — начинает он. — Мы в кофейне, не стесняйтесь… Чего вы желаете?.. Вот эта мадера, право, недурна… Эй, мальчик, стакан сюда!.. За ваше здоровье, товарищ. Я знаю, что вы славный человек и намереваетесь жениться на прекрасной девушке, с чем от души поздравляю; знаю также, что у вас не хватает пятисот франков, чтобы купить за себя охотника в солдаты. Эту безделицу я с удовольствием вам предлагаю, если вы со своей стороны согласитесь оказать мне услугу.

— Какую, позвольте узнать?

— На ваших руках находится попугай г-на Мешена, не правда ли?

— Точно так; но что же вам из того?

— Очень много. Я именно желаю попросить вас выпустить этого попугая завтра, в три четверти седьмого, то есть за четверть часа до того, когда гости должны садиться за стол.

— И вы хотите, чтобы я выпустил попугая! Да барин меня тотчас же прогонит; ему попугай дороже жены, особенно со времени его падения.

— Г-н Мешен вас не прогонит, потому что я немедленно возвращу ему драгоценную птицу.

— Да, как же, возвратите! Вы еще не знаете, что эта дрянная тварь летает, как орел; в последний раз, как он улизнул, его насилу поймали в Люксембурге, и с каким трудом!

— Уверяю вас, что он далеко не улетит. Вот видите эту маленькую свинцовую пулю на конце шелковой нитки; как только попугай вылетит, тотчас же опустится книзу и упадет

не далее середины улицы. Я буду там поджидать, чтобы поднять его и отнести доброму г-ну Мешену, которого мне всенепременно нужно видеть по одному маленькому дельцу; надеюсь, оно ему будет приятно.

— Смешная у вас фантазия. Но как бы то ни было!.. Получить пятьсот франков очень не худо; а если я со всеми вашими затеями потеряю свое место…

— У вас было бы еще лучшее; я тотчас же взял бы вас к себе, и, поверьте, что вы не потеряли бы.

— Очень может быть, но я вас не знаю… есть много обманщиков…

— Надеюсь, что я не похож на них. Но, во всяком случае, вот моя карточка: г-н Ламберт, нотариус-сертификатор, в Монтелимаре, в Париже, гостиница «Маяк».

Этот титул нотариуса-сертификатора, которого лакей никогда не слыхивал, произвел на него более сильное впечатление, нежели титул какого-нибудь пэра Франции или депутата. Видок присоединил к этому два наполеондора в виде задатка, и торг был заключен.

Еще не было шести часов вечера, когда Видок, в костюме нотариуса, был в улице Шоссе-д'Аптен с дюжиной агентов, расставленных там и сям, и весьма удивленных, что дан приказ задержать… попугая и не допустить, чтобы он попал в чьи-либо руки.

В семь часов без четверти лакей испускает крик ужаса, способный ошеломить всех проходящих, перевешивается за окно, как бы намереваясь броситься, и рвет на себе волосы… Попугай улетел; но вскоре опустился, как бы от ружейного выстрела, потерял силы и упал к ногам Видока, который, спрятав его под плащ, ловко отвязал свинцовую пулю. Затем самым натуральным тоном спрашивает, кому может принадлежать столь интересное пернатое. Голосов двадцать отвечало: «Г-ну барону Мешену».

— В таком случае, — говорит мнимый нотариус, — я желаю вручить его сам. — И он входит в отель.

Крик лакея привлек к окнам большую часть гостей, сделавшихся таким образом свидетелями спасения попугая. Все они, с г-ном Мешеном во главе, бросились на встречу обязательного господина, который его принес.

— Ах, милостивый государь! — воскликнул барон. — Чем я вам обязан! Как я вам благодарен!

— Напротив, я должен благодарить случай, доставивший мне неожиданное удовольствие видеть во время моего краткого пребывания в Париже одного из первых ораторов либеральной партии, человека, к которому в нашем департаменте питают столько уважения и восторга. Это один из счастливейших дней в моей жизни.

— Вы слишком любезны; поверьте, что я умею ценить уважение и одобрение людей, подобных вам… С кем честь имею говорить?

— Меня зовут Ламберт, нотариус-сертификатор в Монтелимаре, избиратель и избираемый в высшей коллегии и один из усерднейших ваших почитателей, хотя мое имя, вероятно, совсем неизвестно вам.

— Напротив, вы ошибаетесь, вы слишком скромны, г-н Ламберт, я часто слыхал о вас и всегда с наилучшей стороны. Позвольте вашу руку, милостивый государь; позвольте мне представить вас некоторым политическим друзьям, которые, я не сомневаюсь, сделаются и вашими друзьями. Мы только что хотели садиться за стол; сделайте мне честь присоединить к нашей компании еще одного любезного собеседника.

Мнимый нотариус рассыпается в извинениях, колеблется и не знает, принять ли ему приглашение; баронесса присоединяет настоятельные просьбы к просьбам мужа, и отказаться становится уже невежливым. И вот он среди знати, говоря мало, слушая внимательно, одобряя все, сказанное другими, и отвечая на многочисленные вопросы с помощью

фраз из Constitutionnel, заученных утром. После кофе он незаметно исчез, а через полчаса у Делаво был не только список собеседников, но и верный отчет всего сказанного каждым из них. Префект был в восторге и приобрел еще большую уверенность, что для Видока не было ничего невозможного.

И этот человек, не бывший лишним в салоне барона Мешена, точно так же был на своем месте в самых грязных трущобах Пале-Рояля и Сите. Он считал за правило, что для надлежащего наблюдения за ворами необходимо посещать их. Даже тогда, когда его должность шефа охранной полиции не была ни для кого тайной, его старые приятели по острогам и тюрьмам продолжали принимать его дружески. Они знали, что он попал на службу правительства не по собственному желанию, а чтобы не быть сосланным снова в Брест или Тулон; он умел уверить их, что если был шпионом по ремеслу, то все-таки остался вором по наклонности.

Впрочем, в ту эпоху граница, разделявшая обе профессии, была весьма мала и не осязаема; многие попеременно переходили от одной к другой, а иногда выполняли и обе зараз. Мы уже знаем, что почти все члены охранной бригады, начиная с ее шефа, провели более или менее долгое время в остроге. С другой стороны, воры не составляли уже, как прежде, в среде общества отдельной касты; с тех пор, как их массами стали изгонять из Парижа, все средства сделались для них годны, лишь бы остаться в столице; самое же верное, очевидно, было сойтись с полицией, оказывать ей услуги, словом, доносить друг на друга.

Уже только после десяти лет непрерывной службы Видок получил помилование (в 1818 году); утверждено же оно было только десять лет спустя, на торжественном заседании верховного суда в Дуэ, 1 июля 1828 года. Когда другие, лучшие чиновники, оставляют службу или правительство их благодарит, то им обыкновенно дают почетный титул, повышение

в ордене Почетного легиона или дворянскую грамоту; Видоку же даровали помилование, которого он так давно желал.

Много было споров о причинах удаления его из охранной бригады в цвете сил и здоровья, когда он мог еще оказать много важных и полезных услуг. В некоторых местах своих записок он повторяет, что сам подал в отставку; но резкий и презрительный тон, с каким он постоянно отзывается о своем преемнике, ясно обнаруживает, что эта отставка не была вполне добровольна.

Как все великие художники, Видок знал себе цену; ему казалось, что не может быть такого безрассудного префекта, который бы вздумал остаться без его содействия, поэтому при малейшем пререкании, при малейшем замечании он всегда готов был подать в отставку. Это повторялось так часто, что он был весьма удивлен, когда в один прекрасный день ее приняли (в 1827 году). У Делаво ему повредила более, нежели доносы врагов, его откровенность в противорелигиозных мнениях и настойчивый отказ присоединиться к конгрегации. Он представлял весьма энергичные протесты против личностей, уполномоченных разыгрывать маленькие лотереи на улицах; не обращая на это внимания, четырех таких личностей поместили на иждивение бригады. Наконец, Видок, прошедший остроги, не приобретя постыдных привычек, объясняемых только острожной жизнью, хотя, впрочем, не извиняем его, — Видок желал очистить Елисейские поля и береговые местности от опасных и гнусных личностей, наполнявших их с самых сумерек, которых он на своем фантастичном языке называл чересчур филантропами. Сколько он их ни задерживал, благочестивый префект всех выпускал на свободу. Видок никогда не мог узнать причины этому…

В 1827 году иезуиты забрались в префектуру, под покровительством г-на Делаво. Начальником второй дивизии назначен был один молодой человек по имени Дюплесси, и

Видок почувствовал, что ему невозможно сойтись со столь благочестивой личностью.

«В 1827 году особое направление администрации, принятое тогдашним начальством, породило неожиданные трудности по занимаемой мною должности; я нашел, что не смогу подчинить подведомственных мне агентов привычкам, несовместным с их характером и жизнью, и, зная, что могу быть полезным только при безграничной независимости и доверии, я подал в отставку». Эта отставка, не вызванная никаким выговором, или порицанием, была написана в следующих выражениях, поясняющих ее причину.

Вот копия с нее:

«20 июня 1827 года.

Вот уже восемнадцать лет, как я служу полиции с достоинством. Я никогда не получал ни одного выговора от ваших предшественников, потому, полагаю, что я их не заслужил. С тех пор, как вас назначили во второе отделение, вот уже во второй раз вы мне жалуетесь на агентов; но разве я могу держать их под своей властью вне моего бюро? Конечно, нет. Чтобы избавить вас, милостивый государь, от труда вперед делать мне подобные упреки, а себя от неудовольствия получать их, честь имею просить у вас отставки.

Ваш покорнейший слуга.

Подписано: Видок».

На этот раз отставка была принята; через восемнадцать лет честного и полезного служения он оставил префектуру — без копейки пенсии или вознаграждения, и должен был искать в промышленности если не средств к существованию, то пищу для неутомимой деятельности своего духа.

Вот портрет Видока в эту эпоху, начертанный его заклятым врагом, автором «Записок каторжника». «Эжен-Франсуа Видок, известный между ворами и полицейскими шпионами под именем Жюля, теперь 45 лет, ростом 5 футов и 6 дюймов,

отличается колоссальными формами; волосы белокурые, нос длинный, глаза голубые и рот улыбающийся, словом, наружность его, с первого взгляда, не лишена приятности, хотя часто он имеет дерзкий вид и надменно смотрит на всякого встречного, точно какая всесветная знаменитость. Он часто меняет костюм, всегда отличающийся тщательностью; у него есть кабриолет, сзади которого обыкновенно сидит его лакей, бывший каторжник. Он никогда не выходит без пистолетов и длинной шпаги, лезвие которой весьма широко и с золотой насечкой, а ручка украшена драгоценными камнями».

Несмотря на недоброжелательство рассказчика, из этого портрета видно, что Видок в 45 лет был очень красивым мужчиной. Правда, в заключение он прибавляет: «Череп Видока был бы истинной драгоценностью для френологов; таково мнение знаменитого доктора Галля, говорившего: "Я охотно дал бы за эту голову 10 000 франков, если бы не был уверен, что получу ее даром, потому что она, по всей вероятности, перейдет с Гревской площади в мой кабинет"».

Действительно, в брошюре Шарля Ледрю, вышедшей по смерти Видока, читаем:

«Будучи знаком с г-м Фоссати, знаменитым европейским френологом, я пригласил его в 1857 году рассмотреть череп одной личности, имя которой желал скрыть. Фоссати согласился и в моем кабинете видел означенную личность.

Внимательно осмотревши и ощупавши голову, он сказал, что никогда не видывал такого черепа; он обратил мое внимание на прекрасный широкий лоб, замечательную пропорциональность головы, и общий вывод его был буквально следующий:

В представленном вами незнакомце соединено три отличительных личности: "лев, дипломат и сестра милосердия".

Это была чрезвычайно симпатичная личность, имевшая магнетическую силу на всех видевших его и слышавших, которые всегда желали снова его увидеть и услышать; в нем

не было ничего вульгарного, и все действительно напоминало царя зверей, как характеризовал его Фоссати».

Выйдя в отставку, Видок удалился в Сен-Манде, в скромный домик, недавно им выстроенный. В «Записках каторжника» этот дом назван замком и сказано, что Видок не платил за камень на постройку. Вот это любопытное место:

«В 1826 году Видок заметил в реке множество плитняку, оставшегося частью от Шарантонского моста, разоренного во время нашествия на Францию союзников, частью от различных других обломков. Тогда он внушил префекту, благосклонностью которого пользовался, что в этом месте навигация по Сене сделалась весьма опасной и необходимо произвести очистку; вместе с тем просил поручить ему надзор за этой работой. Все ему благоприятствовало: правительство употребило большие издержки на извлечение этого камня, а Видок, в качестве распорядителя работ, велел их перевезти в Сен-Манде, где и воздвигся из них загородный дом начальника охранной бригады».

Трудно наговорить столько невероятного в столь немногих словах. Но откуда бы ни получился камень, Видок выстроил из него не замок и не дачу, а бумажную и картонную фабрику, замечательную особенно тем, что он принимал на нее только освобожденных из острога обоего пола.

Пока другие наполняли все академии великолепными диссертациями и от легкого ремесла теоретических филантропов наживали ордена, почести и барыши, бывший начальник охранной бригады, хорошо понимая, как необходимо для общества помочь этим несчастным, искренне раскаивающимся, решился доставить им работу и таким образом избавить их от искушения и вторичного вовлечения в порок.

Он избрал предпочтительно этот род промышленности, потому что она большею частью производится за городом, легко изучается и в то же время довольно выгодна. Фабрич-

ный через 6 месяцев ученья мог зарабатывать 2 фр. 50 сант. в день, а позднее — 3 франка 50 сант.; женщины зарабатывают 1 франк 25 сант. и 1 франк 75 сант. Начало его деятельности, несмотря на все трудности, было довольно удачно; он доказал на опыте, который действительнее всяких убеждений, что не все освобожденные преступники неисправимы и что при некоторой настойчивости значительную часть их можно обратить к добру.

Три причины содействовали падению этого столь замечательного заведения. Во-первых, освобожденные могли зарабатывать не с первого дня, а только по прошествии шести месяцев, а между тем их надо было поместить, кормить, а иногда и одевать с самого первого дня. Вопрос, стало быть, состоял не в том, чтобы им давать вперед, без надежды на возврат, а в том, чтобы их даром содержать во все время ученья.

Полиция вначале чрезвычайно одобрила мысль Видока и обещала оказывать ему значительную поддержку; но когда он вышел в отставку, она не дала ни гроша и оставила его одного нести все издержки обзаведения, простиравшиеся до 100 000 фран. для каждой бумажной машины; мало того, ему пришлось на свой счет содержать будущих рабочих во все время их ученья. Естественно, что при таких условиях он не мог долго поддерживать новое заведение.

Наконец, обыватели Сен-Манде ничем не лучше парижских, которые, известно, не отличаются совершенством. Не успели поселиться рабочие Видока, как на них стали взводить все преступления, совершаемые в местности, не исключая грабежей, производимых парижскими ворами. Где бы что ни случилось, кто бы ни жаловался, хор сплетников обоего пола повторял неизменно: «Это шайка Видока!»

Один из журналов провозгласил раз о смерти Видока и в весьма недоброжелательном тоне. Эту новость повторил и другой журнал, которому г-жа Видок отвечала следующим письмом:

«Редактору.
Париж. 10 мая 1846 г.

Господин редактор.

В вашей газете, от 9-го текущего месяца, вы перепечатали из другого журнала статью о моем муже, весьма недоброжелательного свойства, но которая, к счастью, вся наполнена ложью.

Видок, бывший начальник охранной полиции, находится в настоящее время в Париже по весьма важным промышленным делам. Он никогда не жил в Сен-Николя близ Брюсселя, и желающие удостовериться в том, что он жив, могут явиться ко мне, прочесть полученное мною сегодня письмо от него.

Наконец, всем знакомым с ним известно, и автору лживой статьи, быть может, лучше чем кому другому, что муж мой сохранил все свои умственные способности, что совсем не одержим страстью к спиртным напиткам и что, при своих понятиях о чести, никогда не позволит ни при жизни, ни по смерти своей предавать гласности вверенные ему тайны. Семейства и лица, заинтересованные в его скромности, могут быть совершенно спокойны на этот счет.

Прошу вас, г-н редактор, а при надобности готова и требовать, в качестве поверенной моего мужа, поместить это письмо в ближайшем номере вашей газеты.

Честь имею быть

Г-жа Видок».

Говоря о Видоке, Шарль Ледрю распространяется таким образом:

«Я знаю замечательный пример увлечения, производимого им на лиц высокопоставленных. Сэр Франсуа Бурде никогда не приезжал в Париж, не давши о том знать накануне Видоку, которого постоянно приглашал с собой обедать в том же ресторане, в сообществе двадцати или 25 лиц… честных, возвышенных и симпатичных людей, между которыми

он был интересным героем, для которого они и собирались, с восторгом слушая рассказы о его богатой приключениями жизни и осушая бутылки за здоровье старого льва».

«Он любил знаменитых людей и гордился их вниманием; все, сходившиеся с ним, рады были видеть этого человека, который издали казался им страшным, а с ними держал себя с гордым достоинством, как человек, место которого в избранном обществе; все слушали с безмолвным вниманием рассказы о его подвигах с этими темными шайками, ведущими вечную воину с обществом; страшная армия, не перед чем не останавливающаяся, победой над которой Видок так же гордился, как если бы имел дело с армией неприятеля на поле сражения».

«Он рассказывал о своих делах, как генерал рассказывает о своих битвах. Во всяком положении человек этот сохранил уважение к самому себе; и это чувство, бывшее его защитой, гарантией и талисманом посреди развращенных, преступных личностей, нередко вызывало у него вздохи вроде следующего:

"Недостаток воспитания лишил меня узды для сдержания столь надменной, жадной до всего натуры, как моя. Вовлеченный почти с юности в постоянные дуэли (он в четырнадцать лет убил фехтмейстера), в различные сумасбродства пылкой души, я неудержимо закрутился в урагане неукротимой молодости, излишества которой, вредя только мне самому, закрывали от меня навсегда двери будущего, бесполезно утраченного мною в несколько безрассудных лет"».

«Если бы вместо того, чтобы бросаться в пропасть, подобно неукротимой лошади, я занял место, предназначенное мне по способностям моим и энергии, то был бы так же велик, как Клебер, Мюрат и другие… Я равнялся им и сердцем, и головой, и сделал бы не менее их! Но мне не достало арены. Я родился, чтобы играть роль на благородной сцене войны; но когда вошел в разум, то увидел вокруг себя только тюрьму и острог».

«Но если я не завоевал славы воинственных героев, то все-таки мне остается утешение, что остался честным человеком в миазмах развращения и в атмосфере порока».

«Я сражался во имя порядка и справедливости, как солдаты сражаются за отечество, под знаменами своего полка.

У меня не было эполет; но я подвергался таким же опасностям, как и они, и так же ежедневно жертвовал своей жизнью».

И этот человек, страшный для тех, кто его не знал, был симпатичен всем, кто с ним сближался, потому что они видели в нем натуру деятельную, отважную и преданную честным целям.

Поэтому-то столько лиц приходили к нему со своими сокровенными тайнами, в которых требовалось содействие верной руки, когда нужно было вывести из затруднения оскорбленную женщину или восстановить затронутую честь семьи, словом, в тех делах, которые нельзя открыть ни друзьям, ни закону… но где необходим человек решительный, с верным взглядом и неистощимый в спасительных средствах, знающий все пути, чтобы уменьшить беду или восторжествовать над ней.

«Скольких знатных лиц я знал, которые, будучи уверены, что он скромен, как могила, прибегали к нему даже тогда, когда он уже не занимал официальной должности, поверяли ему свои горести, и он умел их утолять, потому что, изучивши до глубины нравственную географию человеческой души во всех слоях общества, он всегда мог оказывать те услуги, за которые готовы заплатить жизнью!»

«Этот великий дипломат совершал во всех этажах дела милосердия, покрытые тайной и потому имевшие еще большую цену. На его скромность всегда могли полагаться, потому что он никогда но изменил ей».

«Он не только извинял некоторые проступки, но относился к ним с состраданием, потому что сам переиспытал столь-

ко горестей в своей исключительной жизни. Извинял и тем, которых спасал от скандалов, потому что если и был сам без страха, но не без упрека, сознавался в собственных погрешностях и искупал их неустрашимостью и состраданием».

«Он упрекал себя за удальство и дуэли в молодости, особенно с теми, кто имел несчастье ухаживать за нравившимися женщинами, причем часто соперничал с опытными бойцами. В возрасте, когда люди благовоспитанные едва кончают гимназический курс, он уже был на своей родине известным ловеласом среди молодежи, о котором еще и теперь сохранилось воспоминание».

Для всех, интересовавшихся Видоком, оставалось неразгаданной задачей, куда девалось его состояние, потому что он отличался умеренностью и проживал немного: он всегда старался избежать объяснений об этом предмете. Нам известно из достоверного источника, что он сделался жертвой подлого злоупотребления доверием; но от кого? Эту тайну он унес с собой.

«Он тщательно скрывал свои стесненные обстоятельства, хотя гордость его не страдала от них. Натура его постоянно проявлялась в письмах.

Он писал мне 8 марта 1857 года:

«Несчастный, угнетаемый страшными страданиями, делается нетерпелив; десять дней ожидания — это целая вечность…

…Не дай Вам Господи испытать мук, переносимых мною без утешения, без…

…Лучше умереть.

…Я ожидаю Мессию».

В другом письме;

«Раненный в сердце, в ногу, старый лев не может выйти из своей берлоги, где он стонет, не имея более сил рычать.

Оставленный всеми, он с мужеством и покорностью ожидает, чтобы отверзлись двери вечности».

Его безденежье длилось долго, потому что еще в 1852 году 31 декабря, накануне нового года, он писал мне обычные пожелания:

«Чувствуя в душе благодарность, невозможно забыть…»

«Спешу воспользоваться новым годом, чтобы поблагодарить Вас…»

«Примите уверение в моем уважении и признательности.

Ваш нижайший и покорнейший слуга

Видок.

P. S. Что касается до меня, у меня нет решительно ничего».

20 мая 1856 года он писал мне:

«Вы меня забыли; это не в Вашей привычке, потому прощаю Вам.

Старый лев»

«Дорого яичко к велику дню, видно Вы забыли пословицу».

«Старый лев нуждается в Вас и надеется на Вашу обязательность. Он, впрочем, привык принимать доказательства Вашего доброго расположения».

5 марта 1857 года:

«От несчастных пахнет, и потому те, у кого слишком тонкое обоняние, бегают их, как заразы».

И тотчас же за тем следует смягчение:

«Старый лев надеялся, что Вы опять, о нем вспомните…»

«Кабы Вы приехали и утешили его! А пока он жмёт Вам руку своей лапой.

Видок».

Еще за два дня до паралитичного припадка, который свел его в могилу, он писал мне:

«Я все еще в большом затруднении, без поддержки, без покровительства».

На следующий день он слег и не вставал уже более. Он с твердостью сносил бедность и избегал сознаваться в ней, хотя досадовал, когда не отгадывали крайность его положения.

Видок был очень крепкого и сильного сложения; все, отдававшие отчет о его многочисленных процессах, всегда начинали говорить о его росте и атлетических формах. Если бы лета его не были достоверно известны на суде, то ему никто не поверил бы, когда он объявлял о них с некоторым кокетством. Если вспомнить, какую бурную молодость он провел, какие лишения вытерпел в полку, в тюрьмах и острогах, сколько трудов и опасностей перенес в течение двадцати лет, проведенных во главе охранной бригады, то невольно приходит в голову, сколько этот человек мог бы прожить в другой среде и при других условиях.

Он сам часто повторял, и даже за два месяца до смерти: «Я, верно, доживу до ста лет… Во всяком случае, лет десять еще проживу».

Можно бы сделать вопрос другого рода, более возвышенный, можно бы спросить, до какого положения в обществе, до каких чинов, особенно в армии, дошел бы Видок, одаренный в такой степени силой, мужеством и умом, если бы его не поразило с восемнадцати лет постыдное осуждение за проступок, который в настоящее время закон осудил бы далеко не так строго. Его сгубило именно это осуждение, а не проступки его молодости, не исключая и того, за который он был осужден. С той поры, проходя жизнь под разными именами и костюмами, под гнетом постоянной стражи, выталкиваемый из общества при всякой попытке жить с достоинством, он не имел покоя до тех пор, пока не обратился в полицию просить убежища от острога. В нем были задатки великого

человека; а он оставил по себе память, хотя человека необыкновенного, но с грустной, фатальной знаменательностью.

Г-н Шарль Ледрю так описывает его последние минуты:

«Я, по его желанию, был вызван на третий день после параличного удара. Мне написали от его имени, что он опасно болен, исповедовался, скоро будет причащаться, чрезвычайно желает меня видеть и надеется, что я приеду завтра, т. е. в понедельник, 4-го мая. Я поспешил тотчас же, еще 3-го мая. Его изменившееся лицо, почти не двигавшийся язык заставили меня опасаться, что он не успеет выполнить последних обязанностей.

Я тотчас же отправился к священнику, которого он избрал в духовники. Это был г-н Орсан, викарий церкви Тела Господня, в улице Св. Людовика.

Подойдя к больному, священник напомнил ему о том, в каком расположении необходимо быть, чтобы приступить к святым тайнам, и что главное — надо открыться во всех своих грехах.

— Батюшка, — отвечал Видок, — если я позвал вас сам, то значит, хотел высказать всю правду. Моим всегдашним правилом было воздерживаться и не делать худого.

Я провел жизнь в преследовании преступников, которых предавал в руки правосудия, и я был бы преступнее величайшего злодея, если бы, призвавши служителя Божия для исповеди, я не сказал правды и одной только правды».

«Священник пришел со мной во второй раз к больному.

При входе его на лице Видока выразилось совершенное спокойствие, и он обоим нам дружески протянул руку.

Я удерживался делать ему какие-либо вопросы, из боязни утомить его. Но он сам начал.

— Я счастлив, что вижу вас с добрым батюшкой… Как, он меня понял!.. Я ему все сказал… таково было мое твердое

намерение заранее… он принес мне большое утешение… Но я хочу докончить начатое. Завтра, в два часа, он обещал меня пособоровать и причастить… Вы не опоздаете… именно в этот час я желал бы, чтобы вы были здесь.

На следующий день, в назначенный час, мы со священником были у его постели; кроме нас, был дьячок, дама, которую Видок одну только допускал ходить за собой, еще две дамы, его соотечественницы, которые, живя в одном доме и узнавши, что священник принес предсмертное причащение, пришли тоже помолиться.

После краткого поучения духовник приступил к совершению соборования, этому загробному крещению. Внимательный взор больного был устремлен на священника; он, казалось, хотел проникнуть сердцем и духом в величественную простоту этой торжественной церемонии, в которой священнослужитель святым помазанием очищал каждый его член, подобно как таинство исповеди очистило его душу».

«Минуту спустя после соборования, он был причащен.

Затем умирающий, задыхаясь от сдерживаемых порывов умиления, стал рыдать, приложа руку к сердцу, как бы желая этим выразить то, чего язык не мог произнесть. Наконец он сделал усилие, чтобы произнести следующие слова, сопровождаемые слезами благоговения; раскаяние как бы излилось в слезах благодарности и счастья:

«Этот день счастливейший в моей жизни. Это слишком много счастья для Видока».

«Перед причастием священник дал ему поцеловать крест из оливковых зерен, привезенный из Оливкового сада и благословенный папой, а также четки, благословенные святым отцом, которые Видок надел на руку. Больной сделался спокоен, почтительно глядя на эти предметы, после чего проговорил:

«Я был на краю пропасти. В течение 75 лет я не входил в церковь. Я и не вспоминал о Боге, разве вскользь, при случае.

Теперь свет озарил мою душу… Я люблю Бога, чувствую это и чувствую также, что Он меня любит за мое искреннее раскаяние. Да осенит меня Его благодать… Он меня простит.

Я во многом согрешил, но в душе всегда был добрым и честным человеком… Он это знает и теперь, бесконечно милосердный, не имеет причины не простить меня.

У меня была сумасбродная голова в юности, и я никогда не мог выносить несправедливостей. Раз тридцать я дрался за священников, которых намеревались оскорблять во время Террора 93-го. Сам же я никогда не оскорблял ни священнослужителей, ни самую религию. В тот день, когда на площади в Аррасе казнили девиц Сю-Сен-Леже, увидя трех драгун, тянувших веревку гильотины, я сказал, что они подлецы и что лучше бы им оставаться при своем посте. Я дрался со всеми тремя и с того дня не хотел носить хлеб в дом Робеспьера». (Видок, как известно Читателю, был сын булочника)».

«Я чересчур любил женщин… но не развратил ни одну из них…

Если бы не мой буйный нрав и не моя наклонность к ссорам, препятствовавшим мне оставаться в военной службе… я был бы вторым Клебером… Но легкомысленный проступок в Дуэ изменил мою судьбу: я дал возможность одному бедному мужику бежать с помощью подделанного мною ключа… Этот проступок, такой же, как все мои побеги из тюрьмы, как мои ссоры с тюремщиками и низшими судебными чиновниками, был причиною моих несчастий».

«Так как меня нельзя было оставить в Тулоне и так как знали, что я мог быть полезным, то г-н Дюбуа поместил меня в полицию, в Лион.

Вместо того чтобы сражаться с врагами отчизны и заслужить маршальский жезл, я сделался начальником полиции в Париже.

Я сражался всеми возможными средствами, под разнообразными костюмами и с вооруженной рукой против врагов общественного порядка — воров и убийц.

Без женщин и дуэлей я получил бы крест Почетного легиона и поднялся бы на вершину почестей».

«После этих отрывочных фраз он написал на бумаге, оставшейся в руках ходившей за ним особы, три имени — Ламартина, Занжиакомо и Пекура».

«К этим именам он добавил словесно имя г-на де Берни. Это был старший судья, с которым мы познакомились в тот день, когда я, Оре, бывший адвокат в Аррасе, а в то время советник суда в Дуэ, и Ландрен, были собраны у Боажана, адвоката кассационного суда, теперешнего сенатора; мы собрались для совещания о том, имел ли право министр внутренних дел выслать Видока из Франции за то, что он осужден в подлоге… В это время пришел слепой Берни, в сопровождении одного бывшего судьи, и просил чести присоединиться к нам, причем заявил, что он знал и следил за Видоком но всех его действиях и нашел его безукоризненным и достойным всякого уважения».

«После вышеозначенных слов, выслушанных Видоком с напряженным вниманием, потому что слабеющие силы его часто прерывались — язык не повиновался и двигался с трудом… итак, по произнесении этих слов, он продолжал с умилением смотреть на распятие, которое духовник повесил над его постелью, чтобы оно постоянно было перед глазами умирающего».

«Особа, которую он особенно почитал и которую избрал себе в сиделки, была г-жа Лефевр; он уже с давних пор находился у нее в качестве нахлебника.

Видя, что совсем не может писать и что ему стоило величайших усилий начертить три вышеупомянутых имени, он

обратился к ней и продиктовал странный нижеследующий документ, написанный ею карандашом на клочке бумаги:

«Что касается до Эмиля Шевалье, который явится в качестве моего наследника, то это незаконный сын г-на Ледюка, адвоката в Аррасе. Весь Аррас знал эту интригу и ее результаты. Притом, когда зачался и родился этот ребенок, я содержался в остроге, в Тулоне или Бресте; а известно, что в этих местах невозможны подобные сношения.

Эмиль хорошо знает, что он не мой сын; это несомненно уже потому, что он никогда не носил другого имени как Эмиль Шевалье, хотя я не запрещал носить ему мое.

Во всех занимаемых им должностях удержано имя Шевалье, и только за несколько последних лет, видя мою старость, он вздумал назваться Видоком.

Раз, когда он явился ко мне с визитной карточкой этого имени, и когда я, приняв его, сделал замечание на этот счет, он согласился со мной, что он незаконнорожденный сын. Мой рассказ клонится только к тому, чтобы показать нравственность матери и сына.

При этом визите он простер свою дерзость до того, что намеревался получить мое наследство вперед, предлагая за это доказать, что он мне не сын и, прибавя, что его мать, бывшая тогда еще в живых, явится и объявит перед судом всю правду.

Невозможно лгать, стоя одной ногой в гробу и только что принявши святое причащение.

Повторяю, это не ради перекоров, но ради того, чтобы дать понятие о безнравственности сына и матери».

«Еще за несколько минут до смерти больной повторял имена Ламартина, Верни, Занжиакомо и Пекура».

«Что касается до особы, которую он особенно любил и которая ухаживала за ним до смерти, он так был тронут ее

заботами, что накануне сказал: «На небе я буду молиться за ее дочь, потому что г-жа Лефевр была относительно меня, как монахиня». И он упросил меня тотчас же написать стихотворение, в котором бы выразилась благодарность к ней».

«Тщетно я повторял, что я не поэт; я был вынужден настояниями умирающего (res sacra miser!) написать карандашом плохое четверостишие, которое он заставил меня прочесть три раза, говоря: «Это доброе дело… благодарю вас!»

Видок имел счастье чрезвычайно восхитить почтенного священника, принесшего ему последние утешения религии, и этим мы закончим наши выписки из брошюры Шарля Ледрю: «Мы слышали, как священник сказал, давая последнее благословение кающемуся, осенявшему себя крестным знамением:

“Две чудные смерти, которые мне случилось видеть во все время моего служения, — это смерть Видока и смерть генерала Деро, умершего девяноста лет от роду, после шестидесятилетней деятельности на высшем служебном посту”».

«Я все сказал. Но так как я говорил о душевном враче, то должен упомянуть и об усердии телесного врача, лечившего Видока в продолжение тридцати лет как предпочтительного своего пациента. Его зовут г-н Дорнье, это тоже живая жертва; он стар и беден! Но у него верный взгляд, а в особенности он обладает даром поддерживать в больном надежду до последней минуты — он, которого несчастье преследовало самым беспощадным образом и который должен бы быть большим скептиком».

«Его бедность, несмотря на познания, произошла от трех последовательных переездов с квартир, вследствие перестройки домов; и таким образом ему пришлось жить в трех различных кварталах, удаляясь от приобретенных пациентов».

«Но при всех переездах дружба к старому, привилегированному пациенту осталась неизменна».

«Когда его не было у постели больного, чтобы повторять “теперь лучше…”, “да” (причем последний со своей стороны находил всегда какую-нибудь новую силу, поддерживающую угасающую жизнь). Видок беспрестанно за ним посылал, он звал его как человека, державшего в своих руках нить его существования».

«В торжественную минуту смерти священник и врач подошли к нему, чтобы принять последний его вздох».

«Он сделал доктору знак, что дело его покончено, а священнику, чтобы он подошел как можно ближе, дать ему последнее благословение… и прошептал, испуская последний вздох:

“Вы, вы… мой единственный врач”».

«В первый день паралического удара, который Видок признал за смертельный, он сделал все распоряжения насчет похорон и продиктовал, какую сумму оставляет муниципалитету и церкви».

«Он требовал, чтобы его гроб провожал кортеж бедных, и только.

Это требование было выполнено в точности.

Его провожали, не считая других приглашенных, пятьдесят мужчин и женщин, которых он выпросил у монахинь благотворительного общества».

«Шествие отправилось из церкви, где заупокойная обедня была отслужена его духовником, как он того пожелал».

Не в обиду г-ну Шарлю Ледрю надо сказать, что погребальная процессия за гробом Видока состояла не из бедных. За нею же действительно шли сто человек бедных, из которых каждый получил по три франка; я не знаю, это ли хочет сказать Ледрю выражением, не считая других приглашенных. Кроме этих награжденных бедных, в церкви не было и десяти человек; из числа присутствующих одна молодая девушка заливалась слезами.

Как только Видок умер, явились в качестве наследников; во-первых, тот, кого он называл Эмиль Шевалье, но который тем не менее считается его законным сыном, пока суд не доказал противное; во-вторых, супруги Лефевр с завещанием по всей форме, в-третьих, бульварная актриса, две, три, пять или десять женщин легкого поведения, тоже каждая с завещанием по форме, но, к сожалению, прежде составленными и потому недействительными.

Конец третьего и последнего тома

Оглавление

Глава сороковая 3

Глава сорок первая 22

Глава сорок вторая 34

Глава сорок третья 42

Глава сорок четвертая 51

Глава сорок пятая 78

Глава сорок шестая 85

Глава сорок седьмая 87

Глава сорок восьмая 95

Глава сорок девятая 102

Глава пятидесятая 104

Глава пятьдесят первая 109

Глава пятьдесят вторая 114

Глава пятьдесят третья 117

Глава пятьдесят четвёртая 124

Глава пятьдесят пятая 131

Глава пятьдесят шестая 134

Глава пятьдесят седьмая 138

Глава пятьдесят восьмая 142

Глава пятьдесят девятая 149

Глава шестидесятая 159

Глава шестьдесят первая 163

Глава шестьдесят вторая 168

Глава шестьдесят третья. Пролазы (Clievaliers grimpants) ... 175
Глава шестьдесят четвёртая. Ночные грабители лавок (Boucardiers) ... 180
Глава шестьдесят пятая. Магазинные и лавочные воры ... 183
Глава шестьдесят шестая. Еще вид магазинных воров (Voleurs sous comptoir) ... 187
Глава шестьдесят седьмая ... 189
Глава шестьдесят восьмая. Экипажные воры (Rouletiers-колесники) ... 194
Глава шестьдесят девятая. Карманники или жулики ... 197
Глава семидесятая. Мазурики или игроки ... 201
Глава семьдесят первая. Бильярдные шулера (Emporteurs) ... 203
Глава семьдесят вторая. Заемщики ... 206
Глава семьдесят третья. Менялы (grece) ... 225
Глава семьдесят четвертая. Подбиратели, или Теряющие и находящие (Ramastiques) ... 229
Глава семьдесят пятая. Убийцы по профессии, или Молодцы больших дорог ... 234
Глава семьдесят шестая. Разбойники. Шофферы-поджариватели ... 237
Биографический очерк о жизни Видока ... 243

Эжен Франсуа Видок

Записки Видока, начальника Парижской тайной полиции

В трех томах

Том первый

16+

Ответственный редактор *А. Иванова*
Корректор *М. Глаголева*
Верстальщик *С. Мартынович*

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16